

А. СОЛЖЕНИЦЫН

ЧЕМ ГРОЗИТ ЗАПАДУ ПЛОХОЕ ПОНИМАНИЕ РОССИИ

1. Две ошибки о коммунизме

Люди, не безнадежно ослеплённые своими иллюзиями, сегодня должны признать, что весь Запад каким-то образом попал в критическое и даже смертельно-опасное положение. Можно указать немало частных объяснений этому и отметить те частные этапы за 60 лет, которые привели к сегодняшней ситуации. Но если указывать главную причину, то это: 60-летняя упорная слепота к природе коммунизма.

Я не говорю о тех, кто и по сегодня любит, прославляет и защищает коммунизм. Разумеется — не к ним моя статья. Но есть множество понимающих, что коммунизм — зло, что он опасен миру, — а всё ещё не доведавшихся до непримиримости его природы. И такие люди, занимая посты направляющих референтов или ведущих политических деятелей, — допускают сегодня новые, свежие просчёты, — которые неизбежно ответно ударят в будущем и ударят смертельно.

И самые распространённые ошибки здесь две. Одна — непонимание тотальной враждебности коммунизма всему человечеству. Что он — неизлечим, что у него нет «лучших» вариантов, что он — не может «подобреть», что идеологически он не может прожить без террора. Что поэтому никакое сосуществование с ним на одной планете невозможно: либо он прорастёт человечество как рак и убьёт его; либо человечество должно от него избавиться и то ещё потом с долгим лечением от метастазов.

Вторая ошибка — тоже очень распространённая: мировую болезнь коммунизма неразделимо смешивают с той страной, которую он овладел первой — Россией. Эта ошибка смещает акценты угрозы, все рецепты правильных действий и тем обезоруживает Запад. Это непонимание становится трагичным и угрожает всем народам, причём американскому — никак не позже и не меньше, чем русскому. Не придётся ждать следующих поколений, чтоб нашлось достаточно «благодарных проклинателей» тех, кто внедрил эту ошибку в общественное сознание.

О первой ошибке я много писал и говорил. На Западе немало вызывал этим недоверия, — но, кажется, с годами, по мере обучения реальности, согласие увеличивается.

Предлагаемая статья посвящена главным образом второй ошибке.

2. Россия и СССР

Прежде всего легкомысленно и неправильно применяют слово «Россия»: его используют вместо слова «СССР», и слово «русские» вместо «советские» — и даже с постоянным эмоциональным преимуществом в пользу второго («русские танки вошли в Прагу», «русский империализм», «русским нельзя верить», но — «советские космические достижения», «успехи советского балета»). А следует твёрдо различать, что понятия эти не только противоположны, но **враждебны**. Соотношение между ними такое, как между человеком и его болезнью. Но мы же не смешиваем человека с его болезнью, не называем его именем болезни и не клянем за неё. Государство как действующее целое, страна с её правительством, политикой и армией — с 1917 уже не могут более называться Россией. Слово «русский» неправомерно применять ни к сегодняшней власти в СССР, ни к армии его, ни к будущим военным успехам и оккупационным властям в разных местах мира, хотя они и будут служебно пользоваться русским языком. (Это равно относится и к Китаю, и ко Вьетнаму, только там не возникло своё слово «советский».) Один американский дипломат воскликнул недавно: «Пусть на русском сердце Брежнева работает американский стимулятор!» Ошибка, надо было сказать: «на советском». Не одним происхождением определяется национальность, но душой, но направлением преданности. Сердце Брежнева, попускающего губить свой народ в пользу международных авантюр, — не русское. Вся их деятельность по уничтожению народной жизни и загаживанию природы, осквернению национальных святынь и памятников, содержанию народа в голоде и нищете уже 60 лет — показывает, что коммунистические вожди чужды народу и равнодушны к его страданиям. (И лютый красный кхмер; и польский функционер, хотя и взращённый матерью-католичкой; и китайский комсомольский надсмотрщик над голодными кули; и разъеденный Жорж Марше с кремлёвской внешностью — все они ушли от своей национальности, предавшись бесчеловечью.)

Слово «Россия» для сегодняшнего дня может быть оставлено только для обозначения угнетённого народа, лишённого возмож-

ности действовать как одно целое, для его подавленного национального самосознания, религии, культуры, — и для обозначения его будущего, освобождённого от коммунизма.

Когда в 20-е годы передовое западное общество восхищалось большевизмом, то не путали, так и называли предмет восторга «советским». В трагические годы Второй Мировой войны два понятия в глазах мира как будто слились (об этой жестокой ошибке — ниже). С лет холодной войны установилась недоброжелательность преимущественно к слову «русский». И это даёт себя знать поныне, даже в последние годы появились новые острые обвинения против «русского».

3. Непонимание от науки

Сведения и понимание исторической России и нынешнего СССР американский читатель получает в основном: от американских учёных — историков и славистов; от американских дипломатов; от американских корреспондентов в Москве; от новейших эмигрантов из СССР. (Не упоминаю пропагандистских советских публикаций, которым уже верят меньше, и туристических впечатлений — совсем поверхностных, по искусным приёмам «Интуриста».)

Американская историческая наука, при всей казалась бы незаграждённой ей широте и непредвзятости, но сталкиваясь со скудостью и марксистской деформацией советских источников, часто попадает, сама того не замечая, в принудительное русло, предоставляемое советской официальной наукой, и, в иллюзии самостоятельного пути, невольно повторяет проблематику, иногда и методологию советской науки и вслед за ней обходит некоторые скрытые, совсем затемнённые области. Достаточный пример: что само существование Архипелага ГУЛага, его нечеловеческая жестокость, его размеры, длительность и объёмы смертности до самого последнего времени не признавались западной наукой. Другой пример: мощные явления стихийного народного сопротивления коммунизму в нашей стране в 1918-1922 совсем не были замечены западной наукой, а в замеченной части объявляются (в лад с коммунистами) «бандитизмом» (например — М. Левин). Что касается общей оценки советской истории, то здесь и по сей день дают себя знать те восторги, с которыми «прогрессивная» европейская общественность встречала «зарю новой жизни» в разгар наших террористических уничтожений 1917-1921. И по сегодня во многих публикациях американских профессоров вы можете встретить в серьёзном употреблении — «идеалы

революции», а эти «идеалы» с самого первого шага проявлялись как миллионные убийства. Также и глубинная история России испытала на Западе искажённое влияние страстной радикальной мысли. В последние годы в американской науке заметно господство легчайшего однолинейного пути: неповторимые события XX века — сперва в России, затем и в других странах, объяснить не особенностью нового коммунистического феномена в человеческой истории, — но свести к исконным свойствам русской нации от X и XVI века (взгляд — прямо расистский). События XX века объясняются неосновательными поверхностными аналогиями из прошлых веков. Пока коммунизм был предметом западного восхищения, — он превозносился как несомненная заря нового века. С тех пор, как пришлось его осудить, — его находчиво объяснили извечным русским рабством.

Такая трактовка имеет много сторонников в нынешнем мире, ибо она выгодна многим: коль скоро коммунизм преступен и порочен не сам по себе, а во всём виноваты традиции старой России, то: нет угрозы основам существования Западного мира; сохраняются обещающие перспективы разрядки, торговли и даже дружбы с коммунистическими странами, всем жителям Запада — продолжение безопасного комфорта; все коммунисты западных стран освобождаются от обвинения и подозрения («у них будет лучше, совсем хороший коммунизм»); и облегчается совесть тех либералов и радикалов, которые отдали в прошлом столько своих восторгов и помощи этому кровавому режиму.

Соответственно, в трактовке прежней русской истории учёные этого направления поступают бесцеремонно. Они допускают весьма произвольный отбор явлений, фактов и лиц, поддаются недостоверным, а то и просто ложным версиям событий, но ещё разительней: почти полностью пренебрегают духовной историей тысячелетней страны, как будто она (приём марксизма) и не имела влияния на течение материальной истории. При изучении китайской, тайландской или любой африканской истории и культуры считается необходимым испытывать уважение к её своеобразию. По отношению же к русскому тысячелетнему восточному христианству западные исследователи во множестве испытывают лишь презрение и удивление: почему этот странный мир, целый материк, всё не принимал западного мировоззрения и всё не шёл по столь явно преимущественному западному социальному пути? Россия решительно осуждается за всё, в чём непохожа на Запад.

В длинном ряду таких выступлений характерна хотя бы книга Ричарда Пайпса «Россия при старом режиме».* Пайпс вовсе пренебрегает духовной жизнью русского народа и его миропониманием — христианством, рассматривает века русской истории вне зависимости от православия и его деятелей (достаточно сказать: Сергей Радонежский, несравненно повлиявший на века русской духовной и государственной жизни, вообще ни разу не упомянут в книге, а Нил Сорский выставлен в анекдотической роли). То есть вместо показа живого народного существа — анатомируется труп. Самой Церкви Пайпс отводит одну главу, при этом лишь как гражданскому учреждению и трактуя его в духе советской атеистической пропаганды. Этот народ и эта страна представлены как не доразвившиеся до духовной жизни, движимые одними лишь грубыми материальными расчётами от мужика и до царя. Даже внутри тематических разделов нет убедительного последовательного изложения истории: хаотически смешаны исторические эпохи, события разных веков (и часто без указания дат). Автор произвольно игнорирует события, лица и стороны русской жизни, которые мешали бы его концепции: что вся история России никогда не имела другого смысла как создать полицейский строй. Он отбирает только то, что помогает ему дать пренебрежительно-насмешливое и открыто-враждебное описание русской истории и русского народа. Из его книги возможен только один вывод: об античеловеческой сути русской нации, никуда не годившейся все 1000 лет и очевидно безнадёжной для будущей жизни. Даже честь мирового изобретения тоталитаризма Пайпс приписывает императору Николаю I. Не говоря уже о том, что тоталитарный феномен никогда не был осуществлён до Ленина, у г. Пайпса достаточно эрудиции, чтоб он мог указать, что идею тоталитарного государства первый предложил Гоббс в «Левиафане» (глава государства — господин не только над имуществом и жизнью, но и **совестью** граждан). Да и Руссо давал к тому основания, объявляя демократическое государство «неограниченным сувереном» не только над собственностью, но и над **личностью** граждан.

Меня как писателя, выросшего и всю жизнь прошедшего в стихии русского языка и фольклора, особенно поражает такой «научный» приём Пайпса: из 40 тысяч русских пословиц, составляющих в своём единстве и внутренних противоречиях ослепительное художественное и философское создание, Пайпс выры-

* Richard Pipes — Russia under the old regime, — Charles Scribner's Sons, New-York, 1974, 361 pp.

вает (искусственно подобранные Горьким) подходящие ему полдюжины пословиц — и ими «доказывает» жестокую циничную природу русского крестьянства. На меня этот приём производит такое же впечатление, как, вероятно, на ухо Ростроповича произвёл бы волк, севший играть на виолончели.

Все учёные и публицисты этого направления с каким-то ту-поумием повторяют из книги в книгу, из статьи в статью два имени: Иоанн Грозный и Пётр I, подразумеваемо или открыто сводя к ним весь смысл русской истории. Но и по 2, и по 3 не менее жестоких короля можно найти и в английской, и во французской, в испанской и в любой другой истории, — однако никто не сводит к ним полноту исторических объяснений. Да никакие два короля не могут определить историю 1000-летней страны. Однако, рефрен продолжается. Таким приёмом одни учёные хотят показать, что коммунизм только и возможен в странах с «порочной историей», другие — очистить и сам коммунизм, переложив вину за его дурное исполнение на свойства русской нации. Подобный взгляд повторился и в серии недавних статей, посвящённых столетию Сталина, например у профессора Роберта Таккера (Tucker, NYT — 21.12.79).

Короткая, но энергичная статья Таккера изумляет: неужели она написана не 25 лет назад? Как же может учёный политик и сегодня настолько не понимать коммунистического феномена? Мы снова встречаем всё те же неувядающие идеалы революции, которые загубил гнусный Сталин, потому что уроки брал не у Маркса, а у гнусной русской истории. Профессор Таккер спешит спасти социализм тем, что Сталин, оказывается, не был настоящим социалистом! — он действовал не по теории Маркса, а по стопам всё тех же настрявших Иоанна Грозного из XVI века и Петра из XVIII. Что будто вся сталинская эпоха есть радикальный возврат в прежнюю царскую эпоху, а совсем не последовательное применение марксизма к современным реальным условиям, что Сталин разрушил большевизм (а не продолжал его). Я, по авторской скромности, не смею просить и надеяться, чтобы проф. Таккер прочёл хотя бы I-й том «Архипелага ГУЛага», а лучше бы все три. Это может быть освежило бы у него в памяти, что коммунистический полицейский аппарат, промолотивший потом 60 миллионов жертв, создали Ленин, Троцкий и Дзержинский, сперва в виде ЧК, имевшей неограниченное право бессудного расстрела неограниченного числа людей. Что Ленин собственным пером сформулировал 58-ю статью уголовного кодекса, на которой и был основан весь сталинский ГУЛаг. И весь красный террор и мил-

лионные подавления крестьянства сформулированы Лениным и Троцким. Вот эти инструкции Сталин и выполнял честно, лишь ограниченно по своим умственным возможностям. Единственное, в чём он осмелился отойти от Ленина, — это в том, что стал уничтожать (для укрепления собственной власти) верхушку коммунистической партии. Но и в этом он лишь выполнял всеобщий закон больших кровавых революций: они непременно пожирают своих делателей. В СССР верно говорилось: «Сталин — это Ленин сегодня», и действительно: вся сталинская эпоха есть прямое продолжение ленинской, лишь более зрелое по результатам и длительной плавности развития. Никакого «сталинизма» никогда не существовало ни в теории, ни на практике, ни такого явления, ни такой эры, — это понятие придумала после 1956 левая западная мысль для спасения «идеалов» коммунизма. И только в злом фанатизме можно назвать «русским националистом» Сталина, уничтожившего 15 миллионов отборных крестьян, сломавшего хребет русскому крестьянству — то есть, самой России, и положившего свыше 30 миллионов во 2-ю мировую войну, не выбирая экономных методов ведения, не бережа народных жизней.

И какой же образец мог, по Таккеру, увидеть для себя Сталин в прежней царской России? Лагерь — вообще не было, и понятия даже такого. Отсидочных тюрем — очень мало, и поэтому политические (кроме крайних террористов) и в том числе все большевики посылались в благополучную сытую ссылку на казённом содержании, где никто не принуждал их к труду, — и откуда все желающие беспрепятственно бежали за границу. Но и уголовная тогдашняя каторга не составляла 1/10000 части ГУЛага. Всякое следствие велось в строгой законности по устоявшимся законам, всякий суд — открыт и с участием адвокатуры. Секретная полиция в сумме по всей стране имела штатов меньше, чем сегодня госбезопасность одной Рязанской области, охранные отделения существовали только в трёх столицах, и то со слабым надзором, а всякий уехавший за черту этих столиц сразу уходил из-под наблюдения. В армии — вообще не было секретного осведомления и наблюдения (что весьма облегчило февральскую революцию), ибо Николай II считал это оскорблением своей армии. Добавим к этому: отсутствие специальных пограничных войск, пограничных укреплений и полная свобода эмиграции.

Многие западные историки отдаются устойчивой ложной традиции в представлении дореволюционной России, тем отчасти повторяя советскую пропаганду. Россия перед войной 1914 года была страна с цветущим производством, в быстром росте, с гиб-

кой децентрализованной экономикой, без стеснения жителей в выборе экономических занятий, было положено начало рабочего законодательства, а материальное положение крестьян настолько благополучно, как оно никогда не было при советской власти. Газеты были свободны от предварительной политической цензуры (даже и во время войны), существовала полная свобода культуры, интеллигенция была свободна в своей деятельности, исповедание любых взглядов и религий не было воспрещено, а высшие учебные заведения имели неприкосновенную автономию. Многонациональная Россия не знала национальных депортаций и вооружённого сепаратистского движения. Вся эта картина не только не схожа с коммунистической эпохой, но прямо противоположна ей во всём. Александр I был с войском и в Париже — но не присоединил к России и клочка европейской земли. Советские завоеватели никогда не уходят ниоткуда, где однажды ступила их нога, — и оба феномена признаются одноприродными! Та «плохая» Россия не нависала захватом над Европой, ни тем более Америкой и Африкой. И экспортировала она — хлеб и сливочное масло, а не оружие и не инструкторов терроризма. И сокрушилась-то она из верности западным союзникам, из-за того что Николай II продолжал бессмысленную войну с Вильгельмом, вместо того чтобы пойти на сепаратный мир (как сегодня Саадат) — и спасти свою страну. Недружелюбие к прежней России на Западе было раздуто усилиями русской революционной эмиграции, предложившей самую примитивную схему, движимую их политическими увлечениями, — и никогда не уравновешенную никакими русскими ответами и разъяснениями, ибо в старой России понятия не имели о роли «агитации и пропаганды». (И так, например, 9 января 1905 в Петербурге, когда было несчастным образом убито 100 человек из демонстрации и ни один не арестован, осталось вечным клеймом и характеристикой России, а 17 июня 1953 в Берлине, когда было злоумышленно убито 600 демонстрантов и арестовано 50 тысяч, — не поминается упреком СССР, но скорей ставится в уважение его силе: «надо искать общий язык».)

Как-то с веками совсем забылась дружба России с юными, новообразованными Соединёнными Штатами в XVIII веке. С начала XX века в американском обществе распространилась недружелюбность к России. Её последствия мы видим и сегодня. Но сегодня они выходят из рамок отдалённых чувствований и грозят привести весь Запад к роковой ошибке.

4. Непонимание от информаторов

После таких коренных ошибок, проявляемых в понимании России и СССР американскими учёными, мы уже меньше удивимся промахам политиков — хотя работников как будто практических, но всегда головой под влиянием существующих общих теорий, а руками, сильно скованными обстановкой момента.

Совокупным действием этих причин только и можно объяснить чудовищную резолюцию Конгресса США 6-8 июля 1959 г. «о порабощённых нациях» (PL 86-90, с тех пор возобновляющаяся), где даже отсутствует всеобщий виновник — СССР, где всемирный коммунизм назван русским, России приписано порабощение континентального Китая и Тибета и русским отказано числиться в составе угнетённых наций, к каким причислены несуществующие Идель-Урал и Казакия.

Очевидно пятно непонимания и невежества гораздо шире, чем эта резолюция.

Так и многие действующие или прежде действовавшие дипломаты Соединённых Штатов своими постами и своим авторитетом помогли создать вокруг советского коммунизма опасное горячее облако иллюзий и легковесных расчётов. Такого наследства много оставили дипломаты рузвельтовской школы, как Гарриман, до сих пор уверяющий легковесных американцев в миролюбии кремлёвских владык, у которых, мол, только очень ранено сердце болью за свой советский народ, пострадавший в войне. (Достаточно вспомнить несчастных крымских татар, которых и сегодня не пускают в Крым по той единственной причине, что они стеснили бы охотничьи угодья Брежнева.) А на самом деле кремлёвскому руководству народ бесконечно чужд, безразличен, эксплуатируется до полного истощения и вымирания, а когда потребуются — его погонят на уничтожение миллионами без жалости.

Выдающийся вред в конструкцию и направление американской внешней политики годами удавалось вносить и Джорджу Кеннану своими статьями, высказываниями и советами, основанными на глубоком якобы познании советского опыта. Он — как раз из упорных создателей мифа о «мягких» членах Политбюро, — которые однако никогда ничем себя не проявили. Он настойчиво советует больше прислушиваться к заявлениям советских руководителей и даже сегодня восклицает: как можно не верить Брежневу, энергично отрицающему агрессивные намерения? Захват Афганистана Кеннан приписывает... «скорее защитным импульсам» советского руководства!

Вместо пронизательного анализа многим западным дипломатам свойственен неизлечимый самообман, и это видно на таких ветеранах политики, как В. Брандт с его самоубийственной для Германии «ostpolitik», — и именно такие разрушительные действия увенчиваются нобелевскими премиями мира.

Тут небезынтересно отметить явление, которое я бы назвал «эффектом Киссинджера», но свойственное не ему одному: в период занятия важного поста вести политику уступок и капитуляции, за которую Западу ещё придётся платить в будущем многими годами и жизнями, — но едва уйдя в отставку, вдруг прозревать и начинать давать самые решительные советы. Отчего это может происходить, как объяснить? не прозревают же они так внезапно! Не следует ли допустить, что они всё истинно понимали и раньше, но просто плыли в политической рутине, держась за свой пост?

Многолетняя дипломатия умиротворения сводилась неизменно к отдаче всех позиций и укреплению своего противника. Сегодня уже глобально обозрим 35-летний итог совместных усилий всех главных западных дипломатов: они так всемерно укрепили СССР и коммунистический Китай, что лишь идеологическая ссора между этими двумя правительствами (возникшая отнюдь не усилиями Запада) ещё спасает западный мир. То есть, существование Запада уже зависит не собственно от него.

И ещё остались этим дипломатам зыбкие расчёты на мнимый раскол в советском Политбюро между несуществующими там «консервативным и либеральным крыльями», «ястребами и голубями», «правыми и левыми», старыми-молодыми, злыми и добродушными, — последний рубеж банкротов: никогда не содержало в себе Политбюро ни человеческих, ни миролюбивых людей, — такие не могут даже подняться до верху по условиям коммунистической бюрократии, и они тотчас бы задохнулись и умерли там.

Тем не менее и сегодня Америку тешат и успокаивают иллюзиями и мнимыми надеждами. То — надеждами на раскол в Политбюро, и версией, что не Брежнев оккупировал Афганистан! То — иллюзиями лучших экспертов, что «СССР получит свой Вьетнам» — то в Анголе, то в Абиссинии, то в Афганистане. (Можно заверить этих экспертов и их читателей, что сегодняшний СССР способен проглотить ещё 5 таких стран — быстро и не подавиться.) То — новыми и новыми надеждами на «разрядку», несмотря на растоптание очередной страны. (И тут можно успокоить, что «разрядку», какая она была, покупку всего нужного между двумя

захватами, советские вожди охотно восстановят и после Афганистана.)

Само собой понятно, что из информации, доставляемой такими дипломатами, Америка не почерпнёт понимания СССР и глубины опасности.

Но политики этого рода за последнее время получили подкрепление: фальшивым «объяснением» СССР и России занялась активная группа новейших эмигрантов оттуда. Среди них нет крупных имён, но они быстро признаются тут профессорами и специалистами по России, оттого что быстро ориентируются, какое направление свидетельства желательно. Они настойчивы, громки, повторительны в прессе разных стран, статьями, интервью, уже и книгами — все вместе довольно дружно проводят сходную линию, которую суммарно можно бы обрисовать так: «сотрудничество с коммунистическим правительством СССР — и война русскому национальному самосознанию». Как правило, они, будучи в СССР, служили коммунизму в советских институтах и даже активно и многолетне участвовали в лживой коммунистической печати и никогда не высказывались оппозиционно. Затем они выехали из СССР по израильской визе, но не поехали в Израиль (drag-out по израильской терминологии), а в странах Запада объявили себя тотчас истолкователями России, её исторического духа и нынешней жизни русского народа (которой они и не наблюдали по своему привилегированному положению в Москве). Самые активные из этих новых информаторов даже не ставят советской системе в вину уничтожение 60 миллионов, и не ставят в вину её воинствующий атеизм, прощают её тотальное подавление, но возглашают Брежнева «миротворцем» и открыто призывают к максимальной поддержке коммунистического режима в СССР как «наименьшего зла», наилучшей альтернативы для Запада, — и одновременно — обвиняют в таком сотрудничестве русское национальное направление. Смысл духовных течений у нас на родине передаётся Западу превратно. Пытаются вселить в западное общественное мнение — страх и даже ненависть к возрождению почти насмерть подавленного коммунистической властью за 60 лет русского национального самосознания, — искусственно и недобросовестно связывая его с правительственным манёвром антисемитизма. Для этого изображают советский народ поголовным стадом баранов, который никак не способен разобраться в своей 60-летней судьбе, в причине своей нищеты и страданий, — и только ждёт официального объяснения от коммунистических верхов, а они ему подsunут антисемитизм — и народ удовлетворится

этим. (На самом деле средний советский человек намного отчётливей понимает античеловеческую природу коммунизма, чем многие публицисты и политики Запада.)

Некоторые из этих эмигрантов делают при этом довольно безграмотные экскурсы в историю предыдущих русских веков — как раз прилегая к упомянутой выше близорукой американской школе. Из всего этого ряда можно назвать хотя бы Дм. Симеса или А. Янова — 17 лет кряду верного коммунистического журналиста, никогда не выступавшего против советского режима, а теперь с большой лёгкостью представляющего доверчивому американскому читателю то превратные картины советской действительности, то произвольно прыгая по поверхности русского прошлого, обходя его устои и раздувая мыльные пузыри. Янов приписывает русскому национальному сознанию почти на соседних страницах одновременно: и мессианизм (бредовая выдумка) и тут же — отрицающий его изоляционизм, в котором видит почему-то угрозу миру.

Поскольку в традиции американской исторической науки уже существует искажённое и недоброжелательное представление о прежней России, — такие семена могут дать ядовитые всходы.

Усилия этих пристрастных информаторов дополняются и подкрепляются за последний год потоками статей американских журналистов, из них часто московских корреспондентов американских газет. Содержание этих статей всё то же: грозная опасность для Запада возрождения русского национального самосознания, затем — беззастенчивое смешение православия с антисемитизмом (если не прямо пишут, что они тождественны, то назойливо ставят их в смежных фразах и абзацах), и затем ещё одна особая теория: что подымающееся русское религиозно-национальное самосознание и снисходящие прожжённые коммунистические вожди не имеют другой мечты, как слиться воедино в некоей «новой правой» — и лишь непонятно, что им все эти годы мешает слиться, чей же запрет? На самом деле религиозные и национальные круги в СССР только преследуются — всеми уголовными методами.

На первый взгляд такое совпадение картины от эмигрантов-информаторов и от свободных американских корреспондентов поражает: коль два независимых источника сообщают одно и то же — значит, что-то есть воистину. Но надо хорошо знать положение всех западных корреспондентов в СССР: подлинная советская жизнь от них закрыта каменной стеной, особенно провинция и деревня (всякие поездки туда исключительно декоративны, строго

обставлены КГБ, а для простых советских людей в провинции разговоры с иностранцами без подстройки КГБ — смертельно опасны). Характерно признание Р. Кайзера, корреспондента «Вашингтон Пост»: прожив в Москве 4 года корреспондентом, — он ни разу ничего не слышал о крупнейшем новочеркасском восстании 1962 года! Источники информации западных корреспондентов: тщательная обработка холостой, пустой официальной советской прессы; кулуарное соби́рание соображений от западных дипломатов (источники совпадают!); затем случайные встречи со второстепенными представителями коммунистической знати (но это — настолько низкий и неискренний человеческий материал, что нельзя рассматривать его серьёзно). А главный источник — беседы с теми немногими москвичами, кто бесповоротно переступил черту запрета близости с западными людьми (а часто — это представители того же столичного круга, из которого уже уехали упомянутые информаторы). Вот они-то и являются главным источником сведений для широковещательных грозных статей о русской национальной опасности для всего мира. И так анонимная антисемитская листовка в московской подворотне подаётся в западной прессе с обобщающим размахом. Но так и открывается совпадение источников: картина мира строится по отражению её в одном и том же маленьком осколке. В физике это всё называется: систематическая ошибка измерительного прибора.

Если же вдруг информация — иная по направлению, не подходит к тому, что настроена искать сейчас в Москве западная пресса, — то такая информация попросту гасится, как сделал, например, корреспондент «Нью-Йорк Таймс» Рэн (Wren), получив большой важности интервью от академика Шафаревича и нигде его не напечатав. Так же точно западные учёные, западные органы печати не принимают в соображение журнал «Вестник Русского Христианского Движения», выходящий полвека в Париже и чрезвычайно популярный именно в культурных русских кругах — и при сотрудничестве их. Они узнали бы совсем другую картину, далёкую от рисуемых ужасов.

При такой степени осведомлённости только и может возникнуть переко́с, что главная проблема сегодняшнего СССР — это проблема эмиграции. Как вообще проблемы большой страны могут свестись к отъезду из неё кого бы то ни было? То там, то здесь по русской провинции (недавно в Перми) происходят многотысячные голодные рабочие забастовки, разгоняемые оружием, даже с парашютным десантом на заводскую крышу, — но разве у Запада есть внимание это заметить и прореагировать? Так и

грандиозный процесс в СССР, губительный для существования русского народа, процесс, уже идущий и рассчитанный лет на 10-15, — процесс окончательного уничтожения русского крестьянства — физического уничтожения изб, деревень, сгона крестьян в многоэтажные посёлки индустриального типа, конца связи с землёю, последнего конца национальных традиций, быта, очевидно — и народного характера, конца русского пейзажа, — этого наступления, которое повели коммунистические убийцы народной души, — скудные информаторы Запада даже в о о б щ е н е з а м е т и л и! Первая революция (1917-1920) была — зарезать Россию кривым ленинским ножом. Россия всё же осталась жива. Вторая революция (1929-1931) — раздробить Россию сталинской кувалдой. Россия всё же осталась жива. Наступила третья бесповоротная революция — соскрести Россию с лица земли брежневским бульдозером. И в этот момент смертельного уничтожения русского национального существования — информаторы Запада вопят о самой большой угрозе для всего мира: русского национального сознания...

5. Россия навзничь

Москва — это не Советский Союз. С начала 30-х годов общий жизненный уровень всей Москвы был — за счёт ограбления остального народа и особенно деревни — искусственно поднят по сравнению с прочей страной. (Отчасти в таком положении ещё Ленинград и некоторые закрытые научные посёлки.) Таким образом, всё московское население вот уже 50 лет искусственно подкармливается и искусственно поддерживается на ином психологическом уровне, нежели вся остальная ограбленная страна. (Большевики научены уроком февральской революции 1917 в Петрограде.) От этого Москва получилась неким уголком, промежуточным между СССР и Западом: она почти настолько же комфортабельнее остального Советского Союза, насколько Запад комфортабельнее Москвы. Но поэтому и все суждения, собранные по московскому опыту, прежде чем быть перенесены на общесоветский опыт, должны быть исправлены большим поправочным коэффициентом. Истинный общесоветский опыт — только в провинции, в деревне, в лагере и в жестокой армии мирного времени.

Сам я все 55 лет своей советской жизни провёл исключительно в глубинном СССР, никогда не имел привилегий столичного жительства, и свой жизненный опыт могу использовать без коэффициента. Я и буду говорить не о Москве, но — о стране.

Прежде всего: западные глаза затуманены ложным газетным представлением, что русские являются «господствующей нацией» в СССР. Они не были ею никогда: от 1917 и по сегодня. Первые 15 лет советской власти сокрушительный, уничтожительный удар коммунизма пришёлся по русским, украинцам и белорусам (нынешний упадок рождаемости происходит еще оттуда) — с почти полным истреблением их высших классов, духовенства, культурной традиции, интеллигенции — и питающего слоя крестьянства. Запрещались и проклинались лучшие имена русского прошлого, вся прошлая история покрывалась бранью, церкви уничтожались сплошь, десятками тысяч, города и улицы переименовывались в имена палачей — так, как могут делать только оккупанты. По мере же того, как коммунисты чувствовали себя у власти твёрже, они переносили подобный удар и по остальным национальным республикам, применялся известный принцип Ленина, Гитлера и уголовников: бить врагов поодиночке. И так — «господствующей нации» вообще в СССР не оказалось: коммунистам-интернационалистам никогда не была нужна такая. То обстоятельство, что в качестве государственного языка сохранился русский — чисто-механическое, какой-то один должен был быть. Русский язык только изгажен этим употреблением. От этого русские не почувствовали себя господами: если насилуя женщину, ею командуют на её родном языке, — это не значит, что не было акта изнасилования. И то обстоятельство, что с конца 30-х годов в коммунистическом руководстве стали получать перевес русские и украинцы по происхождению, — никак не сделало эти нации господствующими. Во всём мире (и в Китае, и в Корее) закон таков: люди, отдавшие себя коммунистическому руководству, уходят душой не только от своей нации, — но и от человечества вообще.

Но шерсти можно больше состричь с более крупной овцы, — и так, раскладки экономического гнёта все советские годы были наиболее жестоки по отношению к РСФСР.* К другим национальным республикам экономические приёмы были всё же осторожнее: боялись национальной вспышки. Повсюду введена бесчеловечная колхозная система — но всё же расценка за центнер апельсинов в Грузии была — при меньшей затрате труда — несравненно преимущественней, нежели за центнер русского картофеля. Эксплоатировались беспощадно все — но предельная степень эксплоатации была в РСФСР, и сегодня самая нищая в СССР дерев-

* РСФСР — официальное название той части страны, которая остаётся за вычетом 14 окраинных национальных республик.

ня — русская. Также и города в русской провинции десятилетиями не знают не только мяса, сливочного масла или яиц, но грезят о простых макаронах или о маргарине.

Такая материальная пропасть существования — и уже полвека! — ведёт и приводит к биологическому вырождению нации, к упадку телесному и духовному — тем более усиленному отупляющей политической пропагандой, насильственным отнятием религии, подавлением ростков культуры, свободой для одного лишь пьянства, двойным трудовым изнеможением женщины (на казённой работе — наравне с мужчиной, и дома без бытовых приборов) и ограблением детского ума. Падение бытовых нравов — жестоко, но не потому, что так плох народ, а потому что коммунисты лишили его пищи физической, пищи духовной — и отстранили всех, кто мог бы оказать духовную помощь, в первую очередь священство.

Русское национальное сознание сегодня — исключительно подавлено и унижено всем произошедшим и происходящим с нами. Это — сознание долго больного и при смерти больного человека, у которого одна только мечта — о покое и выздоровлении. Все помыслы русской семьи в глубине страны неизмеримо скромней и робче, чем можно услышать западному корреспонденту в досужных московских беседах. Все помыслы эти: как-нибудь прекратился бы бесконтрольный произвол местного мелкого коммунистического сатрапа, да удалось бы наесться, да обути детей, да запастись топливом на зиму, да удалось бы иметь хоть по одной комнате на двух человек, да открылась бы церковь ближе, чем 200 километров от их жительства, да не запрещалось бы крестить детей и воспитывать их в добре, да отвлечь отца семейства от пьянства.

И вот эту тягу глубинной России подняться от животного существования к человеческому и вернуть себе элементы религиозно-национального сознания — легкоязычные, быстрозычные современные информаторы Запада называют: русским шовинизмом — и величайшей угрозой современному человечеству, — гораздо большей, чем откормленный дракон коммунизма, уже занесший ракетно-танковую лапу над остатком нашей планеты. Вот этим несчастным людям, этому смертельно-больному народу, беспомощному спасти себя от гибели, приписывают фанатическую идею мессианства и воинствующий национализм!

Пугают — фантомом. «Русским национализмом» клеймят сейчас простое чувство любви к своей родине, естественный патриотизм. Но страну, не знавшую 50 лет простого хлеба, — уже ни-

кому не настроить к воинствующему национализму. Держать в плену другие народы, держать в капкане Восточную Европу, захватывать и вооружать дальние заморские страны — это нужда злобного Политбюро, а не рядового русского человека. Что же касается «исторического русского мессианизма», то это — сочинённый вздор: за несколько веков никакие духовно-влиятельные или правительственные или интеллигентские слои в России не страдали мессианской болезнью. Да я допустить не могу, чтобы в наше погрязшее время на Земле какой-нибудь народ смел бы считать себя «избранным».

Все народы Советского Союза нуждаются в долгом выздоровлении после коммунистической порчи, а русскому народу, по которому удар был самый истребительный и затяжной, нужно 150-200 лет выздоровления, мирной национальной России. Но такая Россия подсекает коммунистическое безумие. Русское национальное возрождение и освобождение стало бы гибелью советского коммунизма, а за ним и мирового. И советский коммунизм отлично сознаёт, что русское национальное сознание — отменяет его. Для людей, искренно любящих Россию, никакое примирение с коммунизмом никогда не было и не будет возможно. И потому коммунизм наиболее беспощаден был всегда — к христианским деятелям и к национальным. Первые годы это был сплошной расстрел, потом — гноение в лагерях. Но и по сегодняшний день их продолжают преследовать неотвратно: Владимир Шелков умер насмерть 25 годами лагерей, 13 лет уже отсидел Огурцов, 12 — Осипов, этой зимой разгромлен совсем аполитичный «Комитет защиты прав верующих» (Регельсон, Капитанчук), арестованы независимые священники о. Глеб Якунин и о. Димитрий Дудко, пересажены члены христианского семинара Огородникова. Власти и не скрывают, что всей тяжестью своего террористического аппарата они открыто давят христианскую веру. И в этот-то момент, когда религиозные круги в СССР преследуются отъявленно жестоко, — как красиво, как морально слышать поношения православия со стороны западной печати!

Нынешняя антирусская кампания западных информаторов, прорастающая и в центральной американской прессе, — исключительно полезна и спасительна для советского коммунизма, хотя не стану обязательно настаивать, что она вся инспирирована им самим.

Но и, обратно: эта кампания переворачивает для Запада реальность вверх дном, понуждает бояться своего естественного союзника — угнетённый русский народ, а верить своему смер-

тельному врагу — коммунистическому режиму, и слать ему обильную помощь, в которой он так нуждается после полувекового экономического банкротства.

6. Когда коммунизм едет верхом?

Но и поверженный, разгромленный, ограбленный народ — продолжает физически существовать, и коммунистическая власть — одинаково в СССР, в Китае или на Кубе — имеет цель заставить его: и безотказно на себя работать, и безотказно воевать, когда потребуется. А для войны — в СССР коммунистическая идеология уже давно не тянет, никого она не воодушевляет. И так, несомненно намерение власти: снова эксплуатировать ими же угнетённое русское национальное чувство — для своей новой войны, для своих жестоких империалистических целей, и тем судорожней и отчаянней, чем больше коммунизм будет идеологически тонуть, — чтобы получить от национальных чувств недостающую себе физическую и духовную крепость. Верно, такая опасность есть.

Упомянутые информаторы — её видят и даже только её одну (не истинные поиски национального духа). И в грубом случае за это уже вперёд бранят нас шовинистами и фашистами, а в самом предупредительном случае говорят: раз вы видите, что религиозно-национальное возрождение русского народа может быть подло использовано советской властью, — то и откажитесь от возрождения и откажитесь от всяких национальных чаяний.

Но ведь советская власть использует и еврейскую эмиграцию из СССР для успешного разжигания антисемитизма («вот, смотрите, единственные, кому разрешено спасаться из ада, и за это Запад платит товарами»), — следует ли отсюда, что можно дать евреям совет отказаться от поисков своих религиозных и национальных истоков? Конечно, нет. Позволительно нам всем — жить на Земле естественно и стремиться к тому, к чему мы каждый стремимся, без оглядки на то: а кто как об этом подумает, что напишут в газете или какие тёмные силы будут пытаться использовать для себя?

Да зачем говорить всё в предположениях будущего времени? У нас есть недавняя история. В 1918-1922 годах во многих местах России тысячные крестьянские толпы шли с вилами (или даже только с иконами, и эти случаи описаны в литературе) на красные пулемёты как на силу, враждебную своему народному существованию, — и крестьян убивали тысячами же.

А 1941-45 годы? Вот когда впервые — в масштабе многомиллионном и полностью на глазах всего мира коммунизм действительно оседлал русский национализм, убийца оседлал полуубитого — и в Америке, и в Англии не только никого это не утратило — но вызвало единодушный восторг всего западного мира, и «России» простили её неблагозвучное название, и всякую недобрую память прошлого, её впервые безоглядно полюбили (парадоксально: когда она перестала быть сама собой), — и ликовали и аплодировали: потому что такое оседлание тогда спасало западный мир от Гитлера. И не упрекали, что это «величайшая опасность», хотя на самом деле это и была величайшая опасность. Тогда Запад даже и мысли не допускал, что у русских могут быть какие-нибудь иные чувства, кроме коммунистических.

А что испытывали тогда подсоветские народы на самом деле? А было вот как. Прогремело 22 июня 1941 года, прослезил батя Сталин по радио свою потерянную речь, — а всё взрослое трудящееся население (не молодёжь, оболваненная марксизмом) и притом всех основных наций Советского Союза задышало в нетерпеливом ожидании: ну, пришёл конец нашим паразитам! теперь-то вот скоро освободимся. Кончился проклятый коммунизм! Литва, Латвия, Эстония встречали немцев ликованием. Белоруссия, Западная Украина, потом первые русские области встречали немцев ликованием. Но нагляднее всех показала настроение народа Красная Армия: на виду у всего мира, на фронте в 2000 километров шириной она откатывалась — хотя пешком, но с автомобильной скоростью. Ничего нельзя придумать убедительнее этого голосования ногами — одних мужчин расцветного боевого возраста. Всё численное превосходство было на стороне Красной Армии, превосходная артиллерия, немало танков, — но армии откатывались неуподобляемо, невиданно для всей русской и всей мировой истории. За короткие первые месяцы в плен сдались около 3 миллионов солдат и офицеров!

Вот было настроение народа (народов), испытавших кто 24 года коммунизма, а кто — даже только 1.* Для них весь смысл новейшей войны был — освобождение от коммунистической чумы. Народ, естественно, стремился в первую очередь решить не европейскую задачу, а свою национальную — освободиться от коммунистов.

Видел ли Запад это катастрофическое отступление? Не мог не видеть. Истолковал ли как-нибудь для себя? Нет, ослеплён-

* Литва, Латвия, Эстония, Зап. Украина, Зап. Белоруссия, Бессарабия (новобранцы).

ный своими заботами и своими болями, не истолковал даже и до сегодняшнего дня. А между тем, при бесстрашной преданности принципу **всеобщей**, универсальной свободы он не должен был покупать лендлизом помощь кровавого Сталина, укреплять его господство над народами, ищущими своей свободы. Запад должен был открывать независимый фронт против Гитлера — и сокрушить Гитлера своими **собственными** силами, и эти силы у демократических стран были, но их жалели, и предпочли загородиться несчастными народами СССР.

После 24 лет террора никакими силами, никакими убеждениями не удалось бы коммунизму оседлать русский национализм для своего спасения — если бы не оказалось (а под коммунистическим колпаком нет внешней информации, и мы заранее не знали), что с запада на нас катится другая такая же чума да ещё со специальной антинациональной задачей: русский народ частью истребить, а частью обратить в рабов. И первое, что немцы делали: восстанавливали уже разбежавшиеся колхозы для лучшей эксплуатации крестьянства. Так наш народ попал между молотом и наковальней. И из двух лютых врагов пришлось выбирать того, который говорит на твоём языке. Так и произошло оседлание нашего национализма коммунизмом. На несколько лет коммунизм как забыл и оглох к своим лозунгам и теориям, как забыл марксизм, а всё твердил о «славной России» да ещё и восстанавливал Церковь. (Впрочем, лишь до конца войны.) Так в этой злополучной войне мы своей победой только укрепили на себе ярмо.

Но кроме того ещё было русское движение, искавшее третий путь: всё же использовать эту войну для освобождения от коммунизма. Они никак не были сторонниками Гитлера, лишь невольно оказались включёнными в систему его империи, внутренне они считали союзниками только Запад (искренно считали, не лукаво, как коммунисты). Но для Запада всякий, кто хотел бы освободиться от коммунизма в ту войну, — был предатель дела Запада. Пропади хоть все народы Советского Союза и погибни в советских концлагерях сколько угодно миллионов — лишь бы Западу благополучно и побыстрее выйти из этой войны. Так пожертвовали сотнями тысяч этих русских, и казаков, и татар, и кавказцев: не разрешили даже сдаться в плен американцам, а выдали на расстрелы и расправу в СССР.

Но ещё поразительней, что английская и американская армия сдавали коммунистам на расправу — сотни тысяч мирных жителей, обозы стариков, женщин и детей, и просто бывших военнопленных и подневольных рабочих — сдавали не только против

их воли, но даже видя тут же их самоубийства. А английские отряды и сами застреливали, кололи, рубили этих людей, почему-то не желающих возвращаться на свою родину. Однако ещё поразительнее: из этих английских и американских офицеров не только никто никогда не был наказан и не получил упрёка, — но свободная, гордая, ничем не связанная английская и американская печать — почти 30 лет невинно единодушно промолчала об этом предательстве своих правительств — 30 лет не находилось ни одного честного пера! Не этому ли удивиться больше всего? Бесперебойная гласность Запада вдруг в этом случае отказала. Почему?

Тогда казалось: выгоднее заплатить коммунистам каким-то миллионом-другим глупых людей и купить себе вечный мир.

Так же — и безнадобно! — пожертвовали Сталину всю Восточную Европу.

Теперь, через 35 лет, можно подвести итоги этой мудрости: западные страны держатся только на непредвиденной советско-китайской ссоре.

7. Вереница ошибок

Свою эгоистическую и пагубную ошибку во 2-й мировой войне Запад с тех пор повторял ещё не раз: всей силой желания и мольбы он только хотел бы не противопоставить себя коммунизму! Где можно и где нельзя — он не замечал ни массовых коммунистических убийств, ни коммунистической агрессии. Он быстро прощал и Восточный Берлин (1953), и Будапешт, и Прагу, и спешил поверить в миролюбие северокорейских правителей (они ещё себя покажут), и в благородство северовьетнамских, давал (и даёт) позорно дурачить себя хельсинкским соглашением (в уплату признав навсегда все захваты коммунизма в Европе), хватался за миф прогрессивной Кубы (даже Ангола, Абиссиния и Южный Йемен ещё не разубедили сенатора Мак-Гаверна), за спасительность еврокоммунизма, до одурения заседал и верил в издевательские венские переговоры о европейском разоружении и старался 2 года (с апреля 1978) не замечать захвата Афганистана. Историки и потомки будут изумлены, не найдут объяснения такой трусливой слепоте. Только леденящий камбоджийский геноцид распахнул перед Западом всю глубину той смертной пропасти, привычной для нас, где мы живём уже 60 лет, — но кажется, и тут западная совесть начала уже привыкать и отвлекаться.

А понять бы до конца всем розовым мечтателям, что природа коммунизма — едина во всём мире и во всех странах, и всегда — антинациональна, всегда направлена на убийство того народного тела, в котором он развивается, а затем и на убийство соседних тел. Какие бы иллюзии «разрядки» ни строились, с коммунизмом никогда ни у кого не будет устойчивого мира: коммунизм будет только жадно распространяться. Какой бы спектакль «разрядки» ни разыгрывался, но идеологическую войну коммунизм ведёт всегда и непрерывно, и вы никогда не называетесь у них иначе, как «врагами». Коммунизм никогда не остановится в своём стремлении захватить мир: прямым ли завоеванием, подрывной ли террористической деятельностью или разложением структуры общества. Вон, ещё свободны Италия, Франция — но уже дали проесть себя сильным коммунистическим партиям. Каждому отдельному человеку и целому обществу, особенно демократическому, свойственно питаться надеждами. Но в отношении коммунизма надеяться не на что: никакого сговора с коммунистической доктриной быть не может, возможны только: или полное торжество её во всём мире, или полное её крушение повсюду. Единственное спасение и для России, и для Китая, и для всего мира, — чтоб от неё отказались. Иначе весь мир скоро будет подвергнут разорению и уничтожению. Коммунистическая оккупация Восточной Европы и Восточной Азии не прекратится никогда, но в любой момент возможна оккупация Западной Европы и других многих стран. Африканские и южноамериканские возможности коммунизма тоже уже продемонстрированы наглядно, и едва только страна «плохо лежит» — тотчас её захватывают. Конечно, есть надежда и на другой исход: что коммунистические завоеватели в конце концов сорвутся, как и все завоеватели мировой истории. Им кажется, что пришёл час их мирового господства, они рвутся к победе, а на самом деле — к своей гибели. Но за эту их гибель в будущей войне человечеству придётся заплатить уже миллиардными жертвами.

Казалось бы, в предвидении этой смертельной угрозы — как должны бы быть направлены усилия американской дипломатии? Единственно к тому, чтоб эти империалистические «всадники» не были так страшны и сильны, чтобы ни в одной стране они не могли снова оседлать национальных чувств и почерпнуть в них народную силу. Но не только не избирается этот путь, а прямо противоположный.

Американская дипломатия за последние 35 лет производит впечатление неумелой и жалкой. Недавно — бесспорно ведущая

держава мира, победительница во Второй Мировой войне, вождь Организации Объединённых Наций — Соединённые Штаты быстро и систематически теряли и свою руководящую роль в ООН (испытыв там множество унижений), и своё решающее влияние на всех континентах (и часто унижительно), и теснились даже в глазах своих западноевропейских союзников, и всё время понижались в соотношении с СССР. (До того, что уже совершаются извинительные сенаторские визиты в Москву: объяснить там, чтоб не сердились на прения в Сенате.) Все усилия американской дипломатии были: всячески оттягивать конфликты, хотя бы ценой непрерывного упадка своих сил.

Никак не поняв урока Второй Мировой войны, что только совершенно безвыходные, безжалостные обстоятельства могут привести к совместным действиям коммунизма и порабощённой им нации, — Соединённые Штаты держались по отношению к советскому и восточно-европейским правительствам как к лучшим выразителям национальных чаяний захваченных ими народов, почтительно общались с их фальшивыми представителями. То есть они заранее, на будущее, самым неблагоприятным для себя же образом, отказываются от союза с порабощёнными народами и подгоняют их под прочный захват коммунизмом. Они оставляют и русский народ, и китайский народ в отчаянно-безвыходном одиночестве, в котором мы уже побывали в 1941.

В 50-е годы одному нерядовому деятелю из русской эмиграции военного времени на его проект организации русских антикоммунистических сил было отвечено видным чиновником американской администрации: «Нам не нужна никакая Россия, ни прошлая, ни будущая!» Чванный, глупый и самоубийственный для Америки ответ. Теперь дела в мире стали так, что без возрождения здоровой национальной России не существовать и Америке — всё будет уничтожено в кровопролитном состязании. В том состязании будет гибелью Америки, если она будет соединять в своих представлениях и действиях — коммунистических аггессоров и страдательно завлечённые народы СССР, бороться не против коммунизма, а против «русских», — то есть снова загонит их в ситуацию 1941 года, когда они так же будут порываться освободиться и не находить себе сочувствия.

Сегодня практика американской дипломатии всячески поддерживает эту искусственную губительную сдачу национального самосознания — его владельческому коммунизму. После 35 лет всех своих неудач американская дипломатия теперь взяла новую недалёковидную, неразумную — безумную — ставку: загоро-

диться Китаем, то есть отдать, толкнуть и китайские национальные силы в полное распоряжение своего коммунизма, для чего не жалко показалось внести аванс Тайванем.

Этот поступок (это предательство) — и против китайского национального чувства и против русского национального чувства (Америка открыто поддерживает тоталитарных угнетателей — и готовит их против нас.)

Уж не спрашиваю: где тут остатки демократической принципиальности? Где тут уважение к свободе народов? Но и стратегически — близорукий расчёт: может внезапно произойти и роковое примирение двух коммунизмов — и тогда оба вместе обернутся против Запада. А если и не помирятся, то Китай, вооружённый Америкой, справится и с Америкой.

Стратегическое непонимание, что угнетённые народы — союзники Запада, приводит западные правительства к реальным непоправимым ошибкам. Все годы у них мог быть открытый мост к угнетённым народам — эфир, но его либо вовсе не использовали, либо бездарно. Америка легко могла осуществить телевизионные передачи со спутников, — и ещё легче отказалась от этого проекта после гневного протеста советского правительства (оно то знает, чего боится!). Конечно, это средство требует понимания высоты запросов и мысли того страдающего народа, к которому обращаются. Конечно, не мерзость коммерческих передач была бы нужна — она только оскорбила бы сознание тех голодных народов, это было бы ещё хуже, чем ничего.

онжом мэр, ээпод нэдоп хиндыве кэговва вэвфнэвэ втс»преду

Недоброкачественная передача в Америку информации об СССР отзывается роковой разобщающей взаимностью; тем трудней становится и американцам увидеть себя с другой стороны. И, например, русский отдел «Голоса Америки» в большинстве своих передач делает как будто всё, что в его силах, чтоб не привлечь к Америке вдумчивого русского слушателя, но изумлённо оскорбить, ранить и оттолкнуть его от понимания Соединённых Штатов.

Оттого, что Запад получает сведения об СССР в искажённой диспропорции — он и не способен соразмерить и правильно составить со своей стороны радиопередачи на Советский Союз. Многолюдная и стоящая немалых денег русская секция «Голоса Америки» плохо служит американским интересам, а часто прямо вредит им. Кроме последних известий и самых актуальных политических комментариев многие часы ежедневных передач наполнены пошлой дребеденью, которая вызывает только раздражение

голодных угнетённых миллионов слушателей, лишённых прежде всего правды о собственной истории. Вместо того, чтобы доносить им (и многократно повторять по условиям трудного слушания) эту историю и те книги, за которые в СССР преследуют тюремными сроками, вместо того чтобы поддерживать их антикоммунистический дух, укрепляя реальных будущих союзников Америки, — часы радиовещания наполняют ничтожными рассказами о коллекционерах пивных бутылок, о прелестях путешествий на океанских лайнерах (со смакованием: как кормят, какое казино и дискотека), подробностями из жизни американских эстрадных певцов, много о спорте, о котором и без того не запрещается знать жителям СССР, и о джазе, который они беспрепятственно могут ловить со всех иностранных радиостанций. (Не более удачная находка и подробные рассказы евреев, приехавших в США, как они тут живут, устроились и довольны. Так как в СССР все знают, что право выехать есть только у евреев, — эти передачи не способствуют ничему иному, кроме выращивания антисемитизма.) Руководители «Голоса Америки» явно имеют всё время в виду — не сердить советское руководство. Поэтому, в детантском усердии, они убирают из передач то, что могло бы раздражить правящих коммунистов. Примеров этой политической угодливости «Голоса Америки» к ЦК КПСС — много, но приведу из собственного опыта, поскольку мне их легче документировать. Из моего заявления об аресте Гинзбурга 4 февраля 1977 — всего из трёх фраз, цензурой Голоса Америки было выброшено две:

«Эта расправа касается западных людей более, чем можно сразу представить. Это — существенное звено в неуклонной тотальной подготовке советского тыла: чтобы он не мешал тому наступлению внешнему, которое так успешно ведётся последние годы, а будет развёрнуто и шире: на силу, дух и само существование Запада.»

Моё послание к римским Сахаровским слушаниям того же года было полностью задержано из-за фраз:

«...пожелать, чтобы леденящие рассказы с вашей трибуны нашли бы путь сквозь глухоту благополучия, которое дождается лишь звука смертной себе трубы, а меньших звуков не слышит. Пробылись бы к близорукому сознанию, которое радо потешиться и отдохнуть в змеиных песнях еврокоммунизма.»

Политически целомудренный «Голос Америки» не мог допустить, чтоб это услышали люди Востока, да и люди Запада. Но ещё и

гораздо хуже того: нередко «Голос Америки» и сам звучит в масть советским властям, а то и прямо по-коммунистически, вполне как радиостанция Москвы. Недавно, во время болезни Тито, было передано: но есть и радостные новости из Югославии — в эти дни болезни вождя тысячи граждан охотно вступают в Союз коммунистов! Ну — буквально то ленинско-сталинское издевательство, которое каждый день гремит из репродукторов над головами советских слушателей. Такая передача может вызвать у них только сомнение в умственных способностях передающих. И даже в религиозные передачи почти не допускаются православные службы, в которых больше всего нуждаются наши слушатели, лишённые церквей, и даже на этом малом отрезке теснится (как и коммунистами в СССР) само православие — как «религия, не характерная для США». Для Соединённых Штатов пусть не характерная, но она характерна для России! — а передача ведь ведётся на русском языке. Он-от-он, и-д-ж-о-в-э-н-н-ш-э-н-н-ы-н-э-н-а-т-и-д

Если ещё к этому добавить, что вещания ведутся языком, который трудно назвать русским: с грубыми грамматическими ошибками, плохим синтаксисом, неверными ударениями, плохой фонетикой, то надо сказать: сделано достаточно много, чтоб отратить русских слушателей от этой радиостанции.

Так бездарно используется самое могучее средство, которое есть в руках Соединённых Штатов для того, чтоб установить взаимопонимание и даже союз с угнетённым русским народом. Впрочем, и другие западные радиостанции на русском языке имеют сходные пороки. Также и Би-Би-Си свойственны предупредительность, чтобы не оскорбить коммунистические вкусы, — и поверхностное представление о нынешнем русском народе, оттого неспособность отобрать главное, нужное как хлеб, и многие драгоценные часы вещания забиваются чуждой нам и бесполезной чепухой.

8. Моя попытка «Письма вождям»

Для многонациональной человеческой массы, заключённой сегодня границами Советского Союза, дилемма такова: или кроважно-империалистическое развитие коммунизма, с захватом множества стран в разных частях планеты, — или отказ от коммунистической идеологии и переход на путь умиротворяющий, выздоравливающий, родинолюбивый, заботливый к своим народам.

Для меня, как для русского, мало утешения в надежде, что при первом пути советский коммунизм может быть всё-таки по-

терпит поражение и какая-то кучка нынешних заправил, кто не успеет сбежать, попадут на вторую Нюрнбергскую скамью. Нет утешения, потому что истинно расплатится за то — обманутый истерзанный народ.

Но как открыть второй путь? Из-под коммунистической диктатуры внутренними силами совершить это чрезвычайно трудно, особенно оттого, что весь остальной мир, в затемнении своего разума, недружелюбно относится к нашим попыткам освобождения из-под коммунизма: в лучшем случае — умыванием рук.

Осознав дилемму, я, в моих слабых силах, 6 лет назад надумал предпринять такое доступное мне действие: написал «Письмо вождям Советского Союза» с призывом к ним — очнуться от коммунистического бреда и позаботиться о своей разорённой стране. Конечно: попытка почти равная полной безнадёжности, но цель моя была по крайней мере: громко поставить этот вопрос, и может быть не нынешние вожди, но кто-либо из их преемников прислушается к моим предложениям. В этом «Письме» я пытался сформулировать тот минимум разумной национальной политики, который можно мыслить, не вырывая власти у современных коммунистических властителей как личностей (ибо утопично надеяться, что они отдадут свою личную власть). Я предложил им: отбросить коммунистическую идеологию, хотя бы пока только. (Но как-то им отбрасывать такое оружие, если именно к коммунистическим идеям Запад наиболее податлив?..)

В области **внешней** там было следствие: «не замышлять о судьбах других полушарий», «отказаться от невыполнимых и ненужных задач мирового господства, от Средиземного моря и помощи южно-американским революционерам», оставить в покое Африку, убрать войска из Восточной Европы (то есть все эти марионеточные режимы оставить перед лицом своих народов без советских дивизий), не удерживать насильственно в пределах нашей страны какой-либо окраинной нации — и освободить нашу молодёжь от обязательной всеобщей воинской повинности. «Потребности внутреннего развития несравненно важнее для нас, как народа, чем потребности внешнего расширения силы», — писал я тогда.

Как восприняли эту программу вожди СССР — понятно: ухом не повели. Но как восприняла западная и американская печать? Это меня изумило! Как: консерватизм — ретроградство — изоляционизм — и величайшую угрозу всему миру!!! Настолько, значит, угнетено западное сознание несколькими десятилетиями своих капитуляций, что когда Советский Союз, захватив

пол-Европы, лезет в Азию и в Африку, — это вызывает у Запада большое уважение: надо не сердить их, надо найти общий язык с этими прогрессивными (спутали с «агрессивными») силами. Когда же я предложил немедленно прекратить агрессию, и даже прекратить думать о ней, и освободить все желающие народы и убраться к своим внутренним задачам, — это было понято и даже крикливо представлено как — реакционность и угрожающий всему миру изоляционизм.

Но надо хотя бы различать: изоляционизм всемирного защитника (Соединённых Штатов) или изоляционизм всемирного нападчика (Советского Союза). Первый — действительно смертельно опасен для всего мира и всеобщего мира, второй — спасителен. Если советские (а теперь и кубинские, и вьетнамские, а завтра китайские) войска перестанут захватывать весь мир и уберутся прочь: кому же это так опасно? Кто бы мне объяснил? — не понимаю посегодня.

Но я и не предлагал никакого принципиального (культурного или экономического) изоляционизма, — уединиться так, будто на планете никого кроме нас больше нет. Нашей нации — глубоко больному человеку после 60 лет коммунизма и потеряв 60 миллионов человек, это кроме войн, — я предложил то, что единственно можно предложить больному: перестать тратить драгоценные силы на драку и толкотню здоровых людей, но отдаться только своему выздоровлению, но экономить для него каждую крупицу национальных сил: «достало бы нам наших сил, ума и сердца на устройство нашего собственного дома, где уж нам заниматься всею планетой», «физическое и духовное здоровье народа должно стать целью». Я призывал подняться из бытовой и моральной бездны, в которой живёт наш народ, и прежде всего спасти детей от оболванивания идеологией, женщин — от непосильного физического труда, мужчин — от пьянства, природу — от отравы, восстановить совершенно разрушенное семейное воспитание, поднять школу и спасти сам русский язык, губимый коммунистической системой. На всё это и нужно 150-200 лет внешнего покоя и терпеливого занятия внутренними проблемами. И кому же это в мире опасно?

Но письмо было — действительно реальным обращением к реальным вождям, держащим в своих руках безмерную власть, и нельзя было не считаться, что самое большое можно ждать от них только уступки, но не капитуляции — ни реальных свободных всеобщих выборов, ни полной, ни частичной смены руководства. Наибольшее, к чему я призывал, — отказаться только от комму-

нистической идеологии и её самых безжалостных последствий, дать хоть немного расправиться национальному духу — ибо только национальные характеры во всей истории создавали общества. И со скалы ледящего тоталитаризма я мог предложить только медленный плавный спуск через авторитарную систему (неподготовленному народу с той скалы сразу прыгнуть в демократию — значить расшлёпаться насмерть в анархическое пятно). И вот этот «авторитаризм» тотчас также был поставлен мне в вину западной прессой.

Но в «Письме вождям» я тут же оговаривал: «авторитарный строй, основанный на человеколюбии», «авторитарность — с твёрдой реальной законностью, отражающей волю населения», «устойчивый покойный строй, не переходящий в произвол и тиранию», «отказ от негласных судов, от психиатрического насилия, от жестокого мешка лагерей», «допустить все религии без притеснений», «свободное книгопечатание, свободные литература и искусство». Как временную меру по выходу из нашей тюрьмы — я думаю, никто не может предложить ничего более быстрого и спасительного.

Что же касается принципиального выбора или отвержения для России авторитарности в будущем, — я не высказывался по этому поводу, я не имею конечного мнения. Моя критика некоторых сторон демократии известна. И я не считаю, что осуществлялась воля английского народа, когда Англию годами губило лейбористское правительство, избранное всего лишь 40 процентами населения. Или воля немецкого народа, когда левый блок имел в парламенте перевес на 1 место. Или воля всякого народа, когда половина его, разочаровавшись, не является к избирательным урнам. Я не могу отнести к достоинствам демократий их бессилие против малых террористических кучек или расцвета гангстеризма, или безудержной наживы капиталистов в ущерб морали народов. И я напомню, что страшный тоталитаризм, родившийся на Земле скажем четырежды, ни один раз не родился из авторитарной системы, но всегда — из слабых демократий: Февральской, Веймарской, итальянской, чанкайшистской. А ведь бóльшая часть государств человеческой истории были авторитарными — а вот тоталитаризма никогда не рождали.

Я никогда не брался и не берусь разбирать этот вопрос теоретически, ибо я — не государствовед и не политик. Я — лишь художник, больно зацепляемый слишком кричащими событиями современности, ее общим кризисом. Я думаю, этот вопрос и не может решиться никаким газетно-журнальным спором и никакой

скороспелой, даже научной, рекомендацией. Решение может быть получено лишь органическим развитием векового народного опыта и безо всякого насилия со стороны.

Тут я ещё раз напомню о том большом уважении, которое проявляет мировая наука ко всяким особенностям культурного развития даже малых народов Африки или Азии, некоему «локальному комплексу». И призыву: не отказать в таком «локальном комплексе» также и русскому народу и не диктовать нам хотя бы так же, как не диктуют Африке. Русский народ живёт на земле уже 1100 лет — дольше многих из своих нетерпеливых учителей. И за эти 1100 лет в нём создались и накопились некие свои традиционные общественные понятия, которые не надо спешить осмеивать со стороны. Вот несколько примеров. Традиционное древне-русское понятие **п р а в д ы** — как справедливости высшей, не юридической, а онтологической, данной от Бога. Общественным идеалом считалось (не значит, что каждый так жил, но идеал был надо всеми): жить праведно, жить моральным уровнем выше, чем всякие возможные требования законов. И пословицы были такие: **всё и учёна оного взынная твоя, оубо! всь всьдотоя**

Одно слово правды весь мир перевесит,

Не в силе Бог, а в правде,

Коли бы все жили по правде — и законов не надо.

Или ещё: по исконным русским представлениям истина не может быть найдена голосованием, большинство не обязательно лучше видит её. (А по особенностям массовой психологии, скажем — часто и хуже.) И когда для важных решений собирались представители земли («Земские Соборы»), на них не бывало голосований: истина искалась путём долгих взаимных убеждений — и определялась конечным общим согласием. И такое решение Собора юридически не было обязательно для царя, — но морально неизбежно. Судя с таких представлений, создание партий, то есть частей, борющихся за свои частные интересы за счёт других частей народа, представляется нелепостью. (Да и не соответствует достоинству человечества, каким ему пора бы стать.)

Не случайно могучая власть, перед которой сегодня трепещет вся свободная планета (и западные свободные вожди, парламентарии и публицисты), за 60 лет ничего так концентрированно, яростно не выжигала в подвластной стране, как её мировоззрение — христианство. И — не смогла уничтожить!

А новейшие информаторы Запада спешат уверить, что это нескудеющее христианство и есть величайшая опасность.

9. К пояснению мыслей

Всякое публицистическое выступление неизбежно влечёт за собой много откликов — большей частью рассудительных, добросовестных, но зато искажительные всегда крикливы, лезут в истерические заголовки, стараются запасть в людскую память, даже берут и верх. По роду своей жизни, работы и принципам поведения, я обычно никак не откликаюсь на весь этот ворох. Но коль скоро сейчас я уже высказываюсь по существенным вопросам, решу очень коротко отозваться на некоторые искажения.

По поводу «Письма вождям» и дальше по другим поводам меня часто упрекали, что я — сторонник теократического государства, прямого управления государством религиозными лидерами. Это — ложь, ничего подобного никогда мною не сказано, не написано. Практическая государственная деятельность никак не из области религии. Но я считаю, что в государстве религия должна быть не только не гонима, а занимать достойное духовнонравственное место — как, например, в Польше, в Израиле, и никто этого не осуждает, — не понимаю, почему же это запрещается России, которая за 1000 лет вынесла свою веру и за 60 лет выстрадала её смертями миллионов мирян и десятков тысяч священников?

Тогда же обвиняли меня, что я предлагаю какой-то общий «путь назад» — надо совсем считать человека идиотом, чтобы приписывать ему движение против хода времени. Будто бы я предлагаю будущей России «отказаться от современной технологии» — ещё одна лжишка: я предлагал технологию «современную, но дробную, а не гигантскую».

Какой путь я действительно предлагаю — я закончил этим гарвардскую речь и могу повторить: **путь вверх**. Я считаю, что роскошно-материальный XX век слишком передержал нас в полуживотном состоянии — кого от избытка, кого от голода.

Гарвардская речь вознаградила меня потоком сочувственных откликов простых американцев (кое-кому из них удалось напечататься и в газетах), поэтому я спокойно относился к потоку упреков, который сыпала на меня рассерженная пресса (я ждал от неё большей восприимчивости к критике): фанатик; одержимый; расколотый разум; циник; мстительный поджигатель войны; наконец и просто: «убирайся вон из страны!» (изящное применение принципа свободы слова, чем это отличается от Советов?). Возмущались, как я смею употреблять «наша страна» по отношению к той, которая меня изгнала, — да дело в том, что не родина меня изгнала, а коммунистическое правительство. Р. Пайпс напи-

сал: «Свобода слова, которая так неприятна Солженицыну». Я думаю, он достаточно грамотен по-английски, чтобы прочесть, как было сказано: не свобода слова, а только безответственное аморальное злоупотребление ею.

А самое распространённое обвинение было: будто я «призываю Запад идти освобождать» наш народ от коммунистов. Это — совершенное нежелание читать и понимать текст добросовестно. Не только в гарвардской речи, но и никогда прежде я не призывал ни к чему подобному и даже за все годы моей публичной деятельности не обратился за помощью ни к одному западному правительству, ни к одному западному парламенту. Я всегда говорил: мы освободимся — сами, это — **наша** задача, как бы она ни была трудна, а к Западу только одна просьба и один совет. Просьба: пожалуйста, не заталкивайте нас под диктатуру, не предавайте нас миллионами, как поступили в 1945, и не укрепляйте наших угнетателей вашими техническими средствами. И совет: в вашем безграничном отступлении — поберегите сами себя, не отступайте в ту последнюю яму, из которой вам уже нельзя будет выбраться.

Ещё притворилась часть прессы после Гарварда: как это я защищаю «право не знать» (обычно обрывали цитату: «не забивать своей божественной души сплетнями, суесловием, праздною чепухой»)? В обрыве — уже и ответ. Упрекают: и это Солженицын, который в СССР добивался права **знать**. Да, я добивался права всему миру знать: об Архипелаге ГУЛаге, о народном сопротивлении, о миллионах умерших, о голоде 1933 года и предательстве 1945. Но нас, проживших суровые годы, оскорбляет получать от прессы подробности, что у бывшего британского премьера оперировано не что-нибудь, и именно яичко, и какое одеяло у Жаклин Кеннеди, и какой напиток предпочитает певца дешёвых песен.

А серьёзное непонимание вышло в том месте, где я сказал, что смертно давящая жизнь Востока выработала характеры более глубокие, чем регламентированная жизнь Запада. Некоторые недоумели: так что это значит: коммунизм — хорош? духовное превосходство советской системы? О нет, конечно! А только древняя истина: что силу человеческому характеру придают страдания и испытания. О, конечно, множество людей у нас там, в вечной гонке нищеты и под гнётом, — растоптано, принижено, искажено или отвращено от человеческого облика. Но открытое давление Зла не так коварно растлевает людей, как его привлекательное вползание: под прямым гнётом рождается и противоположный

процесс — душевного подъёма и даже взлёта. На наших лицах почти нет церемонийных улыбок, но у нас больше друг другу поддержки — неюридической, когда жертва не списывается с наголов, такой и системы не существует. Наша атмосфера там — риск не ради себя, и мне лично приходилось наблюдать такое же преобразование и некоторых западных людей, когда они долго действовали в советских условиях. Один американский читатель опубликовал, что предлагал своим дочерям по 100 долларов за прочтение II тома Архипелага — и дочери отказались. А у нас его читают под страхом сесть в тюрьму. Да сравните двух юношей: трусливый террорист в Западной Европе, выходящий с бомбой против мирных людей и демократического правительства, — или инакомыслящий в Восточной Европе, выходящий с голой грудью против Дракона? Молодых американцев, не охотных к воинской повинности, или молодых советских солдат, отказавшихся стрелять в повстанцев (Берлин, Будапешт, Афганистан) — и тут же за это расстреляных (и знали, что будут расстреляны!)

Но одно возражение вашей видной столичной газеты поразило меня. Мне ответили: «Самоограничение? Это потребовало бы революционного разрушения и полной перестройки всех наших западных идей и целей».

Как тут не изумиться горько? А я — не вижу никакого спасения человечеству, кроме самоограничения каждого человека и каждого народа. И в этом — дух идущего сейчас в России религиозного национального возрождения. И я изложил это в качестве своей основной программы в статье «Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни», 5 лет назад изданной в Америке.* Эту статью мои оппоненты почему-то избегают и вспоминать и цитировать.

Недавно «New York Review of Books» дала крупный зловещий заголовок «Опасность национализма Солженицына». Но ни у неё, ни у её информаторов не достало ума указать в самой статье, обнимаемой заголовком: в чём же эта опасность? Что ж, я возьмусь помочь им цитатами из напечатанного мной.

(из «Письма вождям»)**:

«Я желаю добра всем народам, и чем ближе к нам живут, чем в большей зависимости от нас находятся, — тем более горячо.»

* From under the Rubble, Little Brown and Company, Boston-Toronto.

** A. I. Solzhenitsyn — Letter to the Soviet Leaders; Harper and Row, NY.

«Щемящее чувство вызывают и рядовые китайцы, потому что они будут самыми беспомощными жертвами той войны.»

(из «Раскаяния и самоограничения»)*: «Нам придётся найти в себе решимость на признание грехов внешних, перед другими народами».

«По отношению ко всем окраинным и заокраинным народам, насильственно втянутым в нашу орбиту, только тогда чисто окажется наше раскаяние, если мы дадим им подлинную волю самим решать свою судьбу.»

«Как нельзя построить хорошего общества при дурных отношениях между людьми, так и хорошего человечества не будет при дурных, затаённо-мстительных отношениях наций... Между государствами принять индивидуальную мораль: не делай другому, чего не хотел бы себе.»

Вот в чём опасность «национализма Солженицына». Вот в чём мировая угроза русского религиозно-национального возрождения.

10. На предпоследнем рубеже

Но и после Афганистана, как и после Чехословакии, Анголы или любого следующего советского захвата, — ах, как хочется всё-таки верить в разрядку! Да неужели же она кончена?.. «Да ведь советские руководители не отказались от неё! — об этом ясно заявил Брежнев, об этом писала «Правда!» (Маршал Шульман, никогда не теряющий оптимизма о коммунистическом руководстве, и другие эксперты в том же духе.)

О, конечно же, советские руководители готовы продолжать детант, отчего же? Тот самый детант, в котором благоденствовал Запад, пока Камбоджу вымаривали миллионами в джунглях. Тот самый детант, которому радовался Запад, когда в афганской деревне (да не одной же такой!) расстреливали тысячу мужчин от 12-летних мальчиков — и мы, русские, сразу узнаём этот случай — это по-советски! так убивали и нас с 1918 года! Советскому коммунизму еще очень пригодится детант: додушить последнее инакомыслие в стране и докупить недостающее электронное оборудование.

Запад просто не хочет поверить, что пришло время жертв, Запад просто не готов к жертвам. Даже пожертвовать выгодами

* From under the Rubble.

торговли не способны торгующие до самого пушечного залпа: разум отказывает им понять, что их барыши не достанутся их детям, что сегодняшние мнимые выгоды скоро отзовутся полным разорением. Между западными союзниками идёт лавирование, как бы каждому жертвовать меньше другого. Всё это — от жира благополучия, провозглашённого целью жизни и заменившего высокий дух и высокое мировоззрение, растерянное Западом.

Коммунизма нельзя остановить никакими уловками детанта, никакими переговорами — его может остановить только внешняя сила или развал изнутри. Гладкое лёгкое шествие западного отступления должно было кончиться когда-то — и вот оно кончается: пусть не последний рубеж, но уже предпоследний. Не защитив дальних границ, придётся защищать ближние. Уже сегодня весь Запад под опасностью большей, чем нависала в 1939 году.

Сегодня было бы непоправимо для всего мира, если бы Америка считала пекинское руководство своим союзником, а русский народ своим врагом вместе с коммунизмом: она затолкала бы в эту пасть оба великих народа, но и туда же бы упала сама. Она отняла бы у обоих великих народов последнюю надежду на освобождение. Неутомимые обвинители России и русского забывают сверить стрелки часов: все ошибки Америки в понимании России могли быть академичными, но лишь до сегодняшнего динамического момента.

Накануне планетарной битвы между мировым коммунизмом и мировой человечностью хотя бы ясно видел Запад, где враги человечности и где друзья её, — и не искал бы союза врагов, но искал бы союза друзей. Так много уже уступлено, отдано и расторгнуто, что сегодня Запад уже не может устоять даже при единении всех западных государств, — а лишь в союзе с порабощёнными народами коммунистических стран.

Вermont, февраль 1980.

Вermont, февраль 1980.

* From under the Yiddish.

ПИСЬМО БОРИСУ СУВАРИНУ

Многоуважаемый г. Суварин! Из-за моего незнания французского языка я только теперь мог познакомиться с полным текстом Вашей статьи «Солженицын и Ленин» (Est et Ouest, 15.4.76). Вы выдвинули обвинения против моей книги «Ленин в Цюрихе» и против моего метода работы. Не предполагая в этих искажениях никакого личного мотива и не видя в Вашей статье реальных деловых возражений, мне остаётся объяснить её партийною пристрастностью, относящейся к раннекоммунистическим годам. Но тем более я не могу оставить её без ответа.

Прежде всего Вы полностью пренебрегаете, что «Ленин в Цюрихе» — произведение художественное (один раз Вы достаиваете его названия «беллетризованный вымысел»), и поэтому критика Ваша подобна тому, как выпустить воду из аквариума и начать изучать жизнь рыб. Удивляюсь, почему среди упреков нет: как это Парвус мог поместиться в бауле? Произведение художественное, но я приложил все усилия быть безупречным в изложении исторических фактов — до дня и часа, и Вы, при Ваших встречных усилиях, искажений не нашли. Но главное, чему посвящена моя книга, чем держится она, — психологический тип и характер Ленина, его внутренняя жизнь и бытовое поведение, — однако Вы даже не комментируете, верно или неверно изображён тип его сознания. Вместо этого Вы высказываетесь о Ленине с уверенностью последнего живущего на земле человека, имеющего права судить о нём. Игнорирование художественной природы моей книги только и могло Вас привести к таким вопросам: почему Солженицын использует ленинские выражения лишь из томов цюрихского периода, а не всех 55 томов его жизни? почему Солженицын из опубликованных Вернером Хальвегом 100 документов довольствуется только восемью?

Какой же метод исследования предлагаете Вы? Вполне произвольный. «Надо уметь читать архивы» — даёте Вы мне урок, но сами отбираете только те документы, которые ложатся в Вашу концепцию. Даже документальное признание германского министра иностранных дел о том, что Германия в 1917 давала большие деньги на «Правду», Вы с лёгкостью отмечаете как ложное. Вообще вся русская пресса 1917, десятки письменных русских свидетельств и даже такие историки как С. П. Мельгунов и Г. М. Катков достаиваются лишь самых презрительных Ваших слов. Тем более высмеиваете Вы мои попытки получить показания от

ещё живых соотечественников, свидетелей того времени. Напротив, свидетельства иностранцев, побывавших тогда в России, Вы считаете преимущественными, и среди надёжнейших выдвигаете Анжелику Балабанову, которая проделала через Германию ленинский путь и ещё ждёт своего достойного исследователя (Бурцев в «Общем деле», октябрь 1917, начал выяснять её связи). Хотя Ваша статья весьма велика, Вы не находите места серьёзно разобратить даже главные положения моей книги: «подробное опровержение показалось бы читателю ненужным и утомительным», — удобная позиция! Вы спорите не со мной, а с придуманным противником.

Больше всего Вы занялись двумя вопросами:

1) использовал ли Ленин германские деньги «по крайней мере до апреля 1917 года» (эта Ваша оговорка уже есть проговорка);

2) при поездке Ленина через Германию был ли вагон запломбированным или бронированным?

По пункту 1 Вам приходится признать, что так же точно думаю и я: до начала 1917 Ленин заметным образом не использовал немецких денег (да партийная касса ещё питалась остатками разграблений русской казны).

По пункту 2 Ваши повторения особенно настойчивы: слово «запломбированный» Вы применяете 11 раз, — но во всей моей книге оно не употреблено ни разу. (Один раз, стр. 210 рус. изд. — «экстерриториальный» вагон — и к тому же выводу приходите Вы — «экстерриториальный»). Так к чему вся эта борьба с призраками? «Пломбированный» вагон стало фольклором, — но я этого не пишу, о чём же спор?

Однако в этом шумном споре Вы характерно обнажаете свою позицию, цитируя Мартова: «Эта сделка не предполагала никакого одолжения со стороны какого-либо правительства.» Неужели так? Во время войны воюющая держава пропускает беспрепятственно через свою территорию группу подрывных политических деятелей противной державы — и это не является «одолжением»? Да это гораздо дороже, чем поддержка золотом! Вы пишете: «совершенно законное путешествие 300-400 человек». Да как же Вы понимаете слово «законное»? Разве только в традиции Коминтерна. Не только для России — такой переезд и для Франции, и для Англии не мог квалифицироваться другим словом, как «предательство». (Понятие «отечество» не охватывается Вашим изложением. Вы помещаете большой пассаж, что человек своим проис-

хождением не связан со своею родиной. Эта коминтерновская моральная несвязанность со страной своих отцов и сказывается в оценке ленинского переезда.)

Среди частных Вашей статьи нельзя не отметить, что Вы и сегодня решаетесь отрицать, что Ганецкий был чрезвычайно доверенным тайным агентом Ленина, а де Карлу Моору «Ленин предупреждал не верить» (обычный ленинский маскировочный приём, а сам широко пользовался его услугами). Но главный вопрос, залегающий в Вашей статье: а после апреля 1917 — брал или не брал Ленин немецкие деньги? Моя книга не захватывает этого периода, но Ваша страсть заставляет отозваться.

Фриц Платтен-младший доказал, что при проезде Ленина через Швецию был тайный день его, уворованный советскими историками, — и это укрытие не понадобилось бы, если бы не надо было скрыть встречу с Парвусом в шведской глуши, — вслед за чем «независимый коммерсант» Ганецкий создаёт «заграничное бюро ЦК» в Стокгольме, через которое и льются немецкие деньги на развёртывание большевистской партии. Малочисленные большевики разворачивают в России бурную издательскую деятельность — многомиллионная «Правда», сотни местных изданий, совершенно затопляющих социалистических соперников, у которых у всех почему-то нет средств. Вы пишете «деньги тут ни при чём», но тиражи бесплатно не создаются. Контрразведка Петрограда всё же установила, что большевики создавали массовость демонстраций, покупая участников по 5 и по 10 рублей в день. Что член ЦК (!) большевистской партии Козловский производил большие банковские операции над деньгами, получаемыми из Скандинавии, оттуда же крупные суммы непрерывно получала агент Ленина Евгения Суменсон, она же обменивалась с Ганецким телеграммами, которые нельзя истолковать иначе как сопутствующие большим денежным пересылкам. Арест Суменсон показал, что никакой торговлей, упоминаемой в телеграммах, она не занималась, и никаких товаров в наличии не нашлось. Добраться до более значительных большевиков помешала их матросская охрана. Все добытые о большевиках сведения были тогда же опубликованы в русской прессе. Но в ответ на эти обвинения, даже в условиях анекдотически расслабленного Временного правительства и судебного следствия, Ленин почему-то не выступил с благородным оправданием (как бы хорошо, за 60 лет до Вас!), а костюмировался и скрылся (для простого человека — трусость

и несомненное доказательство вины, для великого Ленина — тактический манёвр).

И вот спустя 60 лет мы выслушиваем от Вас, что «деньги здесь ни при чём» и это «не оказывало никакого влияния на историю», что найдены реальные расписки не самого Ленина (а лишь — других лиц), — как будто не бывает государственной измены без расписок. С авторитетом почти участника событий — теперь, когда всем известен их жуткий кровавый смысл! — Вы снова пытаетесь внедрить в читателя примитивную большевистскую трактовку Октября — что «Ленин просто взял власть с помощью хороших солдат» петроградского гарнизона (оперативной боеспособности). Вы почти не можете скрыть Вашего восхищения этим великим Злодеем. Несколько раз Вы оговариваетесь: «хулители Ленина», «ненавистники Ленина», «клеветники», — так можно говорить только о Добродетели. Но какую ещё хулу можно возвести на Ленина больше, чем он сам возвёл на себя своим приказом расстреливать крестьян за неочистку снега, своими предписаниями об уничтожении Церкви? — подлым замыслом удушить её на сборе церковных ценностей для голодающих (а Голод — создан большевиками же)? Как можно выразиться о Ленине и о Троцком (которого Вы скромно отводите в сторону) хуже, чем напомнить, что они создали первый в истории и величайший в мире тоталитаризм, изобрели методы массового террора и приём потопления людей в баржах (предшествование газовых камер)? Ваша статья морально опасна тем, что Вы тититесь отмыться от злодеяния тех двух, а значит — и коммунистическую систему — и всё списать на верного Ученика.

Если в 1921-23 годах, участвуя в руководстве Коминтерном — в годы подавления массовых крестьянских восстаний, первых злодейских судебных процессов и первой московской инсценировки «народного гнева» (июнь 1922), которой дирижировал Троцкий, Вы по молодому возрасту не разобрались в происходящем, — то сегодня, когда истина о ленинском режиме оскалилась уже почти повсюду в мире, — нравственно недопустимо продолжать сеять в новых поколениях прежние семена и считать ленинский террор «исторически оправданным». Сегодня — как не признать, что Коминтерн топтался на плечах несчастных народов России, понуждая их батрачить и погибать для бредовой мировой революции?

11.2.80

Александр СОЛЖЕНИЦЫН

В порядке дискуссии

МАКСУДОВ

ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ И РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Заметки по поводу статьи М. Бернштама.¹

Проблематика, методология, статистика.

*«Кто там — французы? Не суйся, товарищ,
В русскую круговерть.
Не прикасайся до наших пожарниц.
Прикосновение — смерть!»*

Максимилиан Волошин

Работа М. Бернштама посвящена одной из самых болевых проблем современной русской истории — вопросу, как и почему большевики победили в гражданской войне? Причины победы автор видит в жесточайшем красном терроре, который он почему-то называет «демографической революцией», и в энергичной деятельности нерусских интернациональных сил. М. Бернштам не просто присоединяется к этой весьма распространенной и отнюдь не сегодня возникшей концепции, но подкрепляет ее многочисленными демографическими сведениями, математическими расчетами, историческими фактами. По ходу изложения автор затрагивает целый ряд важных вопросов, такие как распределение земельной собственности в 1918 году, ошибки западных исследователей в объяснении причин крестьянских восстаний, потери донского казачества и всего населения страны в 1918-1920 гг., численность и роль интернационалистов в гражданской войне и многие другие.

На всем этом весьма широком круге проблем просто невозможно остановиться, так как многие утверждения, самоочевидные в рамках авторской концепции, и потому изложенные достаточно бегло или просто упомянутые, при рассмотрении с других позиций требуют обширного исследования.

Я хочу сделать некоторые замечания по двум затронутым в работе вопросам: численность интернационалистов и других нерусских участников гражданской войны и методология расчета потерь населения. Изложение этих проблем носит в работе М. Бернштама совершенно различный характер. В первом случае — описание исторических событий, как они представляются автору, подкрепленное ссылками на работы других исследователей; во втором — вычисления, опирающиеся на различные демографические дан-

ные. К сожалению, и нам придется вслед за автором анализировать для обычного читателя математические расчеты и демографические сведения.

Рассмотрим же, в чем заключается основная историческая концепция М. Бернштама. Некогда человечество томилось под гнетом азиатского деспотизма, но

«христианство спасло и обновило мир ... взяло за руку азиатских завоевателей — кочевников, безграмотных бандитов² и сделало их творцами классической западной цивилизации. Но внутренний кризис цивилизации привел его к отвлеченному от духа социальному строительству, экономическому росту, городской культуре, и к появлению человека нового типа, — человека, свободного от ответственности, автономного от Бога.»

Что привело к этому? «через гуманизм и эгоцентризм, через индивидуализм и эгоизм, к прагматизму и волюнтаризму. Через волюнтаристский произвол — к втягиванию в новый тоталитаризм.»

А это и есть коммунизм — отвратительное и ужасное биологическое явление, реформация человеческой природы, переделка человечества, создание новой расы, отличной от Гомо сапиенс.»

Структура у этой страсти азиатская, но «сущность же коммунизма не азиатская, а европейская.»

И главное, коммунизм непобедим.

«Стратегия коммунизма всесильна, потому, что всегда всякая политическая конъюнктура бессильна перед политической стратегией, а нравственных оснований, чтобы противопоставить их коммунизму, у западной государственности — нет.»

Тогда лишенные нравственности авторы коммунистической доктрины К. Маркс и Ф. Энгельс придумали план:

«осуществить свой массовый социальный эксперимент на базе государственного социализма в странах Азии, на базе восточного готового тоталитаризма. Соединение тысячелетних традиций восточного тоталитаризма с современным коммунистическим движением, при использовании достижений индустриальной цивилизации Запада, при руководящем имперском центре в Германии, — все это вместе должно было обеспечить коммунизму необратимую всемирную победу.

Но Дранг нах Остен коммунизма на тоталитарно-социалистический Восток мешала оказавшаяся на дороге православная Россия.³ Без ее уничтожения, по мысли К. Маркса и Ф. Энгельса, невозможна была мировая коммунистическая революция, и потому следовало объявить войну всемирного социализма против России вплоть до ее уничтожения.

Так и было сделано совместными усилиями государственного социализма Германской империи и интернациональной левой.⁴ Но, напорвшись на всенародное сопротивление России, коммунизм застрял в ней и не смог одним ударом, блицкригом выполнить свою всемирно-историческую миссию...

Не смогли создать себе в России необходимый тыл для глобального наступления по всему фронту, (и сегодня не смогли? — М.) коммунизм истратил себя на террор против русского населения, против Ивана Денисовича и бабки Матрены и увяз в их крови.»

А ведь почти осилила Россия коммунизм, мало не хватало: чтоб народ, как в доброе старое время, слушал не социалистов, а генералов.

«И только стечение конкретных исторических обстоятельств не дало этой консервативной силе (русскому народу — М.) слиться с другой, соседней, — с белым движением, и вместе разгромить интернациональный социализм и мировой революционизм, то есть продолжить то дело, которое завела старая консервативная Россия в 1812-1815, 1830, 1848, 1863 и в другие дореволюционные годы.»⁵

Отчаянно сражался русский народ против коммунизма, и самые первые — рабочие-пролетарии:

«речь идет не об отдельных и локальных вспышках, а о последовательном, длительном и сознательном всероссийском сопротивлении рабочего класса, по большей части с оружием в руках, интернациональному социализму во всех его формах и во всей его исторической целокупности.

И в дальнейших исследованиях соотношения сторон в социалистической революции легенду о рабочем классе как опоре социализма рано или поздно ученым придется оставить.»

И крестьяне все до одного против: землю отняли, хлеб отбирают, Церковь притесняют.

«Поэтому естественно, что крестьянство оказало повсе-

местное и многолетнее вооруженное сопротивление всем революционным и социалистическим преобразованиям и объективно явилось консервативной силой. ... основная масса населения — его 99,5%, соответственно около 97,8% взрослого, трудоспособного, оружейноспособного мужского сельского населения (дети они молодцы, все против революции — М.), — либо не принимали участия в аграрной революции, либо сопротивлялись ей и в активной части своей были раздавлены военной силой, направленными в русскую деревню экспедиционными и мобилизованными войсками.»

И войска были против.

«Простейший расчет показывает, что Красная армия состояла из двух процессов и стояла на них: дезертирство и расстрелы.»

Все были против.

«Наверное народ ни одной страны ни в одной революции в истории не дал так мало своих представителей на осуществление революции и так много на сопротивление ей. Понятие «русская революция», на наш взгляд, вообще должно быть исключено из научного обихода. Также должны быть исключены понятия «рабочей» и «крестьянской» революции в России.»

(И правда, давно пора. Заладили: русская, русская! Надо говорить: интернационально-интеллигентская!) Потому что был в России Иуда. Имя его — интеллигент. Он народ свой предал. Народ против коммунизма! А Иуда: хочу коммунизма!

«И в экономическом смысле вся русская прогрессивная интеллигенция была по существу социалистической»

Народ не хочет земли. А Иуда — бери землю!

«В течение десятилетий многочисленные представители российской общественности вели пропаганду (и особенно усилили ее, получив думскую трибуну) насильственного отчуждения частновладельческих свыше 50 десятин (помещичьих, и так называемых «кулацких»), государственных, удельных, церковных, монастырских и кабинетских земель в пользу крестьянства.»

Народ хочет бунтовать против революции, а Иуда мешает!

«Естественно и то, что интеллигенция и общественность не поддержали крестьянского сопротивления, квалифициро-

вали его как бандитизм и т. д., имея все основания рассматривать его как силу реставрационную.»

Народ любит белых генералов! А Иуда — не любит!

«...белое движение поддерживали крестьяне Поволжья, казаки Дона, Сибири, Урала, рабочие Ижевска и Воткинска и других мест. Но отрицательное отношение интеллигенции к белому движению, как и ко всем консервативным силам России, привело к тому, что так или иначе у большевиков гражданское управление было создано, а в большинстве занятых белыми областей — нет. ... Сравнительно небольшая группа профессиональных военных не могла решить всего комплекса чисто политических проблем, стоявших перед белыми как перед представительной силой России. А общественность, которая уже по одной профессиональной принадлежности своей к политике, экономике и т. п. обязана была участвовать в решении этого комплекса проблем, не дала белому движению необходимого количества кадров.»

Зато красному движению приготовил Иуда секретное оружие — «демографическую революцию».

«...особая историческая сила социализма и его метод демографической революции, а также предварительное разрушение многих устоев жизни его объективной союзницей — интеллигенцией.»

Словом, Юда, социал-демократ и международный интернационалист поломали устои, навалились и помогли осилить Россию. Но и коммунизм при этом ослаб.

«Победа коммунизма на территории бывшей Российской империи обернулась, из-за сопротивления народа, началом агонии коммунизма. Коммунизм, как казалось бы при ином развороте событий, непобедимая и необратимая универсальная сила биологической перестройки человечества, — разбилась о сопротивление народов России и застрял на этой территории, в необходимости сосредоточить все свои силы только на том, чтобы давить этот народ.⁶ Россия оказалась в XX веке узлом всемирной истории, узлом всечеловеческой судьбы. А история народного сопротивления России — стала главным вектором этой судьбы, решающим фактором бытия человечества.»

Вот мы какие, читатель. И узел, и фактор, и вектор, и мир

спасли в XX веке, и коммунизм через нас пройти «не смогли» — все-таки, молодцы, по правде говоря.

И поверьте, если бы Бернштамовская философия истории оканчивалась на этой мажорной ноте, я бы и спорить не стал. Но, к сожалению, автор захотел спуститься с мифологических высот на землю и показать нам пальцем — кто же это, собственно говоря, помог ужасному чудищу коммунизма победить Россию.

«Для управления страной и для управления такой ненадежной многомиллионной армией нужен был такому не имевшему опоры в населении режиму, как социалистический, некий военный костяк, ударный кулак, мобильный, на все готовый, нацеленный на террор против всех и вся. ... Эту ударную силу мы предложили бы называть — ландскнехты революции, с той существенной усиливающей разницей, что ландскнехты социализма воевали не за деньги, а движимые политической организацией и интернациональной социалистической идеологией ... Это была денационализированная и деклассированная человеческая прослойка, собранная, спропагандированная и соорганизованная из находившихся в России ко времени революции военнопленных и из люмпен-пролетариата разных стран, находившегося в России на заработках. Значительная часть этой массы и была превращена в ландскнехтов мировой революции, часть из которых воевала против народов России, а другая часть, приобретя опыт первой интернационально-социалистической революции, была разослана по миру в качестве подготовителей следующих ударов этой революции в других странах. Пропаганда и организация ландскнехтов-интернационалистов явилась делом основного ядра интернационального социализма — интернациональной социалистической интеллигенции, оказавшейся в России или съехавшейся туда сразу после революции. ...»

Советские источники недвусмысленно говорят, что до осени 1918, когда мобилизованные формирования Красной Армии были малочисленны, неорганизованны и необучены, ударные отряды интернационалистов и, в частности, полки и бригады Латышской стрелковой дивизии, были основной военной силой в основных операциях, а эти операции были — подавление народных восстаний.»

Да, были операции зимой и летом 1918 года! На Западе немцы полстраны захватили — восстали на нас, значит. На Востоке

— чехословацкий народ в эшелонах восстал! Так и метались мобильные интернационалисты в этом кольце восстаний.

Для количественной оценки участия интернационалистов в гражданской войне в работе приводятся следующие данные:

дата	численность Красной армии	в том числе интернациона- листы без Латышской дивизии	Латышская дивизия	всего интерна- ционалистов	% всех интерна- ционалистов в войсках
осень 1918	387.500	50.000	24.000	74.000	19,1
лето 1920	3.538.000	250.000	18.000	268.000	7,6

В примечании отмечается, что, по мнению советских источников, из которых заимствованы сведения, они

«значительно уменьшены, ибо включают бывших военнопленных Центральных держав в рядах Красной армии и внутренних войск, но упускают поляков, финнов, китайцев, корейцев, персов, сербов и других.»

По мнению М. Бернштама, интернационалисты играли ключевую роль в победе режима над населением, «спасли мировую революцию от русского народа», контролировали и «террористически прочищали» ненадежную армию,

«стали главной, решающей силой социализма в 1917-1920.

Следовательно, социалистический режим на территории России по существу оказался режимом оккупационным, а война 1917-1922 годов была интернационально-социалистической оккупацией России.

Во-вторых, при хорошо организованной постоянной переброске по территории страны, гигантский ударный кулак интернационалистов был способен подавить даже 100-тысячные восстания. Социализм проявил феноменальные способности и организовал мощную стратегическо-политическую систему, способную завоевать очень большую страну с очень непокорным народом.

Следовательно, всемирно-историческое значение народного сопротивления в России состоит именно в том, что оно

отвлекло на себя вооруженную интернациональную силу, возглавляемую самым стратегически способным политическим аппаратом в истории, и защитило мир от мировой революции».

Уф, дорогой читатель, обещаю тебе больше выписок из статьи М. Бернштама не делать, а давай понемногу разберемся, обрела ли эта древняя, но все еще живая идея, какие-либо новые аргументы и доказательства?

Бедная, многострадальная Россия. Неужто и впрямь твоя участь так жалка, как пытаются нас уверить нынешние «заступники». И насколько же глубоко надо презирать твой народ, чтобы утверждать, что 75 тысяч иностранцев, не бог весть какого военного уменья, (одних — чехов и венгров — русские войска только что побили и взяли в плен, другие, китайцы и корейцы, и винтовки никогда в руках не держали) навязали твоему многомиллионному, неплохо вооруженному и отчаянно сопротивляющемуся населению свою волю. Они подавили восстания, они, носясь из конца в конец страны, отразили экспедиционные корпуса великих держав, они провели немало успешных боев с соседними государствами, они уничтожили отборные армии царских генералов, их гигантский «ударный кулак», «способный на все», установил «интернационалистско-социалистическую оккупацию страны» и, хоть на каждого из этих чудо-богатырей приходилось, верно, по сотне, а то и по тысяче сопротивлявшихся русских мужиков, они победили!

Удивительно и как-то не верится. Дело в том, что М. Бернштам только несколько утрирует героизацию могучих богатырей-интернационалистов, распространенную в некоторой части советской мемуарной литературы. Интернационализм — хорошее слово. Им можно гордиться, за него можно спрятаться в некоторых неблагоприятных по отношению к соседям поступках. Поэтому в СССР выпущено немало популярных брошюр и книг, посвященных иностранным участникам гражданской войны. И, так же как каждый старый большевик держался за другой конец ленинского бревна, каждый интернационалист был на самом важном участке фронта; боролся, когда рядом бежали, разгромил превосходящие (всегда превосходящие) силы противника. В этом, конечно, нет ничего удивительного, но беда в том, что именно на таких сочинениях строит М. Бернштам свою концепцию. В его списке литера-

туры полный набор этих праздничных изданий, и он не задумываясь черпает из них цифры и факты.

В конце Мировой войны в России действительно скопилось немало иностранных граждан: военнопленных (2-2,3 млн.), беженцев из западных прифронтовых областей (1,5-2 млн.), азиатских рабочих, завербованных по контрактам (китайцев — 200 тысяч, персов около 200 тысяч).⁷ В наиболее плохом положении находились военнопленные. Их подневольный труд использовался на самых трудных работах: в строительстве, на шахтах, на лесозаготовках; им не платили денег; они жили в условиях ужасной скученности в лагерях, где нередко свирепствовали эпидемии. В советских источниках попадаются страшные цифры лагерной смертности от эпидемий: в Сретенске в 1915 г. умерло 11 000 из 14 000, в Шкотово под Владивостоком — 7 000 из 9 000.⁸ На строительстве Мурманской железной дороги из 80 000 работавших иностранных военнопленных 72 000 болели цингой, чахоткой и другими болезнями.⁹ В конце войны, особенно после Февральской революции, жизнь военнопленных немного улучшилась: ослаб лагерно-тюремный режим, началось формирование добровольческих соединений, а Октябрьская революция их положение решительно переменяла. Обещание мира, отмена принудительного труда, введение равной с русскими рабочими оплаты, снятие охраны с лагерей, право на создание собственных организаций — все это не могло не сказаться положительным образом на настроениях военнопленных, не могло не отразиться на их участии в политической жизни страны.

Однако, это участие еще не было вооруженным вмешательством. Октябрьское восстание в Петрограде, бои в Москве, победоносное шествие большевизма по стране в 1917 году, захват Ставки Верховного Главнокомандования были осуществлены русскими силами. Деятельность военнопленных была в этот период иного рода: они изменили порядки в лагерях, устраивали союзы, собрания, съезды. Отдельные лица, приняв советское подданство (это было обязательное требование со стороны Германии), записывались в Красную гвардию.

Более заметную роль играли в это время добровольные формирования из военнопленных славянских народов: Чешский корпус, Сербский корпус, два польских корпуса: 1 — (Довбор-Мусницкого) в Белоруссии и 2 — (Галлера) на Украине.¹⁰ После развала русской армии эти соединения оставались некоторое время единственной организованной вооруженной силой в Империи.

Эти части не стремились к демобилизации, желали продолжать войну с Германией и поэтому вступили в переговоры с представителями Антанты. В гражданской войне, начинавшей полыхать по стране, они либо поддерживали антибольшевистские силы (Корнилова, Украинскую раду), либо сохраняли вооруженный нейтралитет. В боях с немцами, наступавшими на Украину, некоторые из этих отрядов были разгромлены (хорватские отряды, отделившиеся от сербского корпуса, 2 польский корпус), другие были оттеснены в Россию и пытались выехать из страны (сербы — через Мурманск, чехи — через Владивосток), третьи — (корпус Довбор-Мусницкого) вступили в переговоры с немцами.

Именно эти формирования иностранных военнопленных первыми придали Гражданской войне интернациональный, международный характер. К восстанию чехословацкого корпуса (численность его оценивается разными, а иногда и одними и теми же авторами, от 35 до 50 тысяч^{11, 12, 13}) примкнули сербские отряды, оказавшиеся в Сибири и Поволжье, польские и румынские части. Восточный фронт выглядел в 1918-20 гг. подлинно интернациональным. На стороне Колчака сражались: чешский корпус, польский корпус (численностью до 11 тысяч), румынская дивизия,¹⁴ сербские и хорватские полки и даже два латышских полка, оказавшихся по прихоти I Мировой войны на Дальнем Востоке.¹⁵ Даже без японских и американских войск численность этих интернациональных соединений составляла в разные периоды Гражданской войны 50-80 тысяч — больше половины антибольшевистских сил, сражавшихся на Востоке.

Восстание чехов дало стране, уже семь месяцев испытывавшей на себе прелести большевистской власти, шанс пересмотреть результаты революции заново. Чехи заняли и передали Комитету Учредительного собрания огромную территорию, богатый, не разоренный войной край. Казалось, жители этих пространств (которые, если верить М. Бернштаму, только что бунтовали, восставали, отчаянно сражались, чтобы скинуть ненавистную власть и спасти мир) возьмутся за оружие и раздавят «иногородческое» правительство Москвы, которое только еще начинало где-то там, далеко формировать свои «интернациональные» части. Но этого не произошло. Россия не приняла предложенной ей международной помощи бывших военнопленных, и скоро Чехословацкий корпус оказался в кольце крестьянских восстаний и рабочих выступлений. Чехи начали ощущать себя не освободителями страны, а оккупантами и, окончательно деморализованные переворотом Колчака, практически вышли из игры.

Интернациональные соединения сражались с большевиками не только на Восточном фронте. В Белоруссии действовал в декабре 1917 года уже упоминавшийся корпус Довбор-Мусницкого (16,5 тысяч чел.),¹⁶ в Прибалтике воевала в 1919-20 гг. добровольческая немецкая армия, включавшая значительное число жителей скандинавских стран, на севере и на юге совместно с войсками стран Антанты находились части Сербского корпуса, численность которых оценивается от 12 до 30 тысяч человек.¹⁷ Численность румынских отрядов в Одессе приближалась к 11 тысячам. Польская дивизия, сражавшаяся на стороне Деникина, достигала 5-6 тысяч человек. А в целом в рядах борющихся против Красной армии оказалось в 1918-20 гг. приблизительно 50-100 тысяч иностранных военнопленных.¹⁸

Среди воинских формирований Красной армии летом и осенью 1918 года также было немало интернациональных отрядов. Но называемая М. Бернштамом цифра, 50 тысяч, несомненно преувеличена. Автор заимствует ее у советских историков, среди которых она очень распространена. Правда, в ее толковании имеются некоторые расхождения. Одни исследователи¹⁹ считают, что это оценка численности организованных интернационалистов: «к концу 1918 года организованных интернационалистов, принимавших активное участие в революционном движении, насчитывалось 50 тысяч человек, причем ряды их непрерывно увеличивались.»

Другие,²⁰ а вслед за ними и М. Бернштам, говорят о бойцах Красной армии:

«к сентябрю 1918 года в Красной армии сражалось на разных фронтах более 50 тысяч иностранных пролетариев. В этих данных не учитывались интернационалисты, сражавшиеся за Советскую власть в Туркестане, на Урале и в Сибири, а также бойцы интернациональных отрядов, находившиеся на формировании, и бойцы польских и финских и ряда других частей и подразделений Красной армии.»

Несмотря на столь различное толкование, все авторы почерпнули эту цифру из одного архивного источника,²¹ который по счастью уже опубликован. Имеется в виду Отчет ЦИК Интернационально-революционной организации иностранных рабочих и крестьян.²² ЦИК в составе 9 человек был создан на Первом Всероссийском съезде военнопленных, состоявшемся в Москве в апреле 1918 года. Это было торжественное, широко рекламировавшееся мероприятие. Понять, насколько легко тогда обращались с большими числами, позволяет освещение в печати численности делегатов и их избирателей.

«Правда» 16 апреля 1918 года в статье, описывающей митинг военнопленных, сообщает о 300 делегатах от 200 000 военнопленных. В другой статье этого же номера, рассказывающей о первом заседании, делегатов уже 400 и представляют они 500 000 военнопленных. Эти же сведения приводят «Известия ВЦИК», «Беднота» 17-4-1918 г., а газета коммунистов омского лагеря 21-5-1918 г. дает даже точную цифру — 520 426 человек.²³

Однако, в резолюции самого съезда говорится, что собравшиеся 200 делегатов представляют 100 000 человек.²⁴ В статье, описывающей съезд по материалам Бюро пленных ВЦИК,²⁵ говорится, что «на съезде было представлено около тысячи делегатов, имеющих за собой около 50 000 организованных пленных». По мнению современных исследователей, рассмотревших уцелевшие 130 мандатов, выборы происходили в представительности от ста (так намечалось по инструкции) до 500 человек, и делегаты съезда выступали от имени 50-100 тысяч военнопленных.²⁶

Но важно, конечно, не число делегатов и не их представительность. Существенны результаты съезда. Он не оказался прямо пробольшевистским, скорее на нем преобладали социал-демократы. Выбранному ЦИК было поручено в первую очередь отстаивать интересы военнопленных. ЦИК занимался пропагандой, принимал новых членов (около 3 тысяч за полгода), но никакой работы по формированию отрядов Красной армии он не проводил. Во-первых, потому что не имел полномочий, во-вторых, опасаясь представителей германского посольства, которые категорически потребовали разоружения пленных и выдачи зачинщиков, а так как главное для Советского правительства было сохранение мира с Германией, (то, по яркому описанию журналиста тех лет,) «со скрежетом зубным был издан приказ тов. Троцкого о поддержании агитации среди пленных».²⁵

В сентябре в связи с массовым выездом военнопленных из страны ЦИК поспешил самоупраздниться, опубликовав отчет о своей деятельности. По выразительности и неконкретности этот «отчет» характерное явление времени. Авторы пишут скорее агитационное воззвание, чем статистическую справку о работе, и честно не скрывают этого:

«Этот отчет однако не подробный и тем менее бюрократический. Такое его составление было бы лишним и невозможным.»

О положении в стране, даже о деятельности собственной организации авторам отчета не много известно.

«Сибирь и часть Европейской России заняты контрреволюционерами — там наши товарищи или сражаются на фронтах

или же мы не имеем от них вестей. Сведения от них поступают очень редко».

Но это отсутствие сведений не помешало им назвать число интернационалистов в Красной армии — цифру столь необходимую сегодня всем пропагандистам и «исследователям».

«В Красной армии сражаются на разных фронтах более 50 000 иностранных пролетариев за святое дело пролетариата всех стран — за Советскую республику. Против Корнилова и Каледина, Дутова и Краснова, Семенова и Хорвата и всех идущих под разными знаменами чехословацких и контрреволюционных банд, рядом с сознательными русскими рабочими проливали свою кровь и наши товарищи-интернационалисты. Дело истории будет установить, как боролись вместе друг дружку не понимающие вчерашние враги — пролетарии всех стран, против наших единственных врагов, против буржуазии... Вот и весь отчет о деятельности шести месяцев. Признаем его недостатки, но причины вне нас.»²²

И насколько же честнее эти бесхитростные слова агитаторов-революционеров, полагающихся на историю и ни на что не претендующих, чем построения современных историков, которые используют эти невинные лозунги для грандиозных схем и обобщений.

Ориентировочное представление о численности интернационалистов в конце 1918 г. можно составить по опубликованным документам штабов РККА. В одном из них — «Списке интернациональных частей, отправляемых на фронт» от 8 декабря 1918 года перечисляются отряды общей численностью 2 665 человек и кроме того называются один полк и три отряда без численности.²⁷ По документам этого же сборника эти четыре соединения можно оценить в 1,5-2 тысячи человек. Другой документ — «Сведения Полевого Штаба о численности интернациональных отрядов на Восточном, Южном и Каспийско-Кавказском фронтах», датированный январем 1919 года, дает цифру, близкую к полученной оценке — 4 878 человек.²⁸ Кроме того в тыловых соединениях находилось 24-4-1919 г. 2,2 тысячи интернационалистов,²⁹ 2,5-3,0 тысячи сражались на отрезанном Туркестанском фронте,³⁰ а около тысячи интернационалистов, отправленных в Сибирь на борьбу с Семеновым, были разгромлены чехами и разбрелись по партизанским отрядам.³¹ Таким образом, численность интернациональных частей на конец 1918 года составляла примерно 11 тысяч человек. Правда, в сборнике документов имеется одна большая оценка: 15-18 тысяч бойцов в интернациональных частях на май 1919 г.³² Однако эта цифра не является отчетной и не следует

из численности конкретных подразделений. Это предположение Полевого штаба РВС Республики о возможных резервах для формирования Интернациональной дивизии, которую так и не удалось создать. В разъяснении отмечается, что комиссия товарища Частека, который отвечал за формирование дивизии, обнаружила только 10 из этих 15-18 тысяч, а том числе — 5 200 человек на Восточном фронте.

Предположение о 18 и даже о 11 тысячах бойцов преувеличено потому, что в интернациональных частях было значительное число жителей России. Напротив, иностранцы в 1918 году редко оказывались в русских частях в заметном количестве. Если они сами не перебирались в скором времени к своим, то их разыскивали и перебрасывали специально ведавшие этим инстанции. Это происходило с серьезным политическим расчетом. Интернациональная Красная армия, которую все время пытались сформировать, сводя вместе различные подразделения, могла пригодиться для «помощи» западному пролетариату.

Численность другой категории «ландскнехтов» М. Бернштама — латышей — изучена неплохо, и мы просто можем воспользоваться сводкой данных в работе Б. А. Томана.³³ На середину октября 1918 года латышских стрелков в Красной армии было 14,1 тысяч.

Таким образом, М. Бернштам преувеличил число интернационалистов в рядах Красной армии в 1918 году примерно в три раза. И главное, по ту сторону баррикады в то время сражалось в 2-3 раза больше иностранных военнопленных, чем в рядах большевиков. Еще более значительной выглядит их роль, если рассмотреть не абсолютные цифры, а проценты. В Красной армии численность иностранцев и латышей вместе взятых не превышала осенью-зимой 1918 года 7%, в Белом же движении русские и казаки соединения составляли в конце 1918 меньше половины, половина же приходилась на интернационалистов и войска соседних стран.³⁴

Кстати, уместно будет вспомнить об «ударных кулаках» и «могучем духе» наших чудо-богатырей. Удивительным образом в Красной армии, несмотря на все попытки, так и не удалось создать ни одной дивизии из интернационалистов. Взвод, рота, батальон, отряд, полк — вот типичные формирования из военнопленных и китайцев. Бригада неполного состава, просуществовавшая очень недолго — вот наиболее многочисленное соединение, созданное из иностранцев. Это там, в Белом движении, действуют дивизии, корпуса — действительно «ударные кулаки».

И надежность нерусских формирований вызывала у совет-

ского руководства, видимо, справедливые опасения. Так, коллегия народного комиссариата по делам национальностей 7-5-1918 г. разрешает создание таких отрядов «при безусловной гарантии заинтересованного национального комиссариата (и национальной советской партии) относительно политической надежности, что данные отряды не попадут в руки национальной буржуазии».³⁵ И, как и многие другие отряды Гражданской войны, интернациональные подразделения не всегда были послушны и надежны. Даже латыши, наиболее боеспособное формирование, отказывались порой выступать на фронт, сдавались в плен врагу, давали подписку о прекращении участия в Гражданской войне и т. д. Когда же они оказались на территории Латвии, их боевой дух окончательно упал, началось дезертирство и измена. «Рига видимо потеряна. Весьма вероятно предательство латышских буржуазных офицеров», — телеграфирует В. И. Ленин Троцкому 22 мая 1919 года.³⁶ И он не ошибся. Латышская армия катастрофически таяла. «Большинство из наших полков после падения Риги надо считать не боеспособными, некоторые из них только на бумаге считаются полками», — констатирует инспектор Армии Латвии Р. Берзинь.³⁷ То же самое происходило с эстонскими формированиями, часть полков перешла сразу на сторону противника, а другие «не оказывают противнику ни малейшего сопротивления», — рапортует командующий Армии Латвии Славен.³⁸

Не лучше было положение с польскими полками. Один из них был разоружен ВЧК в Москве в апреле 1918 года, другие приняли участие в заговорах и мятежах на Севере, третьи, выступившие на фронт, отличались крайне невысокой боеспособностью. Вот как, например, характеризует их Политотдел Южного фронта в рапорте на имя В. И. Ленина:

«Люблинский полк 9 армии — как боевая единица никуда не годится, сильно развито дезертирство. 101 Люблинский полк — совершенно небоеспособен. Варшавский полк — сформирован недавно, как боевая единица в расчет принят быть не может. При выступлении на фронт дезертировала половина полка. Витебский — недисциплинирован, развито массовое дезертирство.»³⁹ И сербские и венгерские отряды не всегда оказывались надежными. В Ташкенте они поддерживали некоторое время эсеровский мятеж Осипова. В Царицыне принимали участие в заговоре, и ЧК пришлось их разоружить. В Туркестане в апреле 1919 года два интернациональных полка отказались идти на позиции, убили на митинге командира полка Э. Надя и добились демобилизации и отправ-

ки домой 600 человек.⁴⁰ Сербские части, прибывшие в Пензу после боев с немцами на Украине, проделали довольно характерный для Гражданской войны путь. Сначала они поддержали большевиков, затем летом 1918 года перешли на сторону чехословаков, а в начале 1920 года два сербских батальона, сформированные в значительной степени из солдат этих частей, изменили Колчаку и вновь оказались у большевиков.⁴¹

В некотором отношении интернациональные части были даже менее надежны, чем русские. Иностранцы военнопленные все-таки не ощущали Гражданскую войну как свое национальное дело, кроме возможности оказаться по ту или другую сторону фронта, они могли выйти из игры, уехать на родину. Поэтому части интернационалистов нередко предъявляли свои не всегда приемлемые для командования требования. То они «готовы поддержать» Советскую власть, но при условии не участвовать на внутреннем фронте,⁴² то требовали сосредоточения всех интернациональных соединений на Украине, поближе к дому, то объявляли Гражданскую войну законченной, добивались демобилизации и перехода к добровольческому принципу формирования. Последнее условие было выдвинуто в сентябре 1919 бойцами интернациональной бригады, включавшей почти все отряды иностранных военнопленных. Бригаду расформировали, 2 200 добровольцев, пожелавших остаться в рядах Красной армии, перевели в резерв, зачинщиков выступления отдали в руки революционного трибунала, а основная масса бойцов была демобилизована.⁴³ и ⁴⁴

С этого момента фактически заканчивается участие военнопленных в Гражданской войне. Они остаются в тылу в Армии резерва, и лишь незначительные подразделения в составе русских частей продолжают сражаться.

Все это не помешало, однако, М. Бернштаму оценить численность интернационалистов летом 1920 года в 250 тысяч человек. Эта цифра взята все из того же мутноватого источника популярной литературы. «По далеко не полным подсчетам ... за Советскую власть и великие идеи Октября сражалось 220-250 тысяч интернационалистов военнопленных и иностранных трудящихся.⁴⁵ Известно, что только в 1917-1920 гг. в интернациональных частях Красной армии находилось 70-80 тысяч венгров,⁴⁶ 30-40 тысяч китайцев,⁴⁷ 9 600 чехословаков,⁴⁸ около 30 тысяч югославян.»⁴⁹ и ⁵⁰

Здесь многое удивительно и непонятно. (Разве кроме того, что М. Бернштам взял большую из двух имевшихся цифр). Например, почему численность венгров, китайцев, чехословаков, югославян — 140-160 тысяч так заметно отличается от общей суммы

интернационалистов? Видимо, поляки, латыши, эстонцы, финны и другие народы империи также включаются в общую цифру иностранцев.

Совершенно неясно, на каком основании этот общий итог за все годы Гражданской войны М. Бернштам приписывает к определенному моменту — лету 1920 года? Ведь были же боевые и санитарные потери, отъезд военнопленных за границу и др. явления.

Но самое «удивительное» — из каких источников почерпнули наши исследователи сведения. Численность венгров сообщили Н. С. Хрущев и Янош Кадор, пожимая друг другу руки после подавления Венгерского восстания; о китайцах рассказал Пын Мин в год, когда «краткая история дружбы» начала превращаться в историю краткой дружбы, и когда, конечно, не то что 30 тысяч, но и 30 миллионов китайцев не было жалко; о югославах повествуют авторы популярной брошюры; и лишь скромная цифра чехословаков дается на фиксированную дату со ссылкой, напоминающей исторический источник.

Численность интернационалистов в 1920 году также можно оценить по опубликованным документам. В конце августа 1920 года Главным Штабом Красной армии составляется «список интернациональных частей, действующих на фронтах Гражданской войны в 1920 году»⁵¹ численностью 6 077 человек. Кроме того в перечне упомянут 244 батальон (694 человека по другим документам) и бригада 1 интернациональной дивизии имени III интернационала, формировавшаяся в Восточной Сибири в составе 5 армии. Бригада включала множество мелких частей, в том числе перешедших и славшихся отрядов Колчака. Кроме первого полка, это соединение так, видимо, и не было окончательно сформировано. По хвастливому заявлению комиссара (он же военком) бригады на собрании группы коммунистов Восточной Сибири 17-3-1920, «вместе с потерянными частями» в ней было 5 тысяч человек.⁵² Однако штаб 5 армии на запрос РВСР об интернациональных частях в июле 1920 года перечисляет два полка, несколько батальонов и рот общей численностью около 2 тысяч человек. замечает: «кроме указанных, в составе армии интернациональных частей нет».⁵³ По-видимому, «потерянные отряды» так и не обнаружили. Но вопрос о численности интернациональных частей в Восточной Сибири в 1920 году, формировавшихся практически после окончания боевых действий, вряд ли является слишком принципиальным.

К перечню Главного штаба следует прибавить 519 полк, включавший значительное число интернационалистов и воевавший летом 1920 года на Украине, интернациональную кавалерийскую бригаду, созданную осенью 1920 года для боев с Врангелем, эскадроны кавалеристов, сражавшиеся у Котовского, в 88 и 72 полках. Численность этих частей составляла ориентировочно 4 тысячи человек, правда, для их формирования и пополнения, очевидно, использовались отряды, учтенные в списках Главного Штаба.

Таким образом, в интернациональных отрядах летом 1920 года числилось 13-16 тысяч человек. Несомненно не все бойцы этих частей были иностранцами. В литературе часто отмечается, что численность русских в интернациональных формированиях была велика. Например, в 4 туркестанском интернациональном полку состояло: русских — 253 человека, мадьяр — 618, немцев — 148, мусульман — 181, других национальностей — 125.⁵⁴ В октябре 1920 года интернациональная кавалерийская бригада включала 1 800 человек, в том числе 827 интернационалистов.⁵⁵ 2-й интернациональный полк Фекете в августе 1919 года состоял из 800 человек, из которых лишь 80 являлись интернационалистами.⁵⁶ Таких примеров можно было бы привести еще немало, но известны однако и случаи участия отдельных групп иностранных бойцов в русских соединениях. Правда, такие отдельные группы, вкрапленные в русские батальоны и полки, трудно назвать «ударными кулаками». Не имея возможности в данный момент оценить эти противоречивые тенденции, предположим условно, что они друг друга компенсируют.

Другой отряд «ландскнехтов» — латышские стрелки насчитывали летом 1920 года 8 тысяч,⁵⁷ причем их дивизия получала уже почти в течение года русские пополнения. В то же время латышских воинских формирований вне Латышской дивизии к тому времени практически не было.

Следовательно, в 1920 году «ландскнехты» составляли не более 24 тысяч человек,⁵⁸ то есть 0,8 а не 8 процентов от численности Красной армии.

Причисляя вслед за М. Бернштамом латышей к «ландскнехтам», мы несомненно поступили не совсем корректно. Латышские стрелки меньше всего иностранцы — это жители империи, мобилизованные и честно сражавшиеся за «царя-батюшку». Их участие в Гражданской войне определялось не внешними международными причинами, а внутренними судьбами малых народов страны.

Это движение народов окраин России играло в Октябрьской революции и Гражданской войне намного большую роль, чем отчасти выдуманная проблема интернационалистов.

На окраинах бывшей империи, на каждой национальной территории кипела в те годы своя жестокая гражданская война. Стороны в каждом из этих столкновений были достаточно четко определены: национальным силам, борющимся за государственную независимость народа, противостояли части Красной армии из русских и немногочисленных нерусских соединений. Народы северо-запада страны: финны, латыши, литовцы, эстонцы, поляки — победили не только мифический микроб коммунизма, но и его воплощение в виде большевистских дивизий. Мужественной вооруженной борьбой им удалось отклонить «братскую помощь» России и создать демократические правительства. Выше уже отмечалось, что национальные формирования Красной армии, польские, латышские, эстонские, финские части, повсеместно оказывались небоеспособными при столкновениях с вооруженными силами молодых независимых государств.

Конечно, малые народы не хотели объединять свои усилия с белыми генералами. Но ведь для того, чтобы привлечь к походу на Петроград финскую и эстонскую армии, Юденичу было достаточно признать независимость этих государств. Так же должен был поступить Деникин по отношению к Польше. Но этого не произошло.

Менее успешным по сравнению с борьбой народов северо-запада оказалось сопротивление населения южных и восточных окраин: Кавказа, Туркестана, Алтая. Но произошло это не по вине самих народов, а под натиском превосходящих сил русской-советской армии. Конечно, как и все народы России, жители Востока были представлены в некотором количестве в Красной армии, но их вклад в антибольшевистское движение был намного более заметным. Боевые действия в Средней Азии и горном Кавказе не утихли еще почти пять лет после окончания Гражданской войны. Повсеместно население окраин оказало отчаянное сопротивление новому (колониальному) покорению. И эта страница советской истории ждет еще своего беспристрастного внимательного исследователя.

Не удалось отстоять независимость и донским казакам, которые, по-видимому, сделали для своего освобождения больше, чем любая другая социальная или национальная группа населения.

Не получила независимости и Украина, народ которой, не-

смотря на благоприятные условия (немецкая оккупация, помощь поляков и т. д.), оказался скорее в рядах Красной армии, чем среди ее противников. Такая же судьба постигла народы Белоруссии, Поволжья, давнее вхождение которых в Россию и заметная русификация определили слабость национальных движений. Вклад жителей этих территорий в победу большевиков сопоставим с усилиями русского народа (таблица 2). Но причины этого явления слишком сложны, чтобы обсуждать их попутно в небольшой статье. Так может быть, действительно, западные интернационалисты: англичане, французы, американцы, итальянцы — съехались в Москву и общими усилиями спасли Советскую власть? Ведь приводятся в том же номере Вестника, в котором помещена статья М. Бернштама, страстные слова Д. Мережковского: «Русские знают: если бы чья-то протянутая из Европы, невидимая рука не спасала Советскую власть, каждый раз, на краю гибели, то Россия уже была бы свободна.»⁵⁹

Увы, с этим трудно согласиться. Страны Европы сделали для свержения Советской власти заметно больше, чем кучка иностранцев, основавшая несколько секций (филиалов) РКП(б) и занимавшаяся пропагандой в войсках и в соседних странах. Антанта блокировала порты, прекратила снабжение, предоставила оружие всем противникам большевиков, высадила многотысячные экспедиционные корпуса. Германия оккупировала западные районы страны, покровительствовала Украинской Раде, Каледину, как впрочем, вероятно, поддержала бы любое антибольшевистское движение, возникни оно только.

Иностранцы коммунисты, оказавшиеся в Москве и завербованные из военнопленных в России, также сыграли немалую роль, но не в ходе революции или Гражданской войны, а в создании в мире партий нового типа, которые долгое время, а порой и сейчас, прикрываясь коммунистическими лозунгами, выполняют конкретные задания, выгодные для политического курса московских руководителей. Так что не западный коммунизм пробрался в Россию и подчинил ее себе, а напротив, Россия, завербовав и распространяя случайно в ней оказавшихся жителей зарубежных стран, рассеяла их по миру в качестве пятой колонны.

Нередко можно услышать: чехи, Антанта, немцы, финны, поляки, прибалтийцы — боролись, но недостаточно. Ведь почти любая из перечисленных сил могла в свое время дойти до Москвы и скинуть ненавистное революционное правительство. Но дело в том, что эти силы не могли претендовать на установление в стра-

не своей власти, они не желали быть оккупантами, да и не справились бы, по-видимому, с этой задачей. В их возможностях было поддерживать имеющиеся в стране антисоветские силы, и они помогали им. Но, несмотря на эту помощь, все антиреволюционные движения потерпели поражение от большевиков.

Наиболее активной контрреволюционной силой в стране было несомненно Белое движение, которое вполне справедливо ассоциируется с русским офицерством. Оно, по мнению М. Бернштама, достигало на максимуме своего развития в феврале 1919 года 537 тысяч. Это почти вдвое преувеличенная цифра. В Директивах Командования фронтов⁶⁰ отмечается, что 15-2-1919 Красной армии противостояло 511 тысяч (почти как у М. Бернштама), но белогвардейские и белоказачьи войска составляли при этом всего 287 тысяч. Остальные соединения принадлежали Антанте, Польше, Финляндии, Петлюре, странам Прибалтики, Грузии, Дагестану.⁶¹

Несомненно Белая армия боролась энергично, отчаянно и порой была близка к победе, но она включала лишь часть русского офицерства. Другая его часть, и, возможно, более значительная, оказалась на стороне Советской власти. Около 50 тысяч офицеров, 200 тысяч унтерофицеров служили в Красной армии.⁶² Это больше, чем рядовых у Деникина и Колчака вместе взятых, почти в два раза больше, чем число коммунистов, сражавшихся на фронтах. Неоднократно отмечалось, что и руководство боевыми действиями фронтов Красной армии осуществляли главным образом царские офицеры, естественно в основном русские. Но не только русские. Троцкий, Склянский, Тухачевский, Вацетис, Гиттис и др. — при достаточно внимательном расистско-генеалогическом анализе (к сожалению, все более распространяющемся в наше время) покажут свою инородческую сущность.

Но многие десятки фамилий командующих фронтами и армиями, начальников штабов фронтов и армий останутся и при таком подходе вне подозрений. Да и руководство Белым движением вряд ли соответствует современным строгим паспортно-анкетным нормам. Врангель, Юденич, Каппель, Гайда, Унгерн, Улагай, Миллер, Эрдели, Дитерихс — вот сразу пришедший в голову и, очевидно, не полный список неславянских фамилий известных белых генералов. Но и без специальных исследований биографий отдельных участников Гражданской войны можно утверждать, что русское офицерство сделало чрезвычайно много для победы большевиков.

Наконец, о главной силе войны — русском рабочем и крестьянине. Можно согласиться с М. Бернштамом, что население страны было в подавляющем большинстве недовольно Советской властью. Думаю, что и сами коммунисты, вплоть до высших руководителей, были не в восторге от разворота событий. Да и чему было особенно радоваться? Голоду, разрухе, эпидемиям, нехватке всего, блокаде иностранных держав или окружению враждебных армий?

Но от недовольства до продолжительного энергичного противодействия — немалый путь. Позиция солдата в сражении определяется не столько его симпатиями и антипатиями, радостью и недовольством, сколько тем, в какую сторону он стреляет. И вот по такому окончательному счету, позиция русских рабочих и крестьян, несмотря на дезертирство, забастовки, демонстрации и даже отдельные вооруженные выступления, склонялась на сторону большевиков. Конечно, в некотором количестве они были и в Белом движении. Восстание Антонова, выступления Григорьева и Махно, многочисленные крестьянские бунты, партизанские отряды зеленых, Кронштадт, волнения в Петрограде, Астрахани, Ижевске и других городах — все это ложится на антисоветскую чашу весов, вместе со сражавшимися у Колчака и Деникина, вместе с отчаянной борьбой донских и кубанских казаков (которую, правда, можно рассматривать и как движение национальных окраин). По-видимому, эти активно боровшиеся антибольшевистские силы составляли сотни тысяч человек. Но на другой чаше весов были 7,5 миллионов красноармейцев, обеспечивших в конечном итоге победу Красной армии. (Они оказались той непобедимой решающей силой, обеспечившей исход Гражданской войны). И были они, как видно из таблицы 1, преимущественно русскими рабочими и крестьянами. Возможно, не все воевали добровольно и охотно, вероятно, некоторые, подобно Григорию Мелехову, побывали и у зеленых, и у Белых, и у Красных. Но важно то, что большую часть своих усилий, рискуя жизнью и нередко теряя ее, они вложили в установление Советской власти на территории страны, в попытку распространения ее на соседние государства.

Я не берусь здесь рассматривать достаточно сложный, требующий серьезного изучения вопрос: почему симпатии русского народа оказались все-таки на стороне большевиков, но хочу подчеркнуть, что выбор был в достаточной степени добровольным. Особенность гражданской войны заключается в том, что даже насильно мобилизованные могут индивидуально или вместе со

своей частью перейти к противнику, то есть выбрать сторону, за которую они согласны проливать свою кровь. А для многочисленных партизанских отрядов и банд не было даже проблемы перехода «линии фронта» — они сами выбирали свою позицию и определяли свое поведение в ходе Гражданской войны. И так уж оказалось, что батальоны и полки мобилизованных и партизанские отряды переходили в основном в одном направлении — от Белых к Красным.

И этот трагический выбор русского народа на долгие годы определил не только его судьбу, но и (в этом прав М. Бернштам) судьбы человечества.

Изложенные соображения о соотношении сил в Гражданской войне представим в виде единой таблицы (таблица 2). Численность бойцов Красной армии за весь период можно оценить, прибавив к максимальной численности перед началом демобилизации — 5,3 млн.^{63, 64} число убитых на фронтах и умерших от ран — 500 тысяч, число умерших от болезней — 500 тысяч, раненых не вернувшихся в строй — 1,2 миллиона человек. Распределение красноармейцев по социальному и национальному составу произведем в соответствии с результатами переписи 1920 года (таблица 1), выделив на основании изложенных выше соображений иностранных военнопленных и царских офицеров. Распределение антибольшевистских сил дано по максимальной численности, которую они имели в 1918-20 гг.⁶⁵ с поправками на величину потерь убитыми и ранеными. Для Антанты, Германии, Румынии, Турции использована не общая численность войск, находившихся на территории России, (дана в скобках), а численность активно сражавшихся соединений. К русским отнесены все армии Белого движения плюс 150 тысяч — ориентировочная оценка численности зеленых партизанских отрядов. Распределение по группам: крестьяне, рабочие, офицеры — проделано для Белого движения условно.

Довольно приблизительные данные, показанные в таблице 2, не претендуют на научное разрешение вопроса об участии различных народов в Гражданской войне. И все же они дают некоторое представление о демографических основах победы большевиков. Главная из них — это русские крестьяне и рабочие, составившие две трети вооруженных сил революции и только четвертую часть антибольшевистских сил. На каждого русского мужика, выступавшего против Советской власти, приходилось 10-15 крестьян, вставших на ее защиту. Вторую заметную силу Крас-

ной армии составили народы, включенные в Российскую империю несколько столетий назад, обрусевшие и не слишком активно стремившиеся к независимости. И меньше 3% остается на долю жителей окраин, добивавшихся, а порой и добившихся собственной государственности. Напротив, в антисоветской борьбе на население этих территорий приходится больше половины усилий. Граждане европейских государств принимали в вооруженной борьбе сравнительно небольшое участие, главным образом на стороне антибольшевистских сил.

Так что же, спросит меня в этом месте заинтересованный читатель. Не хотите ли вы рассказать сказку Михаила Бернштама наоборот: о злом буке — русском народе, который всегда угрожал и угрожает сегодня Европе и всему человечеству. К сожалению, нет. К сожалению — потому что вслед за Россией искушению решить все политические, экономические, социальные, национальные проблемы созданием тоталитарной государственной системы поддаются один за другим многие народы. Мы не одиноки. Здесь вряд ли уместно останавливаться подробнее на исторических корнях, приведших человечество к этому печальному рубежу. Интересные исследования этого вопроса проделал Г. Померанц, показав, как в сходных исторических условиях возникают похожие структуры и аналогичные процессы.

Так что на этом пути наш народ оказался не одинок. И дело, конечно, не в природной испорченности — слишком мало тогда останется в мире «чистых», неиспорченных народов. И еще меньше оснований предполагать, что виновата «дурная болезнь», умышленно занесенная зловерными западными идеологами. Усматривать зависимость между учениями Платона, западных просветителей, К. Маркса и советской государственной системой в том виде, в котором мы ее наблюдаем вот уже 60 с лишним лет, можно лишь при достаточно расстроенном воображении. Причина скорее в болезненном историческом развитии, приведшем наш народ в столкновение со всем миром.

Можно согласиться с М. Бернштамом — народ этого не хотел. И нехотя создал самую могучую тоталитарную империю в мире. Результаты этого титанического труда — налицо. И вряд ли полезно сегодня вместо раскаяния, признания своей вины перед человечеством, поиска путей исправления содеянного пытаться переложить ответственность за случившееся на другие народы.

Национальный и социально-демографический состав РККА (в %) ⁶⁶

	1920		1926		
		РККА	РККА	призывники	все население
рабочие		14,5	20,6	24,0	18,0*
крестьяне		77,0	61,3	75,5	82,0*
служащие		6,6	11,3	4,5	
прочие		1,9	6,8	4,5	
русские		79,5	64,0	61,9	52,9
украинцы		5,9	17,6	20,8	21,2
белорусы		2,2	4,4	3,4	3,2
башкиры и татары		4,1	2,4	2,9	2,6
мордва и чуваш		1,5	1,6	1,8	1,6
евреи		1,4	2,1	1,8	1,8
поляки		0,8	0,9	1,0	0,9
немцы		0,7	0,9	1,0	0,9
грузины и армяне		0,5	2,3	2,1	3,0
другие народы СССР		3,4	3,8	3,8	12,3
численность млн чел.		3,538	0,562	?	147,0

Для читателей, которые не имеют идиосинкразии к математике, я остановлюсь на «методологии и статистике» работы — расчете потерь населения. «Низкие числа» выполняют в наши дни множество функций: они кладутся в фундамент обобщающих построений, они придают исследованиям серьезный, сугубо научный и, от того более достоверный характер, они нередко являются и наиболее ярким запоминающимся результатом. И так как статья М. Бернштама в своей содержательной части состоит из статистических сведений и математических расчетов, мы должны вслед за ним обратиться к вычислениям и рассмотреть обоснованность применения тех или иных методов. Это особенно важно еще и потому, что опубликованная статья лишь часть большого исследования, предпринятого М. Бернштамом,⁶⁷ и может быть, сделанные замечания помогут автору при завершении работы.

* городское и сельское население.

Таблица 2

Стороны в гражданской войне
(ориентировочная оценка численности воюющих сторон)

	Красная армия		Антибольшеви- ст. силы		Союзники сторон
	тыс.	%	тыс.	%	
русские крестьяне	4540	60,5	350	23,3	11 : 1
русские рабочие	800	10,7	50	3,3	16 : 1
русские служащие	330	4,4	?		
офицеры и унтер-офицеры	250	3,3	120	8,0	2 : 1
всего русское население	5920	78,9	520	34,6	11 : 1
украинцы	440	5,9	60	4,0	7 : 1
белорусы	170	2,2	?		
народы Поволжья	420	5,6	?		
евреи	110	1,4	?		
немцы России	50	0,7	?		
малые народы России	120	1,6	?		
всего жители давно присоед. земель	1310	17,5			
грузины и армяне	40	0,5	70	4,7	1 : 2
народы Туркестана	20	0,2	100	6,7	1 : 5
народы Северного Кавказа	?		10	0,7	
казаки Дона, Кубани и др.	50—100	0,7	240	16,0	1 : 5
поляки и Польша	60	0,8	250	16,7	1 : 4
народы и госуд. Прибалтики	50	0,7	90	6,0	1 : 2
финны и Финляндия	1—10		75	5,0	1 : 3
всего жители нац. окраин недавно вошедших в состав Империи	220	2,9	835	55,7	1 : 4
военнопленные	25—50	0,7	50—100	3,3	1 : 2
Германия			16 (260)	1,1	
Антанта и ее граждане	1—2		40 (75)	0,3	
Румыния, Турция и их граждане	1—2		15 (100)	1,0	
всего соседние государства	50	0,7	85 (535)	5,7	1 : 2,4
ИТОГО	7500	100	1500 (1900)	100	5 : 1

Потери населения всей страны и отдельно Области Войска Донского автор оценивает как разницу численности населения в 1920 и 1917 годах с учетом рождаемости, смертности и эмиграции за этот период. Рассмотрим, как он получает эти данные.

Для расчета рождаемости (или как автор образно замечает «исчисления леммы») используется повозрастная численность поколений в переписи 1920 года. Такое восстановление рождаемости по числу выживших довольно распространенный в демографии прием. Обычно для этого умножают численность поколений на коэффициент дожития, рассчитываемый по таблицам смертности. Но М. Бернштам идет собственным оригинальным путем. По результатам выборочного обследования повозрастной убыли населения в нескольких станицах Дона, проведенного в свое время демографом А. И. Гозуловым, он оценивает убыль детей:

«на 1509 рождений в выборочной группе приходится 462 смерти детей в возрасте до 1 года или 30.62% за три года и соответственно 10.21% в год. Такое совпадение (имеется в виду совпадение с данными по Сталинградской губернии, в которой смертность детей до года была в 1923 году 10.19% — М.) по разным районам Дона позволяет взять средний коэффициент 10.20% как погодную смертность от общего числа новорожденных».

«Такое совпадение» лишь показалось нашему исследователю, потому что смертность годовалых — 30.62% ни в коем случае не следует делить ни на три, ни на какую-либо другую цифру, иначе она перестанет быть долей умерших до года. Расхождение же результатов по разным районам Дона в три раза указывает прежде всего на непредставительность используемой выборки: ее малого объема и существенной неоднородности генеральной совокупности (в частности различной демографической судьбой верховых и низовых станиц Дона). Представительность выборки (то есть близость ее параметров к параметрам генеральной совокупности) совсем не всегда обеспечивается ее случайным (или, как пишет М. Бернштам, «взрывным») характером и требует специального и не очень простого математического исследования.

Рассчитав процент убыли годовалых, М. Бернштам узнает по нему долю проживших более года и, разделив на этот коэффициент численность поколений 1917-1919 годов рождения в переписи 1920 года, он устанавливает, как ему кажется, число умерших до года. Для поколения 1919-20 года это неверно. Дело в том, что рождение детей распределено по месяцам, и поэтому в конце года поколение, родившееся в течение этого года, еще не прошло жизненный путь годовалых. Исследованиями установлено, что смертность в течение года для родившихся в этом же году составляет примерно две трети от смертности проживших полный год.

Для оценки смертности детей старше года М. Бернштам прибегает к помощи все того же выборочного обследования:

«за 1920-1922 годы умерло 200 детей в возрасте 1-3 лет. Третью часть этих умерших мы, предполагая за неизменением данных равномерность их смертности в когортах, — исключаем, поскольку дети, бывшие на половину 1920 года старше 3 лет, родились до половины 1917. Остальные две трети дают нам по отношению к родившимся в данной зоне 1509 человекам 8.84% смертности, по этому проценту мы по приведенной выше формуле корректируем графы второго вертикального ряда таблицы для переноса в третий, а также разносим для групп 1-2 лет коррекцию, и переносим рождаемость этих групп из второго вертикального ряда в третий. (Не совсем ясно, почему третий ряд называется вторым, а четвертый третьим, но это конечно дело вкуса. — М.) В итоге получаем следующую таблицу, последний вертикальный ряд которой дает нам вероятную рождаемость с половины названного года до половины следующего». (см. столбец 2 табл. 3)

В приведенном рассуждении М. Бернштам допускает целый ряд ошибок.

Во-первых, нельзя предполагать равномерность смертности в возрастах 1-3 лет. Из любой таблицы смертности того периода следует, что вероятность умереть в течение ближайшего года для трехлетних почти в два раза меньше, чем для однолетних.

Во-вторых, для расчета доли умерших после года необходимо было из первоначальной численности выборки — 1509 человек вычесть 462 умерших на первом году жизни. В этом случае мы получаем не 8.84%, а 12.7%.

В-третьих, родившихся в 1917 и 1918 годах следует делить не на один и тот же коэффициент, а на разные, так как первые прожили на год больше, чем вторые.

В-четвертых, как и в случае с новорожденными, календарный год не совпадает с фактическим годом жизни поколения, а значит для последнего года жизни следует учитывать не полный коэффициент смертности соответствующей возрастной группы, а его половину.

На этом небольшом примере хорошо видно, как опасно пользоваться собственным изобретением методиками — автор постоянно не додумывает свои соображения до конца, совершает арифметические ошибки, не учитывает хорошо известные в демографии факты. Не удивительно, что его результаты заметно расхо-

дятся как с расчетами без ошибок, так и с данными, вычисленными по обычной методике (табл. 3 столбцы 2, 3, 4).

Но главное, подход, использованный М. Бернштамом, по-видимому, не пригоден в данном случае. Ориентируясь на численность выживших к 1920 году и «естественную смертность», автор не учитывает тем самым колоссальной убыли новорожденных, сверхсмертности, происходившей в тот период. В результате рождаемость в 1917 году оказалась больше, чем в 1918 и 1919 гг., в то время, как хорошо известно, что рождаемость в стране в годы гражданской войны была заметно выше, чем во время I мировой. Дело в том, что русская деревня в тот период практически не знала средств ограничения или предотвращения рождаемости, кроме разрыва брачных связей. А максимальный отток мужчин приходился на Дону, как и по всей стране, на 1916-1917 гг. С осени 1917 года солдаты возвращаются по домам и с лета 1918 рождаемость стремительно растет. Трагические события, захватившие территорию Дона в годы гражданской войны, привели очевидно не столько к снижению рождаемости (мужчины в отличие от I мировой войны не уходили далеко от дома), сколько к огромной смертности новорожденных. Результаты последней и зафиксированы числом выживших в переписи 1920 года. Более верным представляется оценить число родившихся в эти годы, используя коэффициенты рождаемости, например, коэффициенты, рассчитанные А. Я. Боярским.⁶⁹ Как видно из таблицы 3, значения, найденные таким образом, отличаются от результатов, полученных по методике М. Бернштама в 2-3 раза.

Таблица 3

РЕЗУЛЬТАТЫ РАСЧЕТА РОЖДАЕМОСТИ ПО ОБЛАСТИ ВОЙСКА ДОНСКОГО В 1917-1920 гг. РАЗЛИЧНЫМИ МЕТОДАМИ (тыс. чел.)

годы рождения поколений с 28/VII по 28/VIII с.л. 1917	Результаты расчета М. Бернштама	Расчет по методике М. Бернштама без арифметич. ошибок	Расчет по таблицам смертности ⁶⁹	Расчет по коэффициентам рождаемости ⁶⁹
1917-1918	49.188	71.9	67.6	102
1918-1919	31.403	42.3		119
1919-1920	16.636	21.9	20.4	68
ВСЕГО	82.609	136	126	289

Отдельно хочется остановиться на вызывающей невольное восхищение уверенности автора в том, что он создал универсальную методику, пригодную во всех случаях жизни:

«Экстраполяция стихийной выборки (видимо, подразумевается случайной — М.) на большую массу (вероятно, генеральная совокупность. — М.) требует введения специальной методологии, в нашем случае — биномического (очевидно, биномиального — М.) распределения. Отметим для сравнения, что советские статистики, если они вообще работают с реальными, а не идеальными предположительными (должными!) цифрами (последним 80 лет занимался академик С. Г. Струмилин и продолжает его школа, а в области демографии — вообще почти все советские авторы), обычно механически экстраполируют данные стихийной выборки на большие массы.

Например, академик В. С. Немчинов в своей статистике урожайностей по выборкам с опытных полей, — необоснованно применяя распределение Пуассона, получал результаты, арифметически превышающие действительность на 25%, и эта методологическая безграмотность и политическая предвзятость главы советской статистики была не из последних причин голода 1932-1934 годов. Орудийное, беспринципное использование статистики ввел уже В. И. Ленин в труде «Развитие капитализма в России» (уже молчим о «Капитале» К. Маркса).

...имеется множество разнообразных выборочных данных в источниках, и по ним, используя вводимый метод, появляется возможность получить объективные результаты в объеме массовых величин путем экстраполяции стихийных выборок.»

Совершенно очевидно, что если бы под руками у М. Бернштама была какая-либо книжка по математической статистике, например справочник Г. Корна и Т. Корна,⁷⁰ он смог бы найти для своего темпераментного гнева более полезное применение. Из справочника можно узнать, что распределение Пуассона в ряде случаев применять «методически грамотно», в частности ему идеально соответствуют: телефонные вызовы, радиоактивный распад и многие другие классы случайных процессов; что в некоторых случаях распределение Пуассона и столь любезное сердцу нашего автора биномиальное распределение дают одинаковые результаты («распределение Пуассона аппроксимирует гипергеометрическое и биномиальное распределение»⁷¹) и тем самым Михаил Бернштам может вдруг оказаться на одной скамье подсудимых с

вредителем сельского хозяйства В. С. Немчиновым; что «три стандартные девиации» (видимо, средне-квадратичное отклонение — М.) определяет доверительный интервал нормального, а не биномиального распределения; что никакого «презупционного оптимума» не существует и надо пользоваться понятием попадания в доверительный интервал; что обоснование применимости того или иного закона распределения для данного класса задач специальная и не простая проблема. Но самое главное, что следует понять — это отсутствие универсальной, «объективной», пригодной во всех случаях жизни методики. Покажем это на примере формулы, рекомендуемой М. Бернштамом.

Допустим, (пример абсолютно условный — М.) из десяти человек на вопрос: нравится ли им опубликованная статья, один ответил: «Да», а остальные с ним не согласились. Подставляем результаты нашего выборочного обследования в формулу, чтобы «экстраполировать стихийную выборку на массу» и получить «объективные результаты».

$$PO = y \cdot N_0 \pm 1.5 \cdot N_0 \sqrt{\frac{y(1-y)}{n} \left(1 - \frac{n}{N_0}\right)}$$

где:

- PO — параметр, рекомендуемый М. Бернштамом вместо «механического среднего»;
- y — «доля выборки», в нашем случае 0.9;
- n — численность выборки, в нашем случае 10;
- N₀ — «масса» (генеральная совокупность), примем для начала население Москвы — 7 млн. Но ничто не мешает нам использовать все население страны или мира, на формуле это практически не отразится.

Рассчитанное PO равно 6615 тысячам человек. Что же получилось? Практически все жители столицы за исключением разве 400 тысяч ясельных ребятишек думают о данной работе одинаково!

А дело в том, что в задачах такого класса существует не закон распределения (было бы одновершинным), а представительность выборки, о чем мы, правда, уже говорили выше.

Кстати, и при оценке донских потерь PO Бернштама отличается от просто среднего на 4%. А так как «презупция» (знак расхождения) не очевидна, и так как в иных случаях, рядом, мы и в 2-3 раза ошибаемся, не моргнув глазом, то стоит ли «ловить речью со здравым смыслом. Так и получилось. Смертность «при блох»?

Смертность населения М. Бернштам не вычисляет. Он использует опубликованные сведения и при этом впадает в ошибку иного рода, но, пожалуй, еще более опасную, чем изобретение методик. Автор не задумываясь берет первые попавшиеся, а то и просто наиболее удобные цифры. Особенно вреден такой некритический подход при работе с материалами времен гражданской войны.

Как известно, Октябрьская революция упразднила церковную регистрацию рождений и похорон и практически разрушила всю систему статистического учета. Новая советская система возникла не сразу. Поэтому случайные цифры, полученные случайно уцелевшими губернскими статистиками, как правило, довольно далеки от реальности. Используя их, нетрудно придти к противоречию со здравым смыслом. Так и получилось. Смертность при отсутствии дополнительных факторов убыли у М. Бернштама в 1916 году 3.94%,⁷² а в 1917 и в последующие годы 2.61%. То есть автору кажется, что Октябрьская революция так оздоравливающе подействовала на население Дона, что смертность сразу упала в полтора раза!

**

Переписи 1916-1917 гг. также не относятся, по мнению многих демографов, к области слишком достоверной статистики. Шла война, огромные массы населения были сдвинуты со своего места: призваны в армию, изгнаны военными действиями, ушли на заработки. В стране накапливается заметное количество иностранных военнопленных и рабочих, в то же время многие русские солдаты оказались в немецком и австрийском плену. Для того, чтобы правильно учесть население, необходимо было разобраться в этих весьма сложных перемещениях отдельных лиц и групп, нужен был точный индивидуальный учет. Однако в 1916 и 1917 гг. предпринималась попытка изучить только сельское население страны, в первом случае наличное, во втором — постоянное, причем вместо пофамильного учета применялся опрос родственников и соседей, подсчет по головам. Естественно многие бывшие в это время вне дома: на заработках, в городе, в соседней деревне — подсчитывались при таком подходе два, а то и три раза. Результаты этих переписей были опубликованы и не раз серьезно критически исследовались дореволюционными и советскими демографами.

Однако, М. Бернштам не просто считает, что переписи, как и все другие данные Центрального Статистического Комитета, абсолютно верны, но склонен рассматривать любую критику этих сведений как тенденциозные политические интриги.

«Здесь и в дальнейших исчислениях мы пользуемся единственным точным и адекватным источником по населению России в целом и по губерниям в 1917 году — материалами все-русской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1916 года, распространенными на все население всех городов и губерний России путем приведения предшествующих данных царского ЦСК в соответствие с переписью рядом поправочных коэффициентов. Последняя работа приведения в порядок баланса проделана летом 1917 года совещанием наиболее выдающихся статистиков России и в 1961-1962 году сводные таблицы переписи, переработанные совещанием статистиков, были опубликованы. Тем не менее, этот источник в названном виде ни разу не использован ни в советской, ни в западной науке для демографических и исторических анализов. Применение его для проведения балансов в настоящей работе следует считать первой попыткой такого рода. (Подчеркнуто мной. — М.)

Подчеркнем лишь, что наши выводы базируются на первоисточниках — переписях населения, тогда как выводы до-советских и подсоветских социал-демократов от статистики содержат простое механическое уменьшение дореволюционных прикидок, то есть базируются на предвзятых о работе «царских учреждений». Кроме того, советские (приготовленные социал-демократами-спецами) расчеты имеют целевую установку занизить дореволюционное количество населения, чтобы скрыть потери революции.»

К сожалению, кроме весьма содержательных указаний на партийную принадлежность дореволюционных советских демографов, в работе нет аргументов, раскрывающих, чем же так хороши данные ЦСК и переписей 1916, 1917 гг. Правда, в дальнейших публикациях нам обещан полный

«разбор ошибок дореволюционной статистики в определении общего количества населения России и анализ методологической несостоятельности исчислений прогрессивной общности (то есть меньшевиков) и советской статистики (то есть тех же самых меньшевиков, но уже на службе.»

Возможно, не следует спешить с опровержениями и доказательствами, а лучше подождать этого «анализа» и «разбора». Тем более, что имена и работы русских демографов достаточно хорошо известны, и заинтересованный читатель может сам попробовать отыскать в их трудах «целевые задачи» перед грядущей революцией.

Я хочу остановиться на частном, но довольно важном с этических позиций вопросе: претензиях М. Бернштама на приоритет в использовании тех или иных данных (смотри подчеркнутое в цитате выше — М.). Постоянное напоминание о своем первенстве, как правило, не слишком уместно. В конце концов историки науки разберутся, кто, что и когда сделал первым. Современным ученым хорошо бы аккуратно научиться обращаться с чужими материалами. А то иногда недовко и некрасиво получается.

Возьмем упоминавшиеся выше результаты совещания статистиков. Оно состоялось в связи с подготовкой выборов в Учредительное собрание и ставило задачу оценить численность населения страны по отдельным территориям. Демографы рассмотрели имевшиеся материалы (отметили кстати, что ЦСК допускает двойной счет горожан и что «данные Ежегодника ЦСК совершенно утратили всякое соотношение с действительным распределением населения на территории России»⁷⁴) и дали свое экспертное заключение о численности населения отдельных губерний.

Эти материалы и некоторые другие документы были обнаружены в архиве тремя исследователями, которые проанализировали их в специальной статье,⁷⁵ а затем сумели пробить публикацию самих данных.⁷⁶ Между прочим, в работе они отмечают и свое первенство: «эти цифры, впервые вводимые в научный оборот, заметно превышают опубликованные данные.»⁷⁶ Казалось бы, их претензии на приоритет довольно обоснованны. Но нет. Оказывается, никто до М. Бернштама «источник» не использовал и только он сделал «первую попытку такого рода». И чтоб у читателей не возникало никаких сомнений, М. Бернштам ссылается порой уже не на публикацию наших авторов, а непосредственно на листы и формуляры государственного архива (см. например стр. 351 ссылка 180).

Вообще корректного цитирования с указанием заимствования сведений удостоивается в работе М. Бернштама лишь один автор — А. И. Солженицын. Все остальные в лучшем случае упоминаются отдельно (через запятую) от данных, извлеченных из их трудов, а в худшем — публикаторы исчезают, а остаются лишь описи и единицы хранения государственных фондов.^{76а} Такой метод цитирования наряду с подчеркиванием приоритета оставляет не очень приятное впечатление.

Перепись 1920 года используется М. Бернштамом также совершенно не критически. Вроде бы понимая, что данные переписи на Дону не полны, (да и не только на Дону, как известно, по всей стране перепись учла только 70% населения!) он вносит в них лишь две незначительные поправки: на находящихся в войсках красноармейцев и на число родившихся в 1917-1919 гг. и успевших умереть до проведения переписи.

«Взяв из переписи сведения о возрастных группах, родившихся между половинами 1917 и 1920, мы проведем самостоятельное исчисление рождаемости за 1917-1920, прибавив к дожившим до переписи 1920 когортам количество детей, родившихся после половины 1917, но не доживших до переписи 1920».

Смысл этого загадочного прибавления к численности живущих некоторого числа покойников оставим на совести автора, но даже с этой «поправкой» основной дефект переписи 1920 года — неполнота данных — остается неустраненным. Множество лиц спрятались от переписи, многие покинули Дон в те беспокойные годы.

М. Бернштам, правда, пытается уверить нас, что эмиграции из Области Войска Донского не было, потому что она была окружена:

«границами Красного-Вердена-Царицына — с северо-востока; Украинского Вердена — с северо-запада, с Донбасса, — на этой границе Дона сражалось между собой попеременно до десятка политических противников; границами Кубанского Вердена с юга, где дислоцировалась Белая Армия и где долгими периодами лежала красно-белая линия фронта...»

Но именно многократное движение фронтов через территорию Дона выжимало то на юг — на Кубань, то на север — к большевикам массы населения, не без оснований опасавшиеся репрессий со стороны приближающегося противника. Не случайно перепись 1920 года обнаружила убыль прежде всего мужчин — «выбиты целые возрастные когорты», а перепись 1926 года отметила неожиданное возникновение мужчин в «выбитых когортах» и во всем населении. Так в 1920 году на Дону на сто женщин приходилось 77 мужчин, а в 1926 году уже 90.⁷⁷ Не в столь ярко выраженной степени подобная картина наблюдалась в те годы по всей стране.

Таким образом баланс потерь населения складывается у М. Бернштама из следующих компонентов: численности населения

по переписи 1916-1917 гг. с некоторыми увеличивающими поправками (источник, недостатки которого продемонстрированы в работах многих известных демографов), численности населения по переписи 1920 года (неполнота учета населения этой переписью практически никем не оспаривалась), рождаемости (рассчитанной со множеством ошибок), смертности (использованы сведения плохо согласованные друг с другом) и эмиграции (для Области Войска Донского ее существование вообще отрицается, для всей страны принимается небольшая цифра, заимствованная из БСЭ 1934 г.).⁷⁸

Этот конгломерат неверных и случайных цифр, ошибочных вычислений, скрепленный цементом категорических утверждений и абсолютной уверенности в собственной непогрешимости, представлен нам как расчет потерь населения.

Парадокс ситуации заключается в том, что совершенно очевидно стремясь получить результат как можно больший, М. Бернштам приходит к оценке потерь в два с лишним раза меньшей, чем у его постоянных оппонентов «социал-демократов на советской службе». Так, «оторвавшийся от реальных цифр» Струмилин еще в 1922 году, опираясь все на ту же злополучную перепись 1920 года, оценил убыль населения в 20 миллионов человек,⁷⁹ а через 20 лет, подготавливая статью для собрания сочинений, увеличил потери еще на пять миллионов. И сравнительно недавно целый коллектив советских статистиков, выпуская популярный справочник, оценил потери населения СССР в те годы в 20 с лишним миллионов человек.

«Большой урон населению нашей страны нанесла Первая мировая война (1914-1918 гг.). Только число погибших на фронтах войны составило около двух миллионов человек. Крупными людскими потерями сопровождалась гражданская война и борьба с иностранной интервенцией. Люди гибли не только на полях сражений, но и от голода, эпидемий. Резко упала рождаемость. За 9 лет (1914-1923 гг.) население страны (в границах до 17-IX 1939 г.) в целом сократилось более чем на 23.1 млн. человек.»⁸⁰

Я не утверждаю, что оценки «меньшевиков» верны, а М. Бернштам с его 10 миллионами не угадал. Но по крайней мере не следует упрекать противников в злоумышленном преуменьшении, если они умудрились в два с лишним раза относительно тебя преувеличить.

Конфуз с неожиданно «маленькими» потерями получился у М. Бернштама потому, что он понимает потери только как прямое сокращение численности населения. Это, конечно, не так.

Численность может даже расти, а потери при этом будут громадные, как, например, и было в нашей стране в 1920-26, 1930-38 гг. Не имея возможности достаточно подробно остановиться на вопросе, каковы же были в действительности потери того периода и какими методами можно пытаться их оценить, позволю себе ограничиться ссылкой на опубликованную работу.⁸¹

Относительно причин потерь населения: фронт, голод, ЧК, тиф, погромы, следует заметить, что главную роль играли очевидно болезни, как эпидемии (тиф, холера, «испанка»), так и обычные заболевания, резко обострившиеся в связи со снижением качества жизни населения. Ведь если даже в благополучной Европе «испанка» унесла миллионы жизней, то что же говорить о нашем скученном, лишенном медицинской помощи, голодном населении. То, что большую часть «демографической революции» составили не пули чекистов, а голод и болезни, видно по высокой доле потерь, приходящейся на женщин. Женский перевес в населении составил в 1926 году 5.2 млн.,⁸³ примерно на 4.5 млн. больше, чем до Первой мировой войны. Если учесть боевые потери 1914-1917 гг. и повышенную долю мужчин в белой эмиграции, то превышение убыли мужчин над убылью женщин составит для периода гражданской войны 2-2.5 млн. человек. В эту цифру входят все военные потери, как белых, так и красных, повышенная смертность мужчин от болезней (впервые в те годы проявившаяся слабость «сильного» пола) и конечно все потери от «пуль» как с той, так и с другой стороны.

в единицах по...

Затронем коротко вопрос о распределении земельной собственности в стране после революции. Согласно Брокгаузу и Эфрону⁸² в конце века в землепользовании находилось около 400 млн. десятин (150 млн. — государственные земли, 109 млн. — помещичьи и церковные, 130 млн. — крестьянские). Может быть, непосредственно перед революцией в распределении земли уже произошли изменения, но общая площадь, находящаяся в землепользовании, вряд ли сильно уменьшилась. Но из сочинения М. Бернштама мы узнаем, что у крестьян, владевших в 1917 году 117 млн. десятин и получивших 16 млн. дес. помещичьих земель, было конфисковано, согласно В. М. Молотову (весьма авторитетный источник. — М.) 45.8 млн. дес. И таким образом: «САЛДО: «сколько земли получили крестьяне из рук Октябрьской революции» — 29 351 029 (дес.).»

Но кто же владел всеми этими бывшими помещичьими и бывшими крестьянскими землями? Кто владел всеми землями в стране де факто и де юре? Кто эти земли пахал, оставлял под пар, пас на них скот, рубил дрова, передавал по наследству, продавал и покупал? Кто, наконец, после 1921 года получил возможность (правда недолгую) извлекать из этой земли прибавочный продукт, какую-никакую, а прибыль? Коммуны? Государство? Но в какой форме?

Не вызывает сомнения, что в стране после 1917 года и вплоть до начала коллективизации был только один индивидуальный и коллективный землевладелец — сельское население. Государство, правда, претендовало на существенную долю продуктов его труда, извлекая их то путем грабежа (до 1921), то через налогообложение (1922-27).

Я удержусь от обобщающего заключения о работе в целом. Читателю было представлено довольно много различных данных, чтобы он сам пришел к определенным выводам. Для меня эта статья была необычайно полезна, заставив изложить собственные представления по рассматриваемым вопросам, которые, я надеюсь, будут интересны читателям.

И, возможно, не так уж ошибается М. Бернштам, когда пишет: «Вообще-то искажения очень полезны в науке как начало эвристическое.»⁸⁴

Следует только подчеркнуть, что неискажения тоже чрезвычайно полезны. Особенно когда это серьезное исследование, а не попытка подтвердить различными псевдонаучными фактами априори сделанные утверждения.

И в вопросе оценки потерь населения нашей страны в XX веке на смену риторическим восклицаниям и голословным утверждениям должны придти, наконец, серьезные научные исследования. А как я уже писал однажды по этому поводу, лишь полная правдивая картина нашей исторической действительности, лишь составление нового «синодика опальных» может служить некоторой гарантией (прививкой памяти), что печальные события не повторятся.

Эта работа несомненно блестяще начата Архипелагом, она продолжена в книгах Конквеста, Солсбери, Радки и некоторых других западных авторов, она ждет множества внимательных, аккуратных и непредвзятых исследователей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ М. Бернштам Стороны в гражданской войне 1917-1920. (Проблематика, методология, статистика.) Вестник Русского Христианского Движения № 128, I, II 1979, стр. 252-357.
Цитаты в кавычках и без ссылок даются по этой работе.
Комментарии в скобках, отмеченные М., принадлежат мне — Максудов.
- ² Любопытно, кто эти бандиты азиатские? И какой грамоты они не сумели выучить: китайской, латинской, а может старославянской?
- ³ Какая судьба, читатель! Гунны, монголы, германцы, коммунисты — все стремятся куда-то, а она все на дороге и всем мешает, мешает!
- ⁴ Теперь понятно, читатель, кем планировалась I мировая война и Октябрьская революция. Сговорились Маркс, Энгельс, Бисмарк и Вильгельм и начали.
- ⁵ Попробуем посмотреть, что имеется в виду за этим набором дат: 1812-15 гг. — это, конечно, Отечественная война и Венский конгресс — установление порядка; 1830 — видимо, подавление Польши в 1831; 1848 — интервенция в Венгрию; 1863 — новое усмирение Польши; а «другие» дореволюционные годы, возможно, Балканы, Кавказ, Туркестан, Порт-Артур.
- ⁶ С каким удовольствием, я думаю, человечество сменило бы этот сегодняшний «ослабший, разбитый и застрявший» вариант коммунизма на его «неодолимого» «универсального» предшественника — призрак XIX века! Как спокойно было бы жить на Земле, читатель!
- ⁷ Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции. М. 1967. стр. 14-15.
- ⁸ Венгерские интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции. М. 1959. стр. 22 дается ссылка на АИИП. В. 195.
- ⁹ Л. И. Жаров, В. М. Устинов. Интернациональные части Красной армии в боях за власть Советов в годы иностранной интервенции и гражданской войны в СССР. М. 1969, стр. 8.
- ¹⁰ Польские части 2 корпуса (Галлера) были сформированы главным образом из поляков, сражавшихся в австро-венгерских войсках. Но кроме них (примерно 100 тысяч военнопленных) в России было еще около 500 тысяч поляков военнослужащих царской армии.
- ¹¹ А. Клеванский. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М. 1965, стр. 216.
- ¹² Б. А. Томан. За свободную Россию, за свободную Латвию. М. 1965, стр. 199.
- ¹³ Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции. М. 1967, стр. 104.
- ¹⁴ Интернационалисты — трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов на юге и востоке республики. М. 1971, стр. 116-122.
- ¹⁵ Советская Латвия в 1919 году. Документы и материалы. Рига. 1960, т. 2, стр. 467.
- ¹⁶ Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции. М. 1967, стр. 155.
- ¹⁷ А. Клеванский. Некоторые проблемы истории военнопленных и интернационалистического движения. В сб. Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции. М. 1967, стр. 104-105.

- 18 Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции. М. 1967, стр. 17.
- 19 Л. И. Жаров, В. М. Устинов. Интернациональные части Красной Армии в боях за власть Советов в годы иностранной интервенции и Гражданской войны в СССР. М. 1960, стр. 18.
- 20 Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов. М. 1967, стр. 211 ссылка на ЦПА ИМЛ Ф17 оп 1 д 155 л 3.
- 21 Например, М. Бернштам в подтверждение этой цифры ссылается на статью Л. И. Жарова и газету "Известия центральной коллегии о пленных и беженцах" № 20. Л. И. Жаров в свою очередь ссылается на архивные номера, за которыми, как следует из публикации, скрывается "Отчет", а "Известия" также публикуют изложение этого отчета.
- 22 Отчет Всероссийского ЦИК Революционной интернационально-социалистической организации иностранных рабочих и крестьян о работе с 19 апреля по 30 сентября 1918 г. Цит. по: Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции и Гражданской войне в СССР. Сборник документов. М. 1976, стр. 185-188.
- 23 Венгерские интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции. М. 1959, стр. 36.
- 24 Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов. М. 1967, стр. 161.
- 25 Известия Центральной коллегии о пленных и беженцах 1918, № 20, стр. 4.
- 26 В. Копылов. Всероссийский съезд военнопленных социал-демократов интернационалистов. Сб. Интернационалисты в боях за власть Советов. М. 1965.
- 27 Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917-1922). Сборник документов. М. 1957, стр. 142-143. Этот наиболее полный сборник документов об интернационалистах удивительным образом отсутствует в литературе, на которую ссылается М. Бернштам.
- 28 Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и Гражданской войне. Сборник документов. т. 2. М. 1968, стр. 43.
- 29 Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917-1922). Сборник документов. М. 1957, стр. 178-179.
- 30 Венгерские интернационалисты ... цит. соч., т. 2, стр. 251.
- 31 Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов. М. 1967, стр. 173.
- 32 Венгерские интернационалисты ... цит. соч., т. 2, 1968, стр. 69.
- 33 Б. А. Томан За свободную Россию, за свободную Латвию. М. 1965, стр. 280-281.
- 34 Директивы командования фронтов Красной армии (1917-1922). М. 1978, т. 4, стр. 474.
- 35 А. Клеванский. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус, М. 1965, стр. 241.
- 36 Советская Латвия в 1919 году. Документы и материалы. Рига. 1960, т. 2, стр. 156.
- 37 там же, стр. 156.
- 38 там же, стр. 160.
- 39 Южный фронт. Сборник документов. Ростов. 1962, стр. 226.
- 40 Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов на юге и востоке республики. М. 1971, стр. 201.
- 41 Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции и Гражданской войне в СССР. Сборник документов. М. 1976, стр. 310-311, 257, 436.
- 42 там же, стр. 116.
- 43 Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и Гражданской войне. М. 1968, т. 2, стр. 89, 91.
- 44 Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917-1922). Сборник документов. М. 1957, стр. 229.
- 45 Известно (таблица 1), что в августе 1920 года на долю малых народов в рядах Красной армии приходилось 3.4% — 120 тысяч человек. В эту цифру наряду с интернационалистами входят все прибалтийцы, азербайджанцы, жители Туркестана, финны, карелы, коми и многие другие народы империи.
- 46 Декларация правительства Советского Союза и ВНР "Правда" 29-3-1957 (ссылка, как и в 47, 48, 49 по Л. И. Жарову, В. М. Устинову).⁵⁰
- 47 Пын Мин. Краткая история дружбы народов Китая и Советского Союза. М. 1959, стр. 96.
- 48 на 19 июня 1918 г. см. "Исторический Архив" № 4, 1957.
- 49 Страницы героического прошлого. Челябинск. 1958, стр. 162.
- 50 Л. И. Жаров, В. М. Устинов. Интернациональные части Красной Армии в боях за власть Советов в годы иностранной интервенции и Гражданской войны в СССР. М. 1960, стр. 51.
- 51 Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917-1922). Сборник документов. М. 1957, стр. 277-279.
- 52 Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и Гражданской войне. М. 1968, т. 2, стр. 235-238.
- 53 Боевое содружество... цит. соч. стр. 382, 384.
- 54 там же стр. 406.
- 55 Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917-1922). Сборник документов. М. 1957, стр. 442.
- 56 Венгерские интернационалисты в Октябрьской революции и Гражданской войне. М. 1968, т. 2, стр. 317.
- 57 Директивы командования фронтов Красной армии (1917-1922). М. 1978, т. 4, стр. 190.
- 58 Вероятней всего около 8-12 тысяч.
- 59 Вестник русского христианского движения. № 128, I-II-1979, стр. 388.
- 60 Директивы командования фронтов Красной армии (1917-1922). М. 1978, т. 4, стр. 477.
- 61 Ответим, кстати, на риторический вопрос М. Бернштама: куда делись 280 тысяч белых? 175 тысяч было убито, 83 тысячи эмигрировало с Врангелем. "Судьба остальных участников Белого движения не отражена в документах (? М.), но она очевидно трагична". Вряд ли судьба солдат Польши, Антанты и других стран сложилась настолько печально, в основном они просто благополучно вернулись домой.
- 62 Директивы командования фронтов Красной армии (1917-1922). М. 1978, т. 4, стр. 274.
- 63 там же стр. 226-227.

- 64 Кстати и ответ еще на один риторический вопрос М. Бернштама: почему в конце 1920 г. росла численность Красной армии? Ей действительно незачем было увеличиваться, поэтому она в соответствии с приказом Главкома от 5-12-1920 сокращалась.⁶³
- 65 Директивы командования фронтов Красной армии (1917-1922). М. 1978, с. 4, стр. 461-526.
- 66 Справочник СССР за 1928 г. М. 1929, стр. 899.
- 67 В издательстве ИМКА-ПРЕСС должна выйти книга М. С. Бернштама "Демографическая и биосоциальная революция в СССР. 1917-1922." Многочисленные оповещения об этом издании содержатся как в статьях самого М. Бернштама, так и в работах других авторов.
- 68 Для расчета использованы таблицы смертности 1896-97 гг. из книги "Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г." М. 1962, стр. 258.
- 69 А. Я. Боярский. Население и методы его изучения. М. 1975, стр. 225-238.
- 70 Г. Корн и Т. Корн. Справочник по математике. Нью-Йорк, Торонто, Лондон, 1961, Москва 1968.
- 71 там же стр. 512.
- 72 Переходя от численности родившихся (умерших) к процентам и обратно, автор допускает некоторую математическую вольность, используя значения в начале периода вместо средних значений за период.
- 73 Л. С. Гапоненко, В. М. Кабузан. Материалы сельскохозяйственных переписей 1916-1917 годов как источник определения численности населения России накануне Октябрьской революции. "История СССР" 1961, № 6, стр. 97-115.
- 74 Л. С. Гапоненко, В. М. Кабузан, Т. Ф. Кузьмина. О численности и составе населения накануне Октября. "Исторический Архив". М. 1962, № 5, стр. 63.
- 75 там же стр. 61-75.
- 76 там же стр. 58.
- 76а М. Бернштам 28 раз ссылается на фондовые документы 9 различных советских архивов без указания, кто же собственно говоря эти материалы исследовал. Насколько я знаю, этого не мог сделать и сам автор, не располагая необходимыми справками и допусками.
- 77 Всесоюзная перепись населения 1926 года. М. 1928.
- 78 В некоторых случаях автор вдруг начисто забывает о тенденциозности советских источников и без всякого анализа выхватывает из них отдельные цифры. Как раз эмиграция заслуживала бы оценки на западном материале. Ведь существуют документы Лиги наций, выдававшей нансеновские паспорта, есть статистика населения стран лимитрофов, оценки численности русских колоний перед II мировой войной и т. п. материалы.
- 79 С. Г. Струмилин. Наши трудовые ресурсы и перспективы. М. 1922.
- 80 Население СССР. Справочник. М. 1974, стр. 7.
- 81 Maksudov. Pertes subies par la population de L'URSS 1918-1958. Cahiers du Monde russe et soviétique XVIII (3) juillet-septembre 1977, pp. 223-265.
- 82 Энциклопедический словарь, т. XII СП. 1894, стр. 401.
- 83 Родившиеся до 1914 года.
- 84 Я, однако, вовсе не утверждаю, что понял, что именно подразумевает М. Бернштам под словом эвристика, но парадоксальные искажения могут принести и пользу.

Михаил БЕРНШТАМ

МИКРОБ КОММУНИЗМА ИЛИ ТИФОЗНАЯ ВОШЬ?

"После того, как мы власть завоевали, наступила эпоха гражданской войны: лес рубят, щепки летят. И много полетело русских щепок. Надо сознаться, что в некоторых местах теперь только одни эти щепки и лежат."

Л. Д. Троцкий.

Мне первым делом хотелось бы принести извинения читателям за возникновение этой полемики, спровоцированной моей публикацией в «Вестнике» № 128. Дополнительными раздражителями оказались некоторые допущенные мной терминологические неловкости. В специальной части работы я использовал термины англо-язычной статистики и сопроводил их неудачным русским переводом, тогда как, конечно, следовало просто применять соответствующие термины отечественной статистики. В общей части работы я употребил без достаточных разъяснений термин «интернационал-социализм», который я считаю важным и точным. Он как раз создан для того, чтобы мировая катастрофа коммунизма и все его зверства не перекладывались, как это обычно делается, на счёт того или иного народа. Но я недооценил психологической силы комплексов, связанных с понятием «интернационализм». И всё-таки, может быть, было как раз полезно проколоть этот нарыв. Я отказался от понятия «русская революция» не для переноса ответственности на другие народы, но для показа интернационал-социалистической революции как а-н а ц и о н а л ь н о й силы, мировой силы социализма. Именно так революция понималась до середины 1930-х годов.

Мой первый подробный оппонент Максудов (далее, для краткости, буду называть его М., а себя Б-м) начал свою статью с совершенно искаженного изложения моей концепции:

«Причины победы (коммунизма) Б-м видит в жесточайшем красном терроре, который он почему-то называет демографической революцией, и энергичной деятельности нерусских интернациональных сил.»

Далее М. на 40 страницах бьёт эту точку зрения, и я её не могу защищать, так как она не моя и я её не излагал. Я не сводил сложный вопрос к двум причинам, а в числе нескольких называл в первую очередь: тоталитарную силу социалистической органи-

зации государства и армии, разрозненность против-коммунистических народных сил — белого движения и рабоче-крестьянских повстанцев — перед лицом единого наступающего коммунизма. Под террором я достаточно подробно и однозначно описывал не просто «пули ЧК», как излагает М., а подавления-истребления миллионов людей в областях народных восстаний против коммунизма. Уничтожение целых классов, прежде всего созданных в годы столыпинской реформы частных собственников земли из крестьянского сословия (хуторян и отрубников), изменение структуры населения и его режима воспроизводства я, в полном согласии с понятием демографической науки, назвал демографической революцией. Термин «нерусские» я вообще ни в каком контексте не употреблял, и его можно вывести только надуманной игрой слов: если революция НЕ русская национальная, то она «нерусская национальная», и тогда социалистический интернационализм подменяется «энергичной деятельностью» какой-то конкретной группы наций, «нерусских». М. откровенно совершает эту подмену, когда приводит в кавычках как якобы из моего текста выражение «инородческое» правительство (я уже не останавливаюсь на кунштюках М. насчёт «Иуды» и «Юды»). Здесь смещены, конечно, не только слова, но и целые плоскости исторического разбора: оппозиция «интернациональное социалистическое движение — народы России или любой страны» лежит в одной плоскости, оппозиция «русские — нерусские», «русские — инородцы» совершенно в другой. Интернационал-социалисты, в моём изложении, — это движимые социалистической идеологией люди, и русские, и нерусские, которые сами провозгласили, что у них нет иного отечества, кроме Интернационала. А силы интернационал-социализма — это организованные ими военно-политические силы, в российском случае в основном набранные террористической мобилизацией.

Но приписывание выдуманных цитат показывает, что у М. не смещение-ошибка, а смещение-диффамация.

Я понимаю, что эта диффамация вызвана не сознательной установкой на фальсификацию, а длительным историческим комплексом сознания. Было время, когда коммунистическая революция считалась очень хорошим делом, а плохим делом считалось, что Сталин, испугавшись вернувшихся из Европы фронтовиков, повёл дурящую вульгарно-шовинистическую пропаганду, а коммунистическую революцию объявил преимущественной заслугой русского народа. Это и был очередной изворот тактики социалистического интернационализма. И в те годы преследуемая либераль-

ная интеллигенция направляла сила на воспоминание интернационального характера революции. Тогда слово «интернационализм» было критикой новой тактики режима и в какой-то степени защитой преследуемых меньшинств, хотя и не всех. Затем Сталин умер, его разоблачили, прекратили вульгарно-шовинистическую пропаганду, по многим вопросам истории и политики вернулись к интернационалистической концепции 1920-х годов, а заодно снова начали закрывать тысячи православных церквей. Либеральная интеллигенция приветствовала этот «прогрессивный поворот», и ведь не из правительственных уст выпало слово «оттепель». Тогда-то согласными партийно-правительственными и либерально-интеллигентскими усилиями и пошла на книжный рынок «литература 1957 года» — сборники документов и статистические цифры об интернационалистах в революции. Сладко-наркотический «вольный ветер» тем временем делал своё истинное дело: дурил наши бедные головы не слабее, чем душная ждановщина. Потом опять хорошо подморозили кровавое болото, а тут постепенно обнаружилось, что коммунистическая революция была совсем не хорошим делом, и вот теперь те же самые круги бывших защитников интернационализма («хорошее слово» и сегодня, по мнению М.) говорят, что и революция была «того», русская народная национальная, и что интернационалистов практически не было, и что «литература 1957 года» — конъюнктурная (только штаты тех НИИ те же самые, за исключением уехавших). Таким образом, как ни парадоксально, но борцы против так называемого «сталинизма» именно предлагают нам вернуться к сталинской псевдонационалистической концепции «русской революции».

Когда я писал статью для 128 Вестника, я не учёл, что против меня встанет весь этот застарелый тяжёлый комплекс сознания. Я сам должен был чуть не с порога предостеречь от неадекватных истолкований, приписывания подтекстов и т. д. Я этого не сделал — и вот теперь получил карикатуру — статью М. — со всеми её полемическими приёмами, от моего клеветнического умысла и арифметических ошибок до «еврея-монархиста» психиатрического диагноза.

1. Сколько было интернационалистов в красных силах?

Сколько бы ни было интернационалистов в красных силах, коммунисты победили белых и народных повстанцев многомиллионной массой насильно мобилизованной Красной армии. С этого я начинал разбор войны 1917-1920 годов. Поэтому важно изучить,

как коммунистам удалось насильственно мобилизовать, удержать в подчинении и повести в бой несколько миллионов российских крестьян и рабочих. Вслед за другими исследователями я подчёркивал ключевую роль внутриармейского красного террора, цементировавшего кровью Красную армию. В связи с этим вопрос об интернационалистах — не количественный, а функциональный: важна их роль при подавлении народных восстаний, когда мобилизованное местное население либо небоеспособно, либо переходит на сторону повстанцев, и важна роль интернационалистов как дисциплинирующего и терроризирующего армию костяка.

М. уходит от этой совокупности вопросов, от исторического анализа, а всё дело сводит к количеству солдат той или иной национальности. Это обесмысливающая вульгаризация: подменить проблему, чтобы свести её на нет. И вот частному вопросу о количестве интернационалистов, которому я посвятил меньше страницы в 100-страничной статье, М. отдаёт 25 страниц и перечисляет случайные выборки, те или иные обнаруженные в источниках маленькие отряды, уходит от обобщающих цифр и от качественного анализа, как будто таким способом можно доказать что-нибудь, кроме заранее взятой установки, что интернационалистов почти не было и что никакой исторической роли они не играли.

Отвечая, я вынужден тоже, вслед за М., привести все вопросы в неверный и искусственный порядок, посвятить страницы не анализу, а цифровой частности — количеству интернационалистов, хотя ни в какой армии победа не решается одним механическим количеством, но — организацией, качеством, — и это только в брехтовском театре «что тот солдат, что этот», а на театре войны солдаты разные.

Количественный спор идёт о немногом — о двух больших цифрах и о четырёх меньших, из которых составлены большие. Я нашёл по советским источникам, что осенью 1918 года коммунистам служило более 50 000 интернационалистов из военнопленных противника, 24 000 латышских стрелков, в общем — более 74 000, не принимая в учёт китайцев, поляков, финнов и других. Затем, опять по советским источникам, в период огромного роста Красной армии и других коммунистических вооружённых сил — примерно к лету 1920 года — было 250 000 интернационалистов без солдат балтийских стран, более 18 000 латышских стрелков, а всего свыше 268 000 интернационалистов. М. нашёл по советским источникам другие цифры: 11 000 интернационалистов плюс 14 000 латышских стрелков на осень 1918, все-

го 25 100 солдат, затем 24 000 интернационалистов и 8 000 латышских стрелков на лето 1920, всего 32 000 интернационалистов. Кроме того, М. выразил предположение, что, на самом деле, совокупное число всех интернационалистов осенью 1918 менее 24 000, летом 1920 от 16 000 до 20 000. Как видно, разница между моими данными и материалами М. огромная, в 10 раз для 1920 года, — впрочем, источниковые сведения М. и его собственные заключения тоже различны, и для 1920 года в 2 раза. Спорить с предположениями М., разняющимися в 2 раза по сравнению с им же привлечёнными источниками, не берусь, но вот источниковый казус налицо: оба мы берём по официальным советским источникам, а получаем столь разнящиеся, до 1 : 10, итоги.

Таким образом, перед нами малый вопрос о двух=четырёх цифрах, а рядом вопросы об источниках и о методах их использования и исчислений. Все эти моменты придётся рассмотреть ниже, цифровую сторону суммирую для наглядности в таблице.

Таблица 1.

Категории интернационалистов и периоды	ОСЕНЬ 1918			ЛЕТО 1920		
	Б-м по источникам	М. по М.	М. от себя	Б-м по источникам	М. по М.	М. от себя
Бывшие военнопленные и иммигранты	св. 50 000	11 000	мен. 10 000	250 000	24 000	8 000 12 000
Латышские стрелки	24 000	14 100	14 100	св. 18 000	8 000	8 000
Всего интернационалистов	св. 74 000	25 100	мен. 24 100	268 000	32 000	16 000 20 000

В отличие от М., я думаю, что не бывает плохих и хороших источников; в источниках не бывает ошибок и лжи, ибо сами ошибки и ложь в них должны рассматриваться исследователями как информативные элементы источника; если есть цифра — обязательно к чему-нибудь относится, хотя бы к тенденции подменить реальность, поэтому ни одну цифру нельзя отбрасывать только из-за того, что она не нравится.

М. дезавуирует всю вышедшую в СССР документальную, основанную на архивах, литературу об интернационалистах. Да,

эта литература пропагандная, конъюнктивная, — ну и что? абсолютно объективных источников не бывает вообще, надо отделять конъюнктурные моменты и брать факты и цифры, корректируя их по данным других источников.

Из сказанного понятна и жалоба М. читателю на меня: источник в 1918 году привёл цифру в 50 000 интернационалистов, но при этом указал, что разбирать, «как боролись» они, будет история, — а Б-м не послушался и в 1979 году использовал цифру при попытке разобраться. М. жалуется, что источник честный, не претендует делать выводы, а историк нечестный, выводы делает.

а) казус с источниками;

М. дезавуирует мои источники, говоря, что это позднейшие воспоминания выживших «могучих богатырей-интернационалистов», которые приписывают себе сражения на самых решающих участках и в самых важных ролях. М. пишет, что Б-м просто «утрирует некоторую часть советской мемуарной литературы». Здесь у М. — прямая и явная неправда. Прямая — потому что ни один из названных мною источников не принадлежит к мемуарной литературе: я использовал только сборники официальной документации революционных лет и специальную научную литературу, основанную на архивных и документальных первоисточниках.

Явная неправда — потому что М., дезавуировав мои источники, через несколько строк и сквозь все свои страницы пользуется в качестве научных и безусловных первоисточников именно теми же самыми изданиями, которыми пользовался я, так что, за малым исключением, наши сноски по данному вопросу просто совпадают, идут разные страницы одних и тех же книг, а порой те же самые страницы. (Буду благодарен читателям, которые не пожалеют времени проверить). Разница источников сводится к тому, что, когда ими пользуется Б-м, это — псевдогероические мемуары, а когда М. — они превращаются в первоисточники, книга в руках Б-ма — популярная брошюра, та же книга в руках М. — солидный научный труд.

б) казус с исчислениями —

продолжает казус с источниками. Когда Б-м берёт из источников сводные обобщающие цифры по всем родам войск, по всем фронтам, по фронтам и тылам вместе, по Красной армии вместе с войсками ВЧК-ВОХР-ВНУС, по всей территории страны, по всем национальным группам интернационалистов, — это Б-м «воспевает

могучих богатырей». Когда М. берёт из тех же самых источников частичные цифры, по отдельному ряду фронтов, по фронтам без тылов, по Красной армии без ВОХР-ВЧК, по отдельным (одной-двум-трём) национальным группам интернационалистов, а то и просто берёт численность одной бригады (умалчивая о целом корпусе, названном в той же фразе источника), и говорит, что это — все интернационалисты, — это М. производит объективный анализ.

Бесспорно, часть меньше целого.

М. блестяще доказывает и иллюстрирует это на 25 страницах своего текста о численности интернационалистов в красных силах.

в) численность латышских стрелков осенью 1918 года

хорошо иллюстрирует приёмы М. Я ссылаюсь на стр. 120 известного исследования В. А. Томана «За свободную Россию, за свободную Латвию. Латышские стрелки и красногвардейцы в первый год советской власти» (М., 1975). На этой странице говорится, что латышские стрелки осенью 1918 находились в Латышской дивизии и «в отдельных латышских частях и подразделениях». Томан суммирует данные по военному архиву Министерства Обороны (ЦГАСА) о всех красных латышских стрелках и находит по этим данным 23 000 — 24 000 стрелков. 9 000 пехотинцев, 2 000 кавалеристов, свыше 400 пулемётчиков, 80 артиллеристов, 20 лётчиков из латышских стрелков, сообщает Томан, известны точно. Эти 11 500 стрелков, распределённых по родам войск, совпадают с численностью Латышской дивизии, распределённой по субординационным единицам (полкам, ротам) на сентябрь 1918, это приводится в таблице на стр. 281 книги Томана. Через месяц, в октябре 1918, учтено уже 14 000 стрелков в Латышской дивизии. Итак, Латышская дивизия составляла м е н ь ш е п о л о в и н ы стрелков в латышских частях, но, кроме того, «во многих русских частях Красной армии летом 1918 существовали отдельные латышские роты и взводы», численность которых не удалось установить (стр. 120-121). Плюс, кроме того, были латышские стрелки вне Красной армии — в войсках ВЧК и ВОХР. Учтя все эти данные, я принял численность 24 000 латышских стрелков на осень 1918 как минимальную.

М. отвергает эту цифру и для этого прибегает к той же самой книге В. А. Томана. Но он берёт только стр. 281, где даётся численность собственно Латышской дивизии, без других латышских частей, отмеченных Тома­ном, без латышских стрелков

в русских частях и в войсках ВЧК-ВОХР. Так М. берёт на середину октября 1918, вполне из источника, 14 000 стрелков. И он говорит, что это в с е латышские стрелки в коммунистических силах в 1918 году. Но вряд ли он не посмотрел по моей ссылке стр. 120 и не установил, что дивизия **в два раза меньше** общей численности стрелков. Следы такой осведомлённости видны дальше, когда М. говорит, что к лету 1920 года почти не осталось латышских формирований **вне** Латышской дивизии. Следовательно, М. знает, что до 1920 года они были. В этом случае выдвижение только дивизии вместо совокупности стрелков является подтасовкой. Такие вещи легко проверяемы, и идти на риск с подобными подтасовками можно, наверно, только под псевдонимом.

г) численность латышских стрелков летом 1920 года;

Я давал ссылку на единственное фундаментальное, основанное на центральных военных и местных латышских архивах, издание «История латышских стрелков» (Рига, 1972, 800 страниц насыщенного текста). М. это издание начисто игнорирует. Оно как раз сообщает, что и в 1920 году, как и в 1918, Латышская дивизия не составляла всех латышских стрелков, было, по крайней мере, два особых отдельных латышских полка 1-й и 5-й, в них обоих вместе минимум 2 900 — 3 000 стрелков, было не меньше 1 000 стрелков в войсках ВОХР и ВЧК, были различной величины латышские подразделения во многих нелатышских красноармейских частях, было до начала операций против П. Н. Врангеля от 14 200 до 15 100 латышских стрелков в Латышской дивизии (вся она — 17 760 человек, там 1 600 русских и украинцев и 960 — 1 860 эстонцев и литовцев кроме латышей). Всё сказанное — на стр. 547, 552, 680. Здесь же говорится, что, после кровопролитных боёв против П. Н. Врангеля, к декабрю 1920 года в Латышской дивизии на Южном фронте осталось 8 600 человек.

Сходную с последней цифру — 8 000 — берёт М. по данным командования фронтов. Очевидно, что она относится только к Латышской дивизии на Южном фронте, и не на лето 1920, а на конец 1920, после гибели тысяч латышей в боях против белых. Цифра М. — это опять слагаемое, подаваемое вместо суммы и в качестве суммы. Как видно из «Истории латышских стрелков», всего их было на лето 1920 года от 18 000 до 19 100 минимум (без латышских стрелков на ряде внутренних фронтов, кроме Юга). Я взял при этом нижнюю из цифр. Повидимому, М. нечего возразить против этого конкретного источника,

никак не дезавуировать, — поэтому М. просто замолчал дело и по оруэлловско-советскому рецепту представил мою цифру «не бывшей».

д) второй казус с источниками —

М. некорректно использует данные командования фронтов Красной армии для определения численности интернационалистов, а также численности общих сил коммунистической и некоммунистической стороны. М., оспаривая мои сводные обобщающие цифры интернационалистов в 1918 и 1920 годах, суммирует отдельные интернациональные части по материалам командования фронтов, но, как видно, М. не представляет, какую категорию учёта содержат командно-штабные документы.

Этот род военной документации никогда не содержит общих сведений ни о красных, ни о белых, ни об интернациональных войсках. Здесь учитывается только одна категория войск — части на выдвинутых фронтах, непосредственно ведущие сражения с противником или подготавливаемые к ним.

Если добавляется численность резервов — то только конкретных фронтовых командований. Таким образом, это учёт только на непосредственных театрах боевых действий, к чему никогда не сводится численность вооружённых сил страны. Понятие фронтов в этой документации включает только географически выдвинутые красно-белые фронты: Восточный, Южный, Северный, Западный, Северо-Западный, Туркестанский. Никогда ни разу не включены сведения о десятках **внутренних** фронтов против повстанцев, хотя там сражались целые армии красных, например, 2-я, 3-я, 8-я, 9-я, 11-я, крупные экспедиционные группы (Т. С. Хвесина, Р. Славена, Ж. Блюмберга и др.). Как правило, командно-штабные данные не учитывают ни у себя, ни, тем более, у противников, войска в военных округах и все тыловые части, хотя в тылу войск всегда больше, чем на фронте. Не включаются также различные специальные роды войск (кавалерия, артиллерия, железнодорожные, охраны тылов, карательные и т. д. войска, не входившие во фронтовое подчинение). Эти войска не были приписаны к отдельному фронту, но перебрасывались на решающие участки. М. иронизирует над выражениями «решающие участки» и «ударные группы», приписывает их фантазии ветеранов. А это — официальные военные термины. Прошло 60 лет, и для многих людей история войны 1917-1920 годов сводится к анекдотам о Чапаеве. Я и сам прошёл сквозь этот ущербный нигилизм и сейчас вижу, что, может быть, это и неизбежный этап

сознания, но он совсем не плодотворен. Писать о той войне, но не знать её, не желать её понять, — это никогда не приведет к историческим ответам. Война 1917-1920 годов была маневренной, а не позиционной, и без учёта этого военного факта невозможно пользоваться командно-штабной документацией и цифрами из неё. Военные действия проводились по внутренним операционным линиям — перебрасывали одни и те же силы и уничтожали сначала одного, потом другого противника. А подавительные войска на красно-белые фронты вообще не выводились. Красное командование (С. С. Каменев) проводило эти принципы с чрезвычайной методичностью.² Сказанное особенно касается интернационалистов: только часть их действовала на красно-белых фронтах, зато эта часть была особенно маневренной. М. смеётся, что, согласно Б-му, интернационалисты носились из конца в конец страны, но при серьёзном изучении той войны в таком положении нет ничего странного и смешного. Так же носились красные конные армии и белые конные и — на поездах — стрелковые корпуса. Таким образом, по целому ряду перечисленных причин, основные части интернационалистов как раз выпадают из документации командований конкретных противобелых фронтов. М. либо не знает особенностей этого рода военных источников, либо слишком хорошо знает, так как только заведомо недоучитывающие, выборочные цифры интернационалистов он берёт, игнорируя более полные данные военного учёта.

В прошлой своей статье я пытался показать, как это было: несколько сот тысяч красных сражалось против нескольких сот тысяч белых и интервентов на более или менее известных фронтах. И в это самое время шла грандиозная война по России, без разделения на фронты и тылы, в этой войне несколько миллионов красных сражалось против нескольких миллионов повстанцев, и вот эта война выпала из документов командований фронтов, хотя М. мог бы исчислить её масштаб из своих собственных цифр: он даёт красных — 5,3 миллиона, белых — 0,3 миллиона, интервентов 0,4 миллиона, — против кого же тогда воевали красные?

Приведу ряд самых необходимых для дальнейшего изложения примеров, как разнятся командно-фронтные данные (1) и сводные данные, обычно получаемые из материалов по комплектованию войск (2).

Вот пример: в командно-фронтных документах по комплектованию войск (1) указывается, что в Красной армии в 1918 году было 387 000 человек, а в сводных данных (2) — 800 000 человек.

Таблица 2.

Армия и дата	На фронтах по (1)	Всего по (2)
Красная армия, конец 1918 ³	387 000	800 000
Красная армия, февраль 1919 ⁴	399 000 — 439 000	1 000 000 — 1 400 000
Все белые армии и интервенты, весна 1919 ⁵	511 000	1 000 000
Белые в Сибири и на Дальнем Востоке, без интервентов, весна 1919 ⁶	130 000 — 140 000	300 000 — 400 000
Все белые силы без интервентов, весна 1919 ⁷	287 000	537 000 — 600 000
Все красные силы, осень 1920 ⁸	500 000 — 581 000	5 498 000

Как видно, у белых соотношение между фронтовыми войсками и общей численностью было в среднем 1 : 2. Кроме того, в тылах стояла и не воевала основная масса интервентов (по-настоящему воевали только чехи в 1918, интервенты на Севере в 1918-1919, и ни с какими белыми не связанные поляки в 1919-1920). У красных соотношение фронтовых войск и общей численности было 1 : 2 до конца 1918 года, в течение 1919-1920 изменилось до 1 : 10.⁸

Таким образом, в 1919-1920 годах, примерно 0,5 численности белых и до 0,9 численности коммунистических сил выпадает из командно-фронтного учёта. Иначе говоря, выпадает главная часть войны 1917-1920 годов — война между красными и народными повстанцами, выпадает также война между белыми и красно-зелёными партизанами в их тылах. И очень часто как раз в этих выпавших данных и сосредоточены сведения об интернационалистах, и их надо восстанавливать по тем источникам, которые М. старательно дезавуирует.

е) численность интернационалистов — бывших военнопленных — осенью 1918 года;

Использованные и мною, и М. источники дают более 50 000 человек. Противопоставив этой цифре численность нескольких соединений интернационалистов в Красной армии, М. нашёл менее 11 000 человек. Но, повидимому, М. отдаёт себе отчёт, что часть меньше целого, и не решается отбить одну цифру другой, её частью, но

берётся опровергнуть саму цифру в 50 000 интернационалистов путём психологического анализа текста источника.

Источником — документ исполкома организации интернационалистов — сообщает, что интернационалисты находились осенью 1918 года на разных фронтах, и что из ряда мест, именно из Сибири, с Урала и с Дальнего Востока «сведения поступают очень редко».

«Но это отсутствие сведений не помешало им назвать число интернационалистов в Красной армии», — комментирует М. Но не будем отчаиваться: Урал, Сибирь и Дальний Восток находились осенью 1918 года по ту сторону фронта, то есть в белом тылу, и там интернационалисты были красными партизанами. Зато остальная часть РСФСР находилась по эту сторону фронта, и здесь интернационалисты были красноармейцами, и сведения от них в их исполком поступали вполне регулярно. Поэтому советский исследователь, работавший с архивными документами, нашёл, что цифра 50 000 интернационалистов на осень 1918 года вообще не включает интернационалистов, воевавших в Сибири, на Дальнем Востоке, в Туркестане (здесь плюс 2 500-3 000, приводит М. по той же группе источников), не включает китайцев, поляков, финнов и вообще целый ряд интернациональных частей Красной армии.⁹ Таким образом, более 50 000 интернационалистов из бывших военнопленных — это минимум военнопленных-интернационалистов на осень 1918. Взяв этот минимум, я даже не прибавил ни китайцев и других иммигрантов, ни поляков и финнов, а только латышских стрелков 24 000 и получил минимум 74 000 интернационалистов осенью 1918.

У М. остаётся последний аргумент против цифры: эти люди, собравшись на свой съезд, заняли не коммунистическую, а социал-демократическую позицию. Зато их ПУЛИ и ШТЫКИ заняли коммунистическую позицию.

ж) интернационалисты — социалисты и коммунисты, хотя их противопоставил М., всю войну 1917-1920 годов находились по одну сторону борьбы. Их отдельные фракционные идеи могли быть в разногласии, но пули были в полном согласии. Так было и с иностранными социал-демократами, и с российскими, называемыми ёмким словом «меньшевики» (маленькие большевики, объяснил остроумный современник).

ЦК РСДРП меньшевиков объявлял неоднократные призывы социал-демократов России в Красную армию против белогвардейской контрреволюции. Некоторые члены этого ЦК, как С. М.

Шварц, сами пошли добровольцами в Красную армию. Другие члены ЦК, как Ю. О. Мартов, Ф. И. Дан, Р. А. Абрамович, обратились к рабочим-меньшевикам на белых и повстанческих территориях с воззванием вступить в коммунистические партийные подпольные организации для совместной борьбы, и красные аэропланы разбрасывали тысячи копий этого воззвания над оставшими против коммунизма Ижевским и Воткинским заводами. ЦК меньшевиков исправно исключал из партии тех рядовых членов и даже цекистов, кто принимал участие в белом движении и народном повстанчестве, были исключены И. Т. Савинов (Ярославское восстание), И. М. Майский-Ляховецкий (поволжское восстание), С. О. Португейз (помогал белым в Одессе). Наконец, некоторые члены ЦК меньшевиков помогали начинать Архипелаг: О. А. Ерманский составлял нормировочно-тарифную систему при трудовой повинности в промышленности, В. В. Шер добровольно вызвался войти в руководство красных Трудовых армий.¹⁰

Социал-демократическая лопата копала, штык в штык, нашему народу ту же самую коммунистическую яму, и поэтому меня несколько не удивляет социал-демократическая партийность интернациональных коммунистических штыков, а, наоборот, подтверждает моё мнение о русском и европейском «демократическом социализме с человеческим лицом».

з) численность интернационалистов в течение 1919-1920 годов,

по мнению М., сокращается, а по данным источников — нарастает.

Созданы специальные организации по набору интернационалистов — Федерация иностранных групп РКПб и Управление штаба Красной армии по комплектованию интернациональных частей. Они охватили сеть комиссаров и уполномоченных все доступные лагеря военнопленных, селтльменты иммигрантов в городах и т. д. По мере захвата Красной армией территорий Урала, Сибири и Туркестана, прибывал контингент военнопленных. Регулярные красные части вобрали в себя партизанские группы интернационалистов, которые в течение 1919 года поднимали восстания в белом тылу против правительства А. В. Колчака: 18 000 венгров в восстании в районе Благовещенска, тысячи весной 1919 в восстании в Кустанае и других местах,¹¹ ещё тысячи интернационалистов в красно-зелёных сибирских армиях Е. М. Мамонтова, Е. И. Громова, П. Д. Щетинкина. На всём протяжении 1919-1920 годов шли новые интернациональные формирования, и их активно использовали на фронтах и в тылах.¹²

М. говорит, что на 1920 он нашёл 24 000 интернационалистов, а верит в 8 000-12 000. Это такие частичные данные, что даже другие известные частичные данные их сильно перекрывают. Возьмём, например, одну из категорий мобилизованных интернационалистов. Это те иностранцы, которые неосторожно воспользовались широким советским законом от 1 апреля 1918, предоставлявшим всем желающим иностранцам немедленное российское гражданство.¹³ А российские граждане через два месяца после этого закона стали подлежать поголовной мобилизации целых возрастов в Красную армию. Только по одной из многих мобилизаций, от 15 мая 1919, было забрито из принявших гражданство военнопленных — 39 407 человек.¹⁴ И, как обычные российские граждане, они обязаны были служить до победы или до смерти, и видно, что взятые М. командно-фронтовые данные не могут поместить в себя даже этой небольшой единичной категории интернационалистов. А ведь не мобилизованные составляли основной контингент интернационалистов. Одновременно с мобилизациями, коммунистический режим применил свой наиболее совершенный метод добровольно-принудительного набора. Совет Обороны принял постановление, по которому иностранцам давался выбор: либо принимать гражданство и быть мобилизованным, либо сохранять старое гражданство и **д о б р о в о л ь н о** вступать в Красную армию, либо быть заключёнными в концентрационные лагеря и нести трудовую повинность.¹⁵ Вот этот набор принудительных добровольцев был тотальным, его никто — за исключением желающих сидеть в лагерях — избежать не мог, и из него и набралось основное число тех 250 000 иностранных интернационалистов, о которых М. недоумевает, откуда они взялись.

М. против таких больших цифр опирается на один из документов одной из военных комиссий от 18 ноября 1919 года и говорит, что согласно документу и примечаниям публикаторов¹⁶ военнопленные-интернационалисты к концу 1919 года входили **почти все** в одну Интернациональную бригаду, которую тогда же расформировали и от которой осталось в Красной армии 2 200 человек.

Я, наверное, поступил наивно: я проверил ссылки М. Документ говорит, что в Красной армии к концу 1919 имелось **несколько старых** и формировалось **несколько новых** интернациональных частей. Из **старых** частей названы конкретно **три**, а не одна: какая-то часть в 4 000, затем упоминаемая М. бригада, которая, оказывается, состояла **только из венгерских** военнопленных, и ещё интернациональный корпус. Я готов допустить, что М. не

знает, что корпус намного больше бригады, и по комплектному штату должен был насчитывать в 1919 году не менее 60 000 человек, а при обычном тогда некомплекте, не менее 15 000 человек.¹⁷ Но я не могу допустить, чтобы, читая фразу

«комиссия приступила к приведению в порядок старых частей, как то: интернациональной бригады... и интернационального корпуса»,

объективный исследователь уверял, что, кроме бригады, «почти ничего» не было. Вот это «почти» и показывает, что корпус был замечен, но не подошёл к концепции. В старые времена такие штуки назывались подтасовками, сейчас это называют: идеологическая борьба.

и) двойная бухгалтерия —

надёжный метод идеологических подсчётов. Когда М. нужно показать, что русских мужиков в Красной армии было очень много, он берёт Красную армию в количестве 5,3 миллионов человек. Когда ему нужно показать, что интернационалистов в Красной армии было очень мало, он берёт Красную армию по одному из частичных учётов в количестве 3,5 миллионов человек, каковой учёт не включает многие тыловые части, не включает войска ВОХР-ВНУС-ВЧК, зато включает и распределяет по национальному процентному соотношению **только народы СССР в границах 1920-х годов**.¹⁸ Очень удобно: при помощи таблицы, в которую не включены **не** российские граждане — доказывать, что интернационалистов не было.

Когда М. нужно сравнивать русских красных (он, разумеется, не говорит, что насильно мобилизованных) и русских белых, то красные берутся в полном количестве, и фронты, и тылы, и военные округа, и не только российские граждане, и полный состав коммунистических сил, вместе с ВОХРой, все 5,3 миллиона (а не 3,5 миллиона, как для иной цели), — зато белые берутся только на фронтах, то есть половина белых, а от повстанцев вообще берётся процента 3 на основе неразъяснённого допущения, и таким способом доказывается М. в двух таблицах: и «русская революция», и «почти не было интернационалистов», и 10 красных мужиков на 1 белого и повстанческого.

При этом М. рискует помещать свою двойную бухгалтерию на одной и той же табличной странице, а это уже верх неосторожности, даже под псевдонимом.

к) численность интернационалистов к концу войны 1917-1920 годов;

При обсуждении этого вопроса М. решается на ещё более яркую неправду. По моей ссылке он приводит цитату из источника, что в Красной армии было «по далеко не полным подсчётам... 220 000 - 250 000 интернационалистов».

М. продолжает длинную цитату: венгров было столько-то, китайцев столько-то, югославян столько-то и т. д., а затем дезавуирует «литературу 1957 года» — источники, приводящие цифры венгров, китайцев, югославян — интернационалистов. Тем самым, читатель должен понимать, что 220 000 - 250 000 — это в источнике суммирование отдельных национальных списков интернационалистов. М. прямо говорит, что источник, а за ним Б-м, берут 250 000 из суммы данных Хрущёва, Яноша Кадара, китайских пропагандистов и подобных деятелей.

А всего-то у М. — перекушена цитата. В источнике ссылки на национальные списки приведены только для частичной иллюстрации, а в том месте, где М. сделал пропуск и поставил многоточие, источник говорит, что его сводные неполные данные взяты из военных архивов Министерства Обороны (ЦГАСА) и партийных архивов ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ).¹⁹

Я не хочу сказать, что любые архивные данные заслуживают безоговорочного принятия. Я их принимаю с оговоркой: они учитывают только Красную армию и не учитывают специальные, карательные, внутренние, чекистские и т. д. войска, поэтому я считаю правильным остановиться на верхней границе предлагаемой источником «далеко не полной» численности и привязываю 250 000 интернационалистов к периоду их наибольшего использования в коммунистических силах — к лету 1920 года. Эта временная привязка, разумеется, условна и допускает разбивку в четыре-пять месяцев в обе стороны. Важно установить примерную численность интернационалистов к завершению войны, на течение 1920 года.

То, что сделал в данном и в ряде вышеприведенных случаев М., обычно называется подлогом. Но я не хочу настаивать на такой квалификации, так как я вижу, насколько для М. психологически важно доказать, что не было интернационалистов, а русская история испортила благородные идеалы. Настойчивость М. создаёт не только подлоги, но и комическое положение, когда он дезавуирует собственные цифры: нашёл 24 000, но эмоционально

сбавил до 8 000. М. не замечает нелепости положения. Я не раз убеждался, что неприязнь к России (за провал идеалов социализма и левого либерализма?) настолько ослепляет людей, что явные подлоги и фальсификации они совершают неосознанно, в искренней уверенности, что делают доброе дело.

2. Организация социалистической армии и интернационалисты.

В первой половине 1918 года

«большевики не имели в своём распоряжении вооружённой силы, способной драться в поле. Войсковые части ... благодаря голоду в западной полосе Европейской России, разбегались в поисках пищи, образуя опасные для советской власти шайки бандитов... На западной границе в районе Пскова были случаи, когда для умирения взбунтовавшихся красных частей приглашались германские войска.»²⁰

Летом 1918 года на Восточном фронте в Поволжье коммунисты начали создавать регулярную Красную армию на основе обязательной мобилизации.

«По распоряжению Троцкого, находившегося тогда в Свяжске, военный трибунал приговорил к расстрелу к а ж д о г о д е с я т о г о красноармейца..., уклонившегося от боя за Свяжск. Этот случай характерен для методов Троцкого внедрять дисциплину в войсках. Он связан с троцкистской оценкой внутренних сил пролетарской революции. Контрреволюционное, по мнению Троцкого, крестьянство неизбежно должно разложить Красную армию, если не держать её в ежовых рукавицах, не проводить политику устрашения красноармейцев, не применять повсеместно беспощадные карательные меры.»²¹

Разумеется, оценка крестьянства как консервативной силы, способной разнести Красную армию изнутри, если не скрепить Красную армию расстрельной кровью, принадлежала не единолично Л. Д. Троцкому, а была военной доктриной коммунизма. Эта доктрина была узаконена весной 1919 года VIII съездом РКПб, покончившим с последними партизанскими тенденциями и санкционировавшим террористическое регулярство.

«Обосновывая необходимость преимущественного применения в армии методов принуждения, VIII съезд партии исходил из того, что армия наша состоит, главным образом, из крестьян, что крестьяне не пойдут бороться за социализм,

что их ... нужно заставлять бороться за социализм, применяя методы принуждения. Отсюда выросли такие чисто военные методы, как система комиссаров с политотделами, ревтрибуналами и т. д.»²²

29 мая 1918 узаконена мобилизация, 12 июня 1918 Совнарком и 14 июня 1918 Наркомвоен постановили:

«К уклонившимся от призыва лицам будут применены самые суровые меры наказания по революционным законам.»²³

25 декабря 1918 Совет Обороны в декрете «О борьбе с дезертирством» постановил:

«Установить наказуемость: 1) пойманных дезертиров в пределах от денежных вычетов — до расстрела включительно.»²⁴

Не позже, чем с лета 1919 стали расстреливать не только за бегство из частей, но и за неявку по мобилизации. В. И. Ленин писал в РВС и на фронт:

«Внушите всем работникам по мобилизации, что остановиться на полдороге нельзя. Было бы позором не расстреливать за неявку и уклонение от мобилизации. Чаще сообщайте о результатах.»²⁵

26 ноября 1918 было принято Постановление ЦК РКПб «Об укреплении Южного фронта»:

«Не нужно останавливаться ни перед какими жертвами для достижения тех высоких задач, которые сейчас возложены на Красную армию, в особенности на Южном фронте.

Красный террор сейчас обязательнее, чем где бы то ни было и когда бы то ни было, на Южном фронте — не только против прямых изменников и саботажников, но и против всех трусов, шкурников, попустителей и укрывателей. Ни одно преступление против дисциплины и революционного воинского духа не должно остаться безнаказным...

Командный состав должен быть поставлен перед единственным выбором: победа или смерть.»²⁶ (*)

(*) Написал и подписал «Председатель ЦК Я. Свердлов».

Свердловым подписаны и приводившиеся в прошлой статье директивы о расказачивании. Во всяком случае, даже в 1941-1945 году при фантастически-кровавом Сталине не додумались расстреливать за укрывательство дезертиров. По всему, что я знаю о Свердлове, он кажется мне одним из самых кровавых фанатиков революции. Я мечтаю, чтобы его биография была, наконец, написана.

Аналогичный приказ выпущен Реввоенсоветом:

«Всякий негодяй, который будет подговаривать к отступлению, дезертирству, невыполнению боевого приказа, будет расстрелян.

Всякий солдат Красной армии, который самовольно покинет боевой пост, будет расстрелян.

Всякий солдат, который бросит винтовку или продаст часть обмундирования, будет расстрелян.

Во всей прифронтовой полосе распределены заградительные отряды...

Всякий солдат, который попытается оказать этим отрядам сопротивление, должен быть расстрелян на месте.

...За укрывательство дезертиров виновные подлежат расстрелу. Дома, в которых будут открыты дезертиры, подлежат сожжению.»²⁷

В январе 1919 года Главнокомандующий И. И. Вацетис писал:

«Дисциплина в Красной армии основана на жестоких наказаниях, в особенности на расстрелах, но если мы этим, несомненно, и достигли результатов, то только результатов, а не дисциплины разумной, осмысленной...

Беспощадными наказаниями и расстрелами мы навели террор на всех, на красноармейцев, на командиров, на комиссаров... Смертная казнь ... на фронтах практикуется настолько часто и по всевозможным поводам и случаям, что наша дисциплина в Красной армии может быть названа, в полном смысле этого слова, кровавой дисциплиной.

Мы бьём противника, не искусством и не храбростью, мы берём его измором и тем, что у нас бесконечный источник для пополнения убыли в войсках.

...Красноармейская масса в общем инертна, равнодушно идёт в опасность страха ради.»²⁸

Заградительные отряды в арьергарде красных частей в течение 1918-1920 годов стали способом обеспечения наступательных операций. Они располагались с пулемётами позади частей и соответственно приказам командования расстреливали при попытках отступить.²⁹ Военные руководители практиковали выборочные расстрелы солдат отступавших частей: то каждого десятого красноармейца, как делал Л. Д. Троцкий, то каждого одиннадцатого, как делал Ф. Е. Дыбенко,³⁰ то по более конкретным трибунальским приговорам. Во всяком случае, в Красной армии каждый

солдат знал: пойдёшь вперёд, под пули противников — может быть и выживешь, пойдёшь назад, на собственные пулемёты — шансы выжить гораздо меньше. Так создавалась основа наступлений Красной армии. Например, в критические дни похода Н. Н. Юденича на Петроград осенью 1919 В. И. Ленин указывал:

«Покончить с Юденичем (именно покончить — добить) нам дьявольски важно. Если наступление начать, нельзя ли мобилизовать ещё тысяч 20 питерских рабочих, плюс тысяч 10 буржуев, поставить позади их пулемёты, расстрелять несколько сот и добиться настоящего массового напора на Юденича.»³¹

«В результате — грустная картина: не успевши сформироваться, наши части начинают разлагаться, дают громадный процент — до 70% — дезертиров, которые уносят с собой винтовки, а затем... укомплектовывают зелёные банды...

Вот почему нам потребовалось целых 250 000 человек для одоления 15 000 юденических белогвардейцев.»³²

Важнейшим явлением войны 1917-1920 годов было антикоммунистическое повстанчество отдельных подразделений и целых полков и дивизий Красной армии. Например, в конце 1918 года в Поволжье восстали в полном составе две дивизии, то есть несколько десятков тысяч человек (при некомплекте — не менее 15 000 в дивизии). Л. Д. Троцкий обращался к Николаевской дивизии:

«Вы устранили и умертвили комиссаров и командиров, поставленных советской властью...

Мною двинуты твёрдые, мужественные и честные красные полки ... чтобы окружить вас и беспощадно раздавить.

Мною отдано распоряжение советским властям временно арестовать ваши семьи...

Никому не будет пощады. Когда взбунтовались полки Вольской дивизии, от них не осталось и следа. То же будет с вами...

Кто в течение 12 часов после оглашения настоящего приказа останется в рядах мятежников, — тому гибель и смерть...

Предатели, изменники, все шкурники будут раздавлены, расстреляны, стёрты с лица земли.»³³

В 1919 году

«период обострённого середняцкого недовольства нашей про- довольственной политикой характеризуется многочисленны-

ми изменами частей Красной армии, то есть по существу середняцкого молодняка.»³⁴

На Южном фронте

«отдельные случаи твёрдого отпора (белому наступлению) сопровождаются массовой паникой и изменами отдельных частей. Весь период мая-июня 1919 года на Южном фронте состоит из прорывов фронта белой конницей и измен частей Красной армии.»³⁵

«В конце марта 1919 года восстаёт Белгородский Харьковской губернии гарнизон в количестве 600 человек, одновременно восстаёт в Гомельской губернии красноармейская бригада, сформированная в Тульской губернии и отправленная на Западный фронт; в Ореховском уезде Таврической губернии выступает против советской власти отряд из бывших частей Красной армии, состоявший в большинстве из местных крестьян, численностью до 2 000 штыков при 2 орудиях и 8 пулемётах...

Посланный против них отряд перешёл на сторону восставших. В мае 1919 происходит восстание дивизии, руководимой Григорьевым, на сторону которого переходят части Красной армии и гарнизоны Кременчуга, Черкассы и других городов. Это расчистило путь Деникину на Москву.

В августе 1919 Южный фронт постигает самый тяжёлый удар. От Красной армии отлагаются крупные боевые единицы ... 47-я дивизия ... Крымская армия.»³⁶

Я составил приведенный выше монтаж событий 1918-1920 годов на разных фронтах Красной армии исключительно по официальным коммунистическим источникам. Я привёл этот монтаж, содержащий, конечно, далеко не полный перечень характерных черт и событий, чтобы читатель сам посмотрел, как создавались коммунистические вооружённые силы из мобилизованного населения России, как они воевали, как шли в наступления. Я хочу обратить внимание на то, что мой оппонент М. без всякого предупреждения сделал резкий переход: пока он рассказывал об интернационалистах, он, как и я, излагал собственную версию событий, — когда же дело дошло до мобилизованной Красной армии, М. начал пересказывать казённый учебник истории. Какая-то доля правды есть и в казённом учебнике, но главная правда всё-таки за пределами его. Но даже в казённых версиях правда и неправда взвешены в более адекватной пропорции, чем у М.: коммунистические историки рассказывают об энтузиазме красных частей,

о сознательной и добровольной борьбе мобилизованного населения за коммунизм, но при этом они добавляют, что все красные части были прослоены интернационалистами, что интернационалистов вливали в ударные группы на решающих участках, посылали на подавления, сажали с пулемётами в заградотряды в тылу отдельных недостаточно сознательных красных частей и т. д. М. всё это игнорирует, военные функции интернационалистов отказывается обсуждать, сбрасывает со счёта, более того, рассказывает читателю, что интернационалисты были менее надёжными солдатами, чем мобилизованные российские крестьяне. Но если российских крестьян режим всё же нуждался мобилизовать, поскольку именно из них можно было составить красноармейские миллионы, — зачем тогда понадобилось ещё обрабатывать и набирать ненадёжных и ненужных интернационалистов? М. не отвечает, увлекшись концепцией «русской революции».

М. пишет, что, мол, особый вопрос, почему русский народ «предпочёл» коммунистов из всех участников войны 1917-1920 годов. Мне кажется, приведенные материалы в значительной степени дают ответ на этот вопрос. М., впрочем, допускает, что население «поддержало» коммунизм «нехотя». Диапазон «нехотя» довольно широк. Включает ли сюда М. терроризованное состояние миллионов людей? Судя по всему, нет, так как М. несколько раз оговаривает, что красный террор не играл решающей исторической роли. Но тогда «нехотя» сводится к выбору народом наименьшего зла, а таким наименьшим злом народ, по мнению М., считал коммунистов по сравнению с белыми или повстанцами. В этой концепции коммунизма как наименьшего зла 1917-1920 годов — узловая установка М., и он уверенно пишет, что если солдаты в ходе войны переходили на сторону противника, то только в одном направлении, — от белых к красным. М. даже ссылок не приводит, ибо это для него аксиома. Только вот аксиоматика М. находится в явном противоречии с источниками и фактами.

М. по ходу своих рассуждений упускает или делает вид, что упускает, важнейший и огромный факт — насильственно-мобилизационный характер Красной армии. Счёт сил коммунистов и их противников вообще несостоятелен при отвлечении от главного обстоятельства: как солдаты воевали — по зову долга или под дулом пулемёта, упершегося в спину.

В прошлой статье я пытался показать, что революция и война 1917-1920 годов представляли собой первый исторический эксперимент — победить страну оккупационной армией, насиль-

ственно составленной из самого оккупированного населения и управляемой посредством расстрелов. С тех пор это стало распространённым историческим прецедентом и, наверное, он известен М., как и всякому следящему за политикой современному человеку.

Частной проблемой организации социалистической армии, в России или в любой иной стране, является проблема военного интернационализма: как создать специальные военные части из постороннего инонационального человеческого материала — для поддержания дисциплины в мобилизованной армии, для расположения с пулемётами в заградительных отрядах, чтобы обеспечить наступательные операции, для подавления восстаний местного населения и т. д. В этом смысле интернациональные части становятся ударной силой и костяком для формирования вокруг них мобилизованных армий. Это часть советской доктрины, разработанной Л. Д. Троцким, проведенной в жизнь выдающимся стратегом С. С. Каменевым, и подтверждённой опытом войны 1917-1920 годов.³⁷

Вопрос о военном интернационализме в такой постановке — мировой, а не специально российский, и так я и ставил его в прошлой статье, совсем не случайно называя интернационалистов «ландскнехтами революции». Явление военного интернационализма присутствует во всех социалистических революциях и их войнах. Это может выступать в романтической испанской разновидности, в менее романтической кубинско-ангольской разновидности, в совсем не романтической разновидности родовой межплеменной резни в африканских революциях, но суть этого явления представляется мне единой. Революционный аппарат находит и организует социально и национально чужеродные элементы для сколачивания насильно мобилизованной местной армии. И никакого восторга по этому поводу я не разделяю, ни хемингуэевского, ни советских учебников, ни максудовского, и для меня весь этот интернационализм не «хорошее слово» и не «невинные лозунги», как изображает М. За этими «невинными лозунгами» сотни тысяч и миллионы трупов, братоубийственные войны и межнациональная резня, и я с огорчением вижу, как и после 60 лет подобного опыта некоторые либерально-интеллигентские круги не перестали умиляться этой карикатуре на международное братство.

Военная роль интернационалистов очень значительна во всякой социалистической революции, и она определяется не количеством, не удельным весом, а качеством, теми специальными

функциями, которые коммунистический аппарат придаёт интернационалистам. Интернационалистов очень редко используют как самостоятельную силу против регулярных армий противника, но для подавления безоружных повстанческих толп, когда одна пулемётная команда может убить сотни людей, интернационалисты очень удобны. И именно в этом качестве их активно использовали в России в 1918-1920 годах, и в прошлой статье я приводил большое количество подтверждающих источников. Совершенно недооценима роль интернационалистов в заградительных отрядах в тылу наступающих мобилизованных частей, когда один пулемёт гонит в наступление десятки людей. (Разумеется, в таких заградотрядах сидели не одни интернационалисты).

Главнокомандующий С. С. Каменев пишет, что для формирования боеспособных мобилизованных частей всегда необходим какой-то добровольческий костяк, или надёжные части, уже прошедшие немало боёв. И когда летом-осенью 1918 года на Восточном фронте зарождалась и формировалась регулярная Красная армия, интернациональные части именно и были таким формообразующим костяком.³⁸

С этим связан и затрагивавшийся уже мною вопрос об ударных группировках. Во время решающего сражения между красными и белыми армиями осенью 1919 года в районе Орла и Кром, когда войска А. И. Деникина наступали на Москву, была создана красная ударная группа в следующем характерном составе: две трети интернационалистов, около трети красных добровольцев и ничтожное количество мобилизованных. Во время ожесточённых боёв мобилизованные и добровольцы разбежались или гибли от заградительных отрядов, а интернационалисты шли напролом и за 2-3 дня потеряли 40% своего личного состава. Но таким путём и такой ценой красные выиграли Орловско-Кромскую операцию и решили судьбу войны против белых армий.³⁹

Зимой-весной 1920 во время попытки белого контрнаступления на Юге в качестве ударной силы против них опять послали интернационалистов, а летом-осенью 1920 они же были включены в ударную группировку фронта против П. Н. Врангеля и создавали Каховский плацдарм. На Восточном фронте, весной 1919, в решающей Бугурусланской операции интернационалисты прорвали фронт войск А. В. Колчака.⁴⁰ Наконец, интернационалистов использовали для подавления восстаний частей Красной армии. Например, весной 1919 года восстал 12-й пулемётный полк в Полтаве, и румынский революционный полк вместе с венгерским особым батальоном подавил восстание. Эти же части были

использованы в подавлении восстания дивизии Н. Григорьева,⁴¹ в подавлении как раз того восстания, которое не дало Красной армии осуществить уже подготовленный поход на Венгрию и Румынию.

Но особенно была значительна роль интернационалистов не в 1919-1920, а в 1918 году, когда Красной армии или ещё не было, или она только начала создаваться. При изложении этого периода М. повторяет советские учебники, и мы опять встречаем и «Октябрьское восстание», и даже «победоносное шествие большевиков по стране» (в учебниках это называется «триумфальное шествие советской власти», но в неподцензурной статье всё-таки так не скажешь, и М. приходится немножко перефразировать.) М. пишет, что интернационалисты в этих событиях не участвовали. Источники говорят иное. Действительно, в октябрьских событиях интернационалисты принимали ничтожное, но достаточно символическое участие: стояли у артиллерийских орудий, наведённых на Зимний дворец и на Кремль.⁴² Их было всего несколько человек, но и сами события поражают не численностью участников, а последствиями, и кто-то ведь поставил к этим орудиям военнопленных военного противника. В «победоносном шествии» коммунизма через сотни восстаний, через уже начавшееся народное сопротивление — интернационалисты приняли просто решающее участие. В ряде мест, как в Белгороде, в Крыму и др. они стояли во главе Советов и Ревкомов.⁴³ М. пишет, что польские корпуса Ю. Галлера и Девбор-Мусницкого выступили против коммунистов и придали войне интернациональный характер, — но именно противокommунистической войне, тогда как в распоряжении коммунистов интернациональных сил ещё не было. Не знаю, какими глазами М. читал использованные им источники, но как раз по источникам всё было прямо наоборот. Бригада Ю. Галлера была в австрийской армии, но после революции на территории России повернула фронт, прорвалась с боями на советскую территорию и соединилась с революционными комитетами бывшей 8-й армии русского Юго-Западного фронта. Затем бригада обросла другими польскими частями и преобразовалась во 2-й Польский корпус Ю. Галлера. И когда немцы наступали на Украину, изгоняли оттуда коммунистическо-матросские отряды и восстанавливали у власти Украинскую Раду, 2-й Польский корпус вёл бои против немцев и сдерживал их наступление вглубь советской территории. Представители корпуса вели в это время секретные переговоры со Свердловым в Кремле, но это так и осталось тёмным сюжетом. Немцы разбили

2-й Польский корпус, и его остатки ушли в РСФСР.⁴⁴ Так поляки, по выражению М., «помогли Украинской Раде». В 1919 году Польша ещё раз «помогла Украинской Раде» (Директории) — захватила Галицию, откуда украинское правительство формировало свои наиболее боеспособные войска.

Ещё интереснее история 1-го Польского корпуса Девбор-Мусницкого. Как пишет М., «чехи и поляки поддержали Корнилова». Чехи здесь ни при чём, они дислоцировались под Тамбовом, и до лета 1918, пока их не стали разоружать и убивать по приказу Л. Д. Троцкого, не откликались на призывы ряда русских деятелей о помощи. Главную силу корпуса Девбор-Мусницкого составляли не дислоцированные в Белоруссии войска, а расположенный в Белгороде Польский легион численностью 16 000 человек. В конце ноября — начале декабря 1917 года 3 000 ударников под командованием Л. Г. Корнилова, лучшее, что осталось от разложенной русской армии, шестью эшелонами прорывались через Белгород на Дон, где генерал М. В. Алексеев начал собирать Добровольческую армию. Наперерез ударникам Л. Г. Корнилова шёл матросский экспедиционный отряд Н. А. Ховрина в количестве 300 человек, всё, что туда удалось собрать и направить коммунистам. Белгородский Ревком, возглавлявшийся польскими социал-демократами, обратился за помощью к Польскому легиону, уже носившему название Польского революционного полка. 16 000 интернационалистов и 300 матросов выступили совместно против 3 000 корниловских ударников и уничтожили их.⁴⁵ Так интернационалисты «поддержали Корнилова» и возможный будущий костяк белых армий. Теперь это называется «победоносное шествие большевиков по стране».

Можно добавить, что хотя не так выпукло, но сходная арифметика была в конце 1917 — начале 1918 во многих других местах России. В Забайкалье интернационалисты разгромили казаков Семёнова, из Самары весной 1918 смешанные красногвардейские части с большим процентом интернационалистов отправляли на подавление крымских татар в Крым и на подавление оренбургских и уральских казаков на уральско-поволжский стык.⁴⁶

В 1918 году интернационалисты принимали решающее участие в подавлении наиболее значительных рабочих и крестьянских восстаний — Ярославского и Ижевско-Воткинского. Собственно, под Ижевским восстанием следует иметь в виду гораздо более крупное явление. Это была целая совокупность связанных и не связанных между собой повстанческих отрядов Вятской, Пермской, Казанской и Уфимской губерний, а одновременно с

ними сражалась в Поволжье Народная армия Учредительного собрания и отдельно повстанческие уезды Пензенской губернии. Против поволжской Народной армии и были сформированы на основе интернационалистического костяка первые красные регулярные армии. В августе 1918 красное командование приняло тяжёлое решение свести значительную часть интернационалистов в 3-ю армию Восточного фронта для подавления приуральских и прикамских восстаний. В течение октября-декабря 1918 сопротивление Поволжья, Прикамья и Урала было подавлено.⁴⁷ Разумеется, количественно преобладали в силах подавления мобилизованные российские солдаты. Но именно тогда на повстанческом военном театре и сложились основные принципы организации социалистической армии при особых формообразующих функциях интернациональных частей. Как я уже сказал выше, эти принципы прошли историческую проверку на полях сражений в 1919-1920 годах.

Таким образом, историческая роль интернационалистов связана не с их количеством, а с теми конкретными функциями, которые им придали и которые они выполнили. Эту историческую роль не нужно ни преувеличивать, ни преуменьшать, но хуже всего — пытаться выбросить проблему из истории, как это делает М.

Начав изложение с неправды, приписав мне обвинение людей и наций («нерусских»), М. закончил разбор этого вопроса простым вычёркиванием целого явления, целой группы людей из истории. Он уже и высмеивает их, иронизирует над «богатырским духом», и, наверное, сам не замечает, как это всё цинично и по отношению к тем, кого интернационалисты подавляли, и по отношению к самим погибшим интернационалистам, которых коммунистические комиссары втянули в войну на территории России. М. хочет защищать интернационализм, выбросив из истории конкретных интернационалистов.

А ведь и их судьбе не позавидуешь. Они погибли на чужой земле, или в 1917-1922, или в 1936-1938 годах, а те из них, которые вернулись в свои страны в качестве коммунистов, оказались противниками также и своих народов. Сейчас все они уже так или иначе умерли, и ни один народ не скажет доброго слова на их могилах. Наверное, это самый худший вид смерти.

3. Интернационализм и орудийное использование наций в 1917-1920.

Обычно принято считать, что многонациональный характер России создавал и создаёт для коммунистов особые трудности

управления. Мне кажется, что скорее наоборот. Многонациональной страной вообще трудно управлять любому правительству, но коммунисты с первых недель революции обратили трудность положения в преимущество.

Будучи по существу направлен против национального начала, социализм использует нации, как и отдельных людей, в качестве орудийного материала. Каждая нация разделяется теорией, а затем практикой, на революционные и реакционные классы, ведётся классовая борьба, уничтожение классов. Группы наций разделяются на реакционные и революционные нации, и, в зависимости от конкретных потребностей, одни нации используются против других. Это и есть социалистический интернационализм. Работу этого механизма можно проследить на протяжении всех коммунистических десятилетий.

Меньше чем через месяц после захвата власти, 20 ноября 1917 года, коммунисты отпечатали и распространили в миллионах экземпляров воззвание к мусульманам всего мира, прежде всего к мусульманским народам России.⁴⁸ В этом хитром документе есть интернационалистический текст, который с позиции М. должен быть признан невинными агитационными лозунгами, и есть циничный подтекст, понятный всякому, хоть немного знакомому с тогдашними проблемами мусульманского мира, в частности, с борьбой за Константинополь.

В этом документе коммунисты говорят мусульманам, что русские цари давили ислам, разрушали мечети (наглая ложь), натравливали русских на татар, башкир, узбеков и др. Далее говорится, что христианские народы Европы и России хотели и хотят покорить ислам, — эта мысль идёт полутекстом, полуподтекстом. Итоговый смысл текста-подтекста: коммунистическое правительство призывает мусульман к Газавату — священной войне против христианских народов Европы и России.

Летом 1918 года, продолжая эту пропаганду, коммунистическое руководство пыталось ликвидировать повстанчество в Поволжье таким способом: оно обратилось к татарам и башкирам и иным мусульманам с призывом создать Мусульманскую Социалистическую Армию для борьбы против «русских черносотенцев» и «одураченных чехословаков».⁴⁹ Хотя из этой конкретной затеи ничего не вышло, она была лишь одним из многих шагов в этом направлении.

В Средней Азии коммунисты использовали составленный из русских и военнопленных интернационалистов аппарат против мусульманских народов, а в течение 1919-1920 годов установили

такие отношения, при которых представители враждующих национальных групп Средней Азии попеременно занимали ведущие посты в советском аппарате и производили резню других национальных групп.

Особенно остро мусульманско-христианский конфликт был спровоцирован и использован на Кавказе. В национальных районах Северного Кавказа было создано своеобразное соперничество в гонке за признание центральной власти Совета Народных Комиссаров, в конце 1917—начале 1918 были вырезаны целые русские и казачьи поселения, и сложилось такое положение, что какой из народов раньше признаёт власть центрального СНК, тот вместе с местной властью получает право на резню соседних народов. В период этой чудовищной провокационной политики даже такой представитель коммунизма на Кавказе, как С. М. Киров обратился к населению вообще на время не признавать центральную советскую власть.⁵⁰

Сообразно обстоятельствам, в ряде мест, наоборот, христианское население использовалось против мусульманского. В Крыму коммунисты создали аппарат из греков и их руками провели в начале 1918 террористические акции против крымско-татарского населения. Татары восстали, коммунисты мобилизовали греков, вызвали военнопленных венгров и немцев из Самары и потопили в крови восстание. Разумеется, когда весной 1918 в Крым вошли немцы, крымские татары устроили резню греков.⁵¹

В Азербайджане коммунисты использовали азербайджано-армянский конфликт. Знаменитая Бакинская Коммуна была составлена из армян, русских, евреев и одного азербайджанца. В марте-апреле 1918 коммунисты спровоцировали и возглавили в Баку резню армянским меньшинством азербайджанского населения, было убито не менее 3 000 человек. Мусульманское население отождествило коммунизм с армянской властью, и в сентябре 1918, когда в Баку вошли турецкие войска, в первый же день азербайджанцы и турки вырезали не менее 30 000 армян. Одновременно было вырезано армянское население в Нухинском и Арешском уездах Елисаветпольской губернии (нынешняя Нахичеванская АССР).⁵²

Столь же циничную политику вели коммунисты во время периодических захватов Украины. Если во внутренней России они всячески преследовали русское население и создавали интернациональный аппарат, то на Украине, наоборот, проводилась насильственная русификация. Армии, подавлявшие и завоёвывавшие Украину, составляли преимущественно из русских мобилизован-

ных, из русских добровольческих и партизанских частей и из иностранных интернационалистов. При этом сами коммунисты признавали, что подавительная русификация Украины является на самом деле лишь подручным средством, орудием денационализации Украины и централизации власти.

«Для коммунистической партии Украины вопрос об отношении УССР и РСФСР никогда не был вопросом принципа, а вопросом исключительно революционной целесообразности... Отвергая в принципе воспитанное капиталистической эпохой право исключительной собственности данной нации на данную территорию ... советская власть ... является в этом смысле властью анациональной.»⁵³

Коммунисты, разумеется, не могли не использовать и остро стоявший еврейский вопрос. Летом 1917 года, ведя межпартийную и внутривнутрипартийную фракционную борьбу против других социалистов, некоторые коммунисты не брезговали использовать тот факт, что во главе социал-демократов и социал-революционеров стояло много евреев. Велась пропаганда на толпу, что меньшевики продались буржуазии и что коммунисты отстаивают завоевания революции против «жидов-социалистов», что «жиды — гибель для дела пролетариата».⁵⁴ Повидимому, использовался тот факт, что в Исполкоме Петроградского Совета из 134 членов был 31 еврей, но уже в руководящем бюро Исполкома из 24 членов было 10 евреев. Разумеется, противники большевиков легко использовали против них соответствующий факт: в избранном в июне 1917 года ВЦИК Советов было 24% евреев во фракции меньшевиков, 10% во фракции эсеров, свыше 37% у примыкавших к коммунистам с.-д. объединенцев и свыше 31% в самой коммунистической фракции.⁵⁵ Я хочу подчеркнуть следующее: сейчас справедливо считается не очень приличным делом приводить и приводить такого рода подсчёты, но тогда, в те интернациональные годы, коммунистические вожди как раз всё это очень хорошо считали и ещё лучше учитывали. Когда коммунисты захватили власть, было решено — совершенно логично — назначить Л. Д. Троцкого наркомом внутренних дел, а не иностранных. Но Л. Д. Троцкий отказался:

«стоит ли ... давать в руки врагам такое дополнительное оружие, как моё еврейство.»⁵⁶

Из тех же соображений был после смерти Я. М. Свердлова поставлен во главе ВЦИК М. И. Калинин, и велась многолетняя циничная игра во «всесоюзного старосту».

Весной 1919 состоялось очень характерное заседание Политбюро:

«Слушали: ...»
Постановили: ...
Предложить т. Троцкому и Смилге составить соответствующий доклад и сообщить этот доклад, как директиву ЦК, комиссиям, распределяющим силы между центральными и местными организациями и фронтом.»⁵⁷
Заявление т. Троцкого о том, что огромный процент работников прифронтовых ЧК, прифронтовых и тыловых исполкомов и центральных советских учреждений составляют латыши и евреи, что процент их на самом фронте сравнительно невелик и что по этому поводу среди красноармейцев ведётся и находит некоторый отклик сильная шовинистическая агитация и что, по мнению т. Троцкого, необходимо перераспределение партийных сил в смысле более равномерного распределения работников всех национальностей между фронтом и тылом.

Нельзя не обратить внимания, как расчётно принимались решения, и даже само принятие решения, во избежание кривотолков, возлагалось на еврея и латыша.

А дело сводилось к следующему. В 1915-1916 годах из Польши и Литвы во внутреннюю Россию и Левобережную Украину было эвакуировано большое количество еврейского населения. Из этого населения, по изложению еврейского историка, выделились оторвавшиеся от национально-религиозных начал жизни «урбанистическая часть и молодёжь», которые быстро революционизировались и в 1918 году отказались вернуться в Польшу и Литву.⁵⁸ Значительная прослойка революционизированных элементов оказалась и среди российского еврейства. Коммунисты не преминули использовать эти кадры, особенно же оторванных от какой-либо почвы беженских и эвакуированных польско-литовских евреев, и в 1920 году до 500 000 этих людей было размещено в советском аппарате.⁵⁹

На Украине коммунисты заполнили аппарат, в том числе карательные органы, этими людьми и довели до того положения, что к 1919 году украинское население стало отождествлять ком-

мунистический режим с еврейской властью и устраивать погромы. По свидетельству тогдашнего председателя комитета помощи жертвам погромов, украинское крестьянство было особенно возмущено большим присутствием евреев в продрозвёрстном аппарате.⁶⁰ В феврале-марте 1919 по Украине прокатилась волна погромов под лозунгом «бей евреев и коммунистов», «все евреи — коммунисты». Часть этих погромов произвели отколовшиеся от коммунистов и от Украинской Директории красно-зелёные атаманы, другую часть — восставшие или вышедшие из подчинения части Красной армии.⁶¹ Всеми этими обстоятельствами и вызвано цитированное постановление Политбюро. Цинизм коммунистического подхода к еврейскому вопросу очевиден: часть еврейского населения сначала используют для чёрно-красной работы, доводят дело до погромов — и отправляют отработанный материал на фронт.

Потом эта история повторяется по кругу не один раз. В ноябре 1919 года специальное заседание украинских коммунистов рассматривает вопрос о преобладании в аппарате на Украине и в украинской коммунистической партии

«мелкобуржуазных элементов из среды русских и еврейских ремесленников».⁶²

Вслед за этим ЦК РКПб по тексту В. И. Ленина принимает резолюцию «О советской власти на Украине»:

«В целях установления подлинной власти трудящихся должны быть немедленно приняты меры к тому, чтобы не допустить наводнения советских учреждений элементами украинского городского мещанства, чуждого понимания условий быта широких крестьянских масс и нередко прикрывающегося знаменем коммунизма».⁶³

Мавр сделал своё дело, и его можно убрать.

Одна из очевидных по приведенным документам сторон социалистического интернационализма — удобное списывание уже скомпрометированных в глазах населения фактов и сторон работы коммунизма на те или иные национальные группы. Этот метод работает по сей день, боюсь, ещё будет какое-то время работать.

Методы использования иностранных интернационалистов лежали на поверхности. Военнопленным немцам и австрийцам говорили, что войска Франции и Англии, ещё воюющие против Германии и Австрии или уже поработившие их, хотят свергнуть в РСФСР лучших друзей германского народа — коммунистов. Для

работы на венгров имелся беспроблемный аргумент: чехословаки. Венграм сказали, что вот здесь, на земле России, и решается сегодня вековой конфликт между венграми и чехами. Не знаю, приводили ли при этом те цитаты из Маркса, которые я цитировал в прошлой статье, о том, что революционные венгры должны размножить головы реакционным чехам. Но, во всяком случае, венграм напоминали, что Австро-Венгерская империя распалась, и вопрос о границах ещё не решён в преддверии мировой революции.

Что получалось дальше — не забудет ни один читатель ранних сибирских повестей Вс. В. Иванова. Когда на поле сражения сталкивались красные и белые, и кончались патроны, русские солдаты на той и другой стороне уползали в окопы или в лесок и садились покурить, а венгры и чехи бросались в рукопашную и зубами грызли друг другу горло. И это лучшая иллюстрация к истории социалистического интернационализма.

Я бы не мог долго приводить интернационалистические аргументы тех лет, так как у меня нет достаточных документов, и психология тех деятелей мне известна только со стороны. Но благодаря статье М. я получил те самые аргументы и ту самую психологию. Дело в том, что М. говорит ДАЖЕ СЕГОДНЯ то, что об интернационалистах и интернационалистам говорилось ТОГДА.

Первым делом им, пленённым военным противникам, выдали порцию личной эмоциональной ненависти к старой России, рассказали об её «болезненном историческом развитии» и разъяснили, что без посторонней помощи на этой почве трудно вырастить что-нибудь хорошее. Для популярности сопровождали эстрадными репризами (примерный набор содержится в статье М.). Затем преподнесли «невинные лозунги» об объединении пролетариев всех стран и т. д.

Особый разговор был с бывшими солдатами Русской армии, происходившими с территорий, отделившихся от России, — с балтийцами, поляками, финнами. М. говорит, что эти категории солдат Красной армии некорректно считать интернационалистами. Я считаю, что поскольку их страны сразу по образованию воевали против Советской России, а эти граждане воевали за Советскую Россию и против своих стран, их трудно зачислить и в патриоты своих стран, и в патриоты старой России, — это именно социалистические интернационалисты, независимо от того, как они дошли до жизни такой.

Наконец, главное. Всем категориям интернационалистов — военнопленным, иммигрантам, солдатам с окраин, — выдали в 1917-1920 годах ту самую кровавую индульгенцию, которую М. выдаёт им сегодня. Им сказали то, что говорит М.: что «октябрьская революция решительно переменяла условия их жизни», отменила принудительный труд, уравнивала экономические и национальные права, сняла охрану с лагерей военнопленных или произвол русских офицеров над окраинными солдатами, ввела самоуправление в лагерях и в добровольческих интернациональных частях. Им сообщили, как сегодня М., что в таком-то лагере вымерло от эпидемий столько-то тысяч и в таком-то — столько-то, в чём виновата старая Россия. Несколько тысяч умерло от холеры в лагере — поэтому выжившие десятки и сотни тысяч получают моральное право идти за тысячу вёрст от лагеря подавлять российских крестьян и рабочих.

Эти красные индульгенции — широко распространены в литературе. Матросы подавляли? — их неделями держали на кораблях и кормили плохим мясом. Люмпены пошли в Красную гвардию? — им платили меньше, чем квалифицированным рабочим. Фронтовики жгли сёла? — их ела вошь в окопах. Еврейская молодёжь пошла в ЧК? — её не пускали в университеты. Для германских национал-социалистов тоже в своё время нашлась сходная индульгенция: Версальский мир унизил и ограбил немцев, и коммунисты вместе с мировой либеральной общественностью записали Германию в число угнетённых наций, рядом с китайцами и индусами. А угнетённым нациям всегда представляется кровавая индульгенция на уничтожение угнетателей. Сначала защитники интернационализма надают людям кровавых индульгенций, — а потом, когда результаты вырастают в шестизначные и семизначные цифры, — удивляются, как это из «хороших слов» и «невинных лозунгов» получилось такое, и, забыв об интернационализме, или, наоборот, слишком его помня, предлагают разделить человечество на болезненные и неболезненные нации и искать исторические корни в дальних веках. И вольно бы, кому охота, — но только сегодня всё ещё повторяются самые страшные мифы из самого свежего вчера, которое нам предлагают вычеркнуть из истории.

4. Ещё раз о противокommунистических силах 1917-1920 годов.

Рассматривая противокommунистические стороны войны 1917-1920 годов, я основное внимание сосредотачивал на народных

повстанцах, меньше посвятил места зелёным партизанам, белое движение только кратко упоминал, считая, что оно лучше известно читателям. Проблему интервенции я вообще не затрагивал, так как она в науке давно решена, ей посвящена огромная литература. Даже в СССР в последние годы историография интервенции стала более объективной, и серьёзные исследователи уже не упоминают про «14 держав» и отмечают, что интервенция не была походом против СССР, а была противоречивой совокупностью противоборствующих интересов разных стран. Но М. представил интервенцию в парадоксальной форме противокommунистического интернационализма, и я недоуменно развожу руками, я боюсь: начну серьёзно отвечать, а М. выступит и скажет, что он просто развлекался и написал пародию на казённый учебник сталинских лет. М. перевернул установившиеся в науке понятия и называет интернационализмом иностранное военное присутствие в чужой стране. По этой логике и нападение Германии на СССР в 1941 году можно считать интернационалистической акцией, тем более что были внутренние силы различных народов СССР, которые в той или иной степени блокировались с немцами. Я не думаю, что М. всерьёз считает это интернационализмом, просто он применил ещё один полемический приём, чтобы свести на нет роль интернационалистов на коммунистической стороне и представить коммунизм русским национальным делом.

Мне не очень удобно повторять общие места, но я вынужден напомнить, что Интернационал — это социалистическая организация XIX-XX веков, несколько Интернационалов — несколько мировых объединений социалистических и коммунистических партий, а интернационализм — исключительно социалистическое движение. Может быть, М. предпочёл бы, чтобы об этом было забыто.

Переносить понятие интернационализма на I мировую войну и фактическое продолжение борьбы германской и англо-французской коалиции на территории погибшей и распавшейся России называть интернационализмом — это либо абсурд, либо какой-то особо-рафинированный юмор, который мне недоступен.

Я вовсе не хочу сказать, что Германия, Англия, Франция, Америка, Япония и другие страны должны были забыть свои старые конфликты и объединиться, чтобы общими усилиями вместе с российскими внутренними силами покончить с коммунизмом на его заре. В истории слова «должны были» и «должны были бы» — неуместны, и можно говорить только о человеческой совести или политической дальновидности. Приходится признать, что ни

того, ни другого мировые державы в достаточной степени не проявили. К тому же, у них для этого не оказалось надёжной военной силы, они сами изнемогали от затянувшейся войны и революционизации войск.

Говорить о военной помощи зарубежных стран против коммунистическим силам можно только как об очень условном и частичном факторе. Никакой единой помощи не было вообще, наоборот, различные страны поддерживали различные группировки российских сил и даже создавали внутренние конфликты в лагере противников коммунизма.

Германия захватила Украину, Дон и часть территории России, чтобы обеспечить себя сырьём и продовольствием для продолжения войны. На захваченных территориях Германия вовсе не поддерживала целиком и однозначно местные силы, а, наоборот, перемещала и комбинировала их в своих интересах. Так, на Украине немцы сначала убрали социалистическую Украинскую Раду и дали крестьянскому союзу заменить её консервативным гетманом Скоропадским, но, обнаружив, что гетман ведёт политику не на раскол России, а на будущее федеративное объединение её, снова вытаскивали социалистов Рады и столкнули их с гетманом.⁶⁴ Но главным последствием немецкой политики было, конечно, сохранение коммунистического режима во внутренней России. Немцы полностью поддержали коммунистическое правительство, обеспечившее Германии посредством Брестского мира хлебный тыл и возможность перебросить войска на Западный фронт. Немцы финансировали это правительство, придали ему дипломатическую законную силу и даже, как сказано выше, помогали подавлять волнения в красных войсках. Взаимное удобство: немцы с юга и с запада обеспечили тыл коммунистам как раз тогда, когда ещё не было красных армий, а коммунисты обеспечили тыл немцам. Поэтому так легко было прощено и провокационное убийство немецкого посла в Москве. Говоря о немцах, М. искажает самый главный факт: в условиях Брестского мира никаких военных действий между коммунистами и немцами не было и не могло быть, а на Украине немцы не дали возможности украинским силам создать самостоятельную единую армию, поэтому вскоре после ухода немцев коммунисты легко захватили Украину.

Достаточно противоречивой была и помощь стран Антанты. На Юге англичане поддерживали белые армии, но в то же самое время поддерживали различные сепаратные военные силы против белых, а во время конфликта между белыми и социал-демократической Грузией поддержали Грузию против Деникина. На Восто-

ке единство белых сил подрывалось именно противоборством США, Японии, Франции и чехословаков за военно-политическое влияние. США поддерживали Колчака, японцы поддерживали против А. В. Колчака целый ряд дальневосточных атаманов, французы поддерживали чехов, а чехи ... О чехословацком участии в российских делах надо сказать особо. Чехи держали до лета 1918 года выжидательный нейтралитет, во главе Чехословацкого совета стояли социалисты, часть которых была даже связана с Циммервальдским движением и через то с российскими коммунистами и социалистами-революционерами-интернационалистами (т. е. с ЦК партии с.-р. во главе с В. М. Черновым). Чехи рвались из России вести войну против немцев и освободить свою страну, а коммунисты не хотели нарушить соглашения с немцами и, к тому же, надеялись как-то использовать свыше 50 000 чехословаков в борьбе за социализм. Возник конфликт, и чехи восстали и захватили железнодорожные магистрали от Поволжья до Тихого океана. Одновременно в большинстве городов на этой линии восстали против большевиков местные офицерские и рабочие организации, и советская власть пала в Поволжье, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке.

Но чехи, опираясь на организованную силу, везде методически стали сажать на власть тех самых циммервальдских с.-р.-интернационалистов, которые первым делом подтвердили коммунистические законы о конфискации частной земли (из-за этого-то и пошли крестьянские восстания уже не против коммунистов, а против социалистов и чехов) и ... стали наводить мосты с коммунистическим правительством в Москве об организации единого социалистического правительства и о продолжении войны против Германии.

Но случилось непредвиденное. Сибирские эсеры-областники И. А. Михайлов, П. В. Вологодский, И. И. Серебренников, оказавшиеся у власти в Сибири, проявили себя как русские патриоты, заняли крайне непримиримую позицию в отношении коммунистов и поволжских с.-р.-интернационалистов, соединили силы с сибирским казачеством, отказались от чешской опеки и затем осенью 1918 поддержали переворот А. В. Колчака. Это сорвало переговоры между Свердловым и министром поволжского с.-р. правительства, членом ЦК с.-р. Д. Ф. Раковым о передаче коммунистам поволжской Народной армии Учредительного Собрания.⁶⁵ С.-р.-интернационалисты были устранены почти изо всех командных пунктов противокмунистических армий, сохранили влияние в войсках только в районе Уфы, вступили в новые пере-

говоры с коммунистами, открыли им фронт под Уфой и передали в коммунистический плен до 8 000 солдат.⁶⁶ Вот тогда-то деморализованные двойным ударом чехословаки и «вышли из игры», как выражается М. Но на очень короткое время. Расположившись в белом тылу и контролируя все железные дороги и белые коммуникации, чехи, пользуясь зависимостью А. В. Колчака от английской и французской помощи, насадили во все штабы его армий опять всё тех же с.-р. (персонально других, конечно), которые взорвали штабы изнутри, устроили целый ряд военных переворотов против А. В. Колчака руками его собственных распропагандированных молодых генералов и полковников, а главный переворот пытался совершить бывший командующий одной из колчаковских армий чешский генерал Гайда. Когда армии Колчака были разбиты коммунистами и красно-зелёными партизанами, чехи задержали А. В. Колчака и главу его правительства кадета В. Н. Пепеляева и выдали их объединённому большевистско-эсеровскому Политическому Центру в Иркутске на расстрел. Крупный русский историк (по политической принадлежности — народный социалист) С. П. Мельгунов в подробном четырёхтомном исследовании событий в Сибири расценивает историческую роль чехословаков в 1918-1920 годах глубоко отрицательно.⁶⁷

Сходен и трагический польский сюжет. Лучше всего его неоднократно рассказали украинские историки. После 1917 года новую Польшу возглавили социалисты (Ю. Пилсудский был подельником А. И. Ульянова на процессе о подготовке террористического акта 1887 года, и 30 лет спустя судьба сцепила его с младшим братом). Польша в течение 1918-1920 годов забирала кусок за куском украинские земли (даже и те, которые никогда не входили в состав Российской империи, — Галицию). Польша в течение 1918-1920 годов считала главным врагом не советских коммунистов, а русские белые армии, и выжидала, пока белые будут разгромлены. После этого Польша выступила самостоятельно — нет, не против коммунизма, а просто против России и Украины, какое бы там ни было правительство. Это была обычная межнациональная война, провокационная и жестокая с обеих сторон. Польские войска прошли по Украине и Белоруссии, вырезая русских и украинцев, устраивая еврейские погромы. Коммунисты надели тогу национальных защитников России, эта война помогла им отчасти консолидировать страну именно в разгар новой волны крестьянских восстаний (очень помогло в этом и начавшееся в связи с польской кампанией сменовеховство интеллигенции). После 60-летнего опыта даже польская агрессия ви-

дится меньшим злом, чем коммунистический захват, — но меньшее зло всё равно остаётся злом, и на счету Польши — десятки тысяч невинных жертв за ту войну.

Вот всё, что бегло можно сказать об участии иностранных государств в войне 1917-1920 годов на территории России, и советская и западная историография справедливо называют это участие интервенцией. Перелицевание интервенции в антикоммунистический интернационализм — просто неудачный анекдот.

Ещё тяжелее разбирать то, что М. написал о белых и повстанцах. Тяжелее потому, что самоуверенная некомпетентность здесь в ещё большей степени оборачивается танцем на могилах. М. иронизирует, что Б-м оплакивает десятки тысяч погибших белых, которых, по сведениям М., не существовало и в живых. Б-м принимает среднюю численность белых в 1919 году в 537 000, а М. поправляет: это белые вместе с интервентами, а самих белых было только 287 000. М. снова показывает полную неосведомленность в фактической стороне дела и непонимание методологии военно-статистических расчётов. Игнорируя принятую в науке военную терминологию, он отказывается знать разницу между боевым составом и общим составом любых войск в любой военной кампании. При общих расчётах потерь военнослужащих следует, конечно, учитывать общий состав войск. 287 000 белых — это только их боевой состав, войска на фронтовых участках. Как я уже приводил выше по источникам, среднее число белых было в 1919 году — 537 000 солдат и офицеров, общее число достигало 600 000 в 1919 году, а с учётом мобилизованных в 1920 году П. Н. Врангелем — общее число белых военнослужащих за 1919-1920 годы — окажется свыше 650 000 человек, и это без принятия в расчёт кратковременно влившегося осенью 1919 года в белые армии украинского пополнения.* Все эти цифры (как и примерно 1 000 000 белых вместе с интервентами) давно вошли в научный обиход и широко известны; я вынужден повторять общие места, так как некомпетентность М. внесла путаницу в ясный вопрос.

* За лето-осень 1919, за счёт мобилизаций и пополнений, численность белых на Юге увеличилась со 110 000 до 300 000 военнослужащих. Но это пополнение столь же быстро рассеялось за время отката белых, и мы его не считаем почти.

...Не имея места подробнее обсуждать военные вопросы, отсылаю читателей, интересующихся методологией расчёта военных потерь, к книге: Л. С. Каминский, С. А. Новосельский. Потери в прошлых войнах. Справочная книга. М., 1947.

Итак, белых военнослужащих было без кратковременных пополнений и без не вошедших в регулярные армии повстанцев — более 650 000 по ходу 1919-1920 годов в общей сложности. Если, как соглашается М., примерно 175 000 из них убито в боях и не свыше 83 000 военнослужащих (включая в эту преувеличенную цифру и гражданский персонал и иные категории беженцев) эвакуировалось из России в ноябре 1920 года под руководством П. Н. Врангеля,** тогда почти покрывается вся принятая М. численность белых военнослужащих в 287 000. Если напомнить, что белые эвакуировались также на Севере (2 600, включая и небольшую часть гражданских беженцев), на Северо-Западе (от 15 000 до 20 000 по разным источникам), в Сибири и на Дальнем Востоке (от 25 000 до 45 000, включая и гражданских беженцев), тогда общая максимальная цифра эмигрировавших белых военнослужащих достигает 150 000, реальная цифра — примерно 115 000 военнослужащих. В обоих случаях, число погибших и эмигрировавших белых военных полностью покрывает и даже **перекрывает** взятое М. число имевших быть на свете белых военных. Нет ни плененных, ни уничтоженных потом, после войны. Именно это и подчёркивает М., когда утверждает, что других категорий потерь белых военнослужащих не было, а то, что Б-м принимает за **послевоенные** потери белых, — это, по М., «солдаты Антанты», которые «благополучно вернулись домой.» И здесь у М. ударное место, и он вволю потешается над глупой скорбью Б-ма на могилах никогда не живших людей.

Что ж, солдаты Антанты почти не воевали и, действительно, благополучно вернулись домой, — но источники рассказывают о других солдатах, о тех русских, казаках, украинцах, башкирах, татарах, кавказцах, крымских татарах, калмыках, бурятах, других сибиряках, обо всех белых солдатах, которые остались на советской территории **после** поражения Белого движения и которые не укладываются в цифру М. И этих солдат, за вычетом из 650 000 суммарной численности белых военных реального числа погибших на фронтах войны — 175 000 — и реального числа эмигрировавших военных — 115 000, — остается (то есть действительно **осталось** на гибель в СССР) — свыше 350 000 человек.

** Всего гражданских беженцев и военнослужащих *вместе* П. Н. Врангель эвакуировал 145 693 человека. (П. Н. Врангель. Воспоминания. Ч. 2. Франкфурт, 1969, с. 242). Часто встречающаяся цифра в 130 000 эмигрировавших — восходит к частному источнику, А. А. Валентинову, и она неверна. Строго рассчитывая, военнослужащих эвакуировано от 62 500 до 65 000 человек, но нам следует брать даже преувеличенную цифру 83 000, чтобы получить минимум уничтоженных после.

Это — 218 000-224 000 белых военнопленных, по неполным сведениям источников, и это ещё — значительное число белых солдат, сначала распушенных по домам или переодетых в красноармейскую форму и использованных в Польской кампании, а потом, постепенно, год за годом, поток за потоком, арестованных и добитых. Именно об **их** трагической судьбе, ещё нигде не описанной, я сказал в прошлой статье, чем вызвал посмех М. Перечислю только несколько групп военнопленных.

После поражения армий А. И. Деникина и падения Ростова-на-Дону, к 10 января 1920 года красные захватили более 40 000 военнопленных. Оставшиеся белые силы тремя изолированными группами отступали через Северный Кавказ (о чём ниже), через Новороссийск в Крым, и на Одессу. («50 лет Вооружённых сил СССР». М., 1968, с. 104). Первая из названных групп — в основном кубанские белые войска генералов Шкуро и Морозова (с некоторым числом и донских казаков, а в обозе — и донских беженцев) в марте-апреле 1920 с боями прошли через Туапсе на Сочи и Адлер к грузинской границе. Их было 75 000-80 000 человек, из них 20 000 не-кубанцев, — других белых и донцов. Судьба этой армии во многих чертах предвосхищает историю казаков после II мировой войны. Англичане переправили часть этих войск в Крым, и предлагали переправить всех, но радикальные руководители Кубанской Рады, видевшие главного врага в белом Командовании, потребовали за спиной армии и беженцев переправки в нейтральную социал-демократическую Грузию. С.-д. грузинские лидеры, бывшие герои Февральской революции в России, отказали пропустить белые войска, а англичане не могли нарушить волю суверенной Грузии и давить на неё так, как не раз давили на русские белые правительства. Поваленные голодом и тифом, белые войска и беженцы были в мае 1920 года сданы лидерами Кубанской Рады на милость победителей-коммунистов. 35 000-40 000 доходяг погнали назад через Сочи и Туапсе на Кубань и Дон

«в виде огромной толпы плененных, обезоруженных и покорившихся». Потом их разослали по концентрационным лагерям.⁸⁶

(В скобках, для сравнения. В феврале-марте 1919 та же нейтральная социал-демократическая Грузия пропустила, проведя, по выражению С. Орджоникидзе, «комедию» взятия в плен, отступавшую под натиском восставших терских казаков XI Красную Кавказскую армию. Пропустила после угрозы С. Орджоникидзе, что иначе 6 000 000 рублей Красной армии попадут в руки казаков-повстанцев. Затем эти отряды XI Красной армии переправля-

лись из нейтральной с.-д. Грузии через английскую нейтральную зону в белый тыл, и так в 1919 году была создана значительная часть 12 000-ной Красно-зелёной армии Черноморья, ударившей в начале 1920 года по белым тылам с юга во время красного наступления с севера).⁶⁹

Следующие большие группы белых пленных были взяты красными на Юге осенью-зимой 1920 года. В Северной Таврии пленено 20 000 белых военных, а после эвакуации войск П. Н. Врангеля арестовано в Крыму свыше 15 000 только офицеров.⁷⁰

Во время разгрома белых на востоке России было захвачено в конце июля 1919 года 15 000 белых пленных под Челябинском. («50 лет Вооружённых сил СССР», с. 85). Осенью-зимой 1919 — катастрофа белых в Сибири, и захвачено 32 000 пленных под Новониколаевском, свыше 60 000 пленных под Красноярском и Ачинском.⁷¹

На Севере, по разным данным, пленено и уничтожено 800-1 200 — 2 000 белых военнослужащих.⁷²

Таким образом, только по частичным и отрывочным данным, было пленено от 218 000 до 224 000 белых солдат и офицеров. Все они, а также и все другие оставшиеся в живых и не эмигрировавшие с советской территории белые военнослужащие, были так или иначе зарегистрированы коммунистическими органами. Напоминать ли, что во **всех** анкетах по приёму на работу (при обязательном всеобщем трудоустройстве!) сквозь все 1920-е — 1930-е — 1940-е и половину 1950-х был пункт «служил ли в белых армиях». Кампании по арестам и чисткам белых проводились периодически и методически, как сразу по окончании гражданской войны, так и в течение 1920-х и 1930-х годов, пока никого не осталось. Наиболее массовые заgrёбы произошли в 1925 и 1927 году («войковский набор», уничтожено до 300 000 человек, среди них много казаков и бывших белых).

Вот какие цифры проходят перед нами по источникам и исчислениям: вокруг 220 000 белых пленено, до 350 000 — 360 000 белых постепенно уничтожено в СССР уже после окончания войны. Но М. важно высмеять оппонента, и он уже не замечает, что глумится вовсе не надо мной, а над десятками и сотнями тысяч лучших сынов России, расстрелянных, замученных, сгнивших в лагерях, потопленных на баржах.

Издёвку вызывают у М. и крестьянские и рабочие повстанцы. С большим количеством приведенных мною источников по этому вопросу М. просто не желает считаться, делает вид, что не за-

метил, что фактические указания и ссылки охватывают территорию, занятую коммунистами, а не интервентами. (К сожалению, и ряд других критиков моей работы не учли, что моё описание широкого народного сопротивления коммунизму — вовсе не теоретическое предположение, а простая констатация данных сотен и тысяч первоисточников). М. цитирует фрагмент моей статьи, где говорится, что, по официальным данным, главные военные операции коммунистических сил в 1918 году были — подавления народных восстаний.*

«Да, были операции весной и летом 1918 года, — потешается

М., — немцы Украину захватили, — восстали на нас, значит.»

А ведь при этих подавлениях **по России** (о не занятой немцами России однозначно шла речь, на десятках страниц, там никак не промахнуться при чтении) погибли сотни тысяч людей, происходили массовые зверские истребления. И если бы этот смех М. был только надо мной...

Единственно, где М. нашёл возможность согласиться с Б-мом, это «что население было в подавляющем большинстве недовольно советской властью». И М. добавляет для уравнивания:

«думаю, что и сами коммунисты, вплоть до высших руководителей, были не в восторге от разворота событий. Да и чему было особенно радоваться? голоду, разрухе, эпидемиям, нехватке всего, блокаде иностранных держав или окружению враждебных армий?»

Итак, недовольство коммунистических вождей, что события разворачиваются не по их плану (или слишком стремительно по их плану, чересчур), — и недовольство народа, испытывающего эти планы и эти события на своей шкуре, — поравнялись. Убийцы и убитые, палачи и жертвы соединились в общем недовольстве, что история так негладко идёт.

* Например, весной 1919 года, когда *общий* состав Красной армии достигал уже 1 800 000 человек, непосредственно на фронтах против белых и интервентов находилось лишь 382 000 человек. «Значительные силы Красной армии отвлекались на борьбу с контр-революционными выступлениями и на охрану путей сообщения». («50 лет Вооружённых сил СССР», с. 70).

По далеко не полному архивным данным, учитывающим самые крупные волнения и только по 15 губерниям (из 73 в СССР) только за 8 месяцев 1918 года произошло примерно 3 000 восстаний и попыток к ним.⁷³

В прошлой статье я приводил, что в 1918 году только из-за гонений коммунистов на Церковь было 1 414 народных выступлений. (см. «Правда», 1922, № 108, 17 мая, с. 1. Часто в литературе путают дату публикации и дату событий, и эти выступления относят к 1922 году. Это ошибка. «Правда» пишет про 1918 год).

5. Аграрный вопрос.

М. выступил в защиту точки зрения, что октябрьская революция дала народу землю. К сообщению, что в результате аграрной революции у крестьян было конфисковано в 1918 году свыше 45,7 миллионов десятин земли, М. относится иронически, так как цифру впервые произнёс Молотов — «весьма авторитетный источник». Но Молотов её только произнёс, а источник цифры, как ссылается Молотов, — статистический отдел Наркомата земледелия. Я уже отмечал выше казус М. с источниками: официальные советские данные он делит на устраивающие его и неустраивающие, последние отвергаются с порога, как пропагандные и конъюнктурные. Поскольку официальные цифры бывают верные и бывают фальсификации, необходим конкретный анализ их, а не чисто советское конъюнктурное разделение: на чью мельницу они льют воду сегодня. Цифру конфискованной земли я в прошлой статье сравнивал с данными других, независимых источников о количестве земли, принадлежавшей после столыпинской реформы крестьянам — частным земельным собственникам и частным владельцам, ещё не укрепившим землю юридически. Я показывал совпадение показателей — полученной крестьянами земли в 1906-1916 и потерянной в 1918. На этом основании я и назвал аграрную революцию социализма — аграрной контрреформой. Это важное явление, заслуживает дальнейшего анализа, и абсурдно отбрасывать подтверждённые сравнением и анализом цифры только на том основании, что они имели несчастье быть произнесёнными вождями.*

Но главная неправда М. по аграрному вопросу содержится в подмене территорий. Я несколько раз повторил, что все доступ-

* Сказанное относится вообще ко многим псевдоисточниковым аргументам М.

Нельзя отбрасывать цифру 80 000 венгерских интернационалистов в коммунистической революции на территории России только на том основании, что её произнёс Янош Кадар. Это вполне добротная цифра из советских военных архивов, которую предоставили в распоряжение Кадара в конъюнктурных целях, — от целей произнесения сама цифра не меняется. Нельзя отбрасывать цифру 30 000-40 000 китайских интернационалистов только на том основании, что её привёл Пын Мин в короткие годы советско-китайской дружбы. М. ссылается на страницу книги Пын Мина, но скрывает, что там говорится о первоисточниковом происхождении цифры. Пын Мин взял её из привременного китайского интернационалистического источника — газеты «Шэнь-бао» от 22 мая 1919 года. М. считает, что если советско-китайская дружба кончилась, то и цифра кончилась. Это приём исправления истории, известный по книге Оруэлла.

ные мне цифры и все мои расчёты относятся не к полной территории Российской империи, а только к 38 сопоставимым губерниям. На этой территории (без Польши, без национальных районов Кавказа, Средней Азии, Казахстана, без Сибири и Дальнего Востока) было в предреволюционные десятилетия 151,4 миллиона десятин сельскохозяйственной земли, из них перед революцией 117,2 миллиона десятин у крестьян, 24,3 миллиона десятин у помещиков, остальная земля у мещан, городов и Церкви. М. с невозмутимым видом ссылается на энциклопедию Брокгауза, по которой всего в 101 губернии России было 400 миллионов десятин сельскохозяйственной земли, и удивляется, как это у Б-ма получилось в 3 раза меньше земли, чем её было. Интересно, по шкале М., это — арифметическая ошибка, неаккуратность или введение читателя в заблуждение?

Из конфискованных 24,3 миллиона десятин помещичьих земель в 1918 году передано в пользование земельным обществам крестьян 16,4 млн. дес., а изъято из частной собственности и личного землепользования крестьян 45,76 млн. десятин. На этом основании и сделан мой баланс аграрной революции по условно-сопоставимой территории Европейской России без окраин и без занятых немцами и отошедших от России губерний: крестьяне потеряли 29,35 миллиона десятин сельскохозяйственной земли. Можно добавить, что в Сибири крестьяне получили 0,5 млн. дес. помещичьей земли и лишились 4,1 млн. дес. конфискованной крестьянской земли,⁷⁴ — таким образом, в Сибири крестьяне потеряли 3,6 млн. дес. земли. Ещё 0,5 млн дес. земли было конфисковано у крестьян в Туркестане. Следует отметить, что я взял максимальные данные о помещичьей земле перед революцией, другие авторы, например, Н. М. Ясный, считает 23,8 млн. дес.⁷⁵ Такое небольшое количество помещичьей и такое большое количество крестьянской земли перед революцией удивляет М. по сравнению с данными энциклопедии Брокгауза на конец XIX века, хотя М. допускает, что «непосредственно перед революцией» соотношение земель во владении крестьян и помещиков могло измениться.

Это «непосредственно перед революцией» — и есть аграрная реформа П. А. Столыпина и относится к 1906-1916 годам. Тот, кто знает о ней, не станет приводить цифр из Брокгауза на конец XIX века.

У М. «не вызывает сомнения», что после 1917 года земля принадлежала крестьянству, ибо, в противном случае, кто ж эту землю «передавал по наследству, продавал и покупал»? Шутит ли

М. опять, или не знает, что 26 октября 1917 Декрет о земле и 19 февраля 1918 Декрет о социализации земли — отменили навсегда частную собственность на землю. Право наследования, покупка и продажа земли были запрещены. Если у М. не вызывает сомнения, что после отмены частной собственности на землю крестьяне продолжали ею владеть, потому что они, а не, скажем, рабочие или интеллигенты, на ней «пахали и рубили дрова», тогда, по этой логике, должно не вызывать сомнения, что и колхозная земля принадлежит крестьянам, а лагерная — энкам. В частности, энкам принадлежат леса, и если бы я был марксистом, я бы мог доказать, что пайка на лесоповале является «прибавочным продуктом», поскольку лагерное начальство считает, что эки своей пайки не отработывают. Но без шуток — о каком владении землёй могла идти речь, если отбирали урожай? Это называется — условное землевладение, а по-марксистски «азиатский способ производства».

Но можно ещё проще ответить на вопрос М., кто пахал и сеял на конфискованных помещичьих и крестьянских землях в 1918-1920 годах. Посевная площадь перед 1917 годом в новых границах СССР была 96,1 миллиона десятин, а в 1920 — 70-75 миллионов десятин.⁷⁸ Падение посевов — 21-26 миллионов десятин, а по временным данным — больше. Отсюда голод 1921-1922 годов. Таким образом, основная часть отобранной у крестьян земли была отобрана у страны в целом, у народного хозяйства. На ней не пахал НИКТО.

6. «Мифический микроб коммунизма» или тифозная вошь?

Все объективные исследователи, писавшие по проблемам населения России 1917-1920 годов, — С. Н. Прокопович, С. С. Маслов, П. А. Сорокин, Франк Лоример, Л. И. Лубны-Герцык и др., — отмечали огромную гибель населения от коммунизма в этот период. Казённые советские авторы П. И. Попов, С. Г. Струmlin, В. М. Володарский, А. Я. Боярский и Б. Ц. Урланис и др. стремились преуменьшить численность погибшего населения, а в качестве факторов убыли назвать что-нибудь не имеющее к коммунизму непосредственного отношения. К этой же тенденции неожиданно присоединяется неподцензурный публицист М. Он обрушивается на меня за утверждение, что я считаю, что основная статья гибели населения в 1917-1920 годах — уничтожение людей коммунистическим режимом, прежде всего кровавые подавления в повстанческих зонах.

М. в начале своей статьи пообещал разобрать мою неверную методологию, и я ждал, что он это сделает. Но в нагромождении несостоятельных разоблачений мне удалось обнаружить только два аргумента, один дежурный, другой факультативный. Дежурный аргумент: Б-м пользуется случайными цифрами. Факультативный аргумент: Б-м неправильно рассчитал рождаемость на Дону.

Аргумент насчёт случайных цифр звучит грозно, и я верю, что М. приводит его совершенно искренне. Поскольку М. даже не скрывает, что все мои «случайные цифры» — это материалы переписей 1916, 1917 и 1920 годов, а также все имеющиеся цифровые источники — десятки томов статистических сборников Центрального Статистического Управления (ЦСУ) 1920-х годов, местные губернские статистические издания, выборочные обследования и т. д. Вот эти цифры, из таких источников, М. считает случайными. Что же неслучайное предлагается взамен? Официальные казённые цифры исчислений Боярского, Урланиса, анонимных клерков ЦСУ 1960-х—1970-х годов, и прочие материалы, восходящие к статистическим фальсификациям, проделанным в конце 1920-х годов бригадой Б. А. Гухмана. Читатель, не имевший сомнительного удовольствия продираться сквозь эти тонны лжи, не сможет понять праведного гнева М.: как это дилетант Б-м смеет искать свой путь через переписи, тогда как уже существуют принудительно узаконенные цифры, знакомо радующие глаз.

На этих казённых потолочных цифрах и построен раздел о 1917-1920 годах в прежней интересной статье М., из журнала Роя Медведева «XX век» («Потери населения СССР в 1918-1958 годах»)... И здесь содержится самое курьёзное обстоятельство. Все казённые цифры, используемые М., в конечном счёте восходят к тем же самым материалам переписей 1916, 1917 и 1920 годов, которыми пользуюсь и я. Разница между мною и направлением Гухмана-Урланиса-ЦСУ-М. и др. заключается в одном: они дают свои цифры без исчислений и без доказательств, в порядке принудительного кредита доверия, а как цифры получены из переписей — догадывайся, кому не страшно; я беру переписи и показываю читателю весь свой путь исчислений от источников через коррекции к итогам. Разумеется, я могу ошибаться на своём пути, но я его прохожу, а не предлагаю читателю принудительный казённый чёрный ящик.

Самому себе М. разрешает использовать переписи, прошедшие через чужие руки, а мне не разрешает самому разобрать первичные. С дутой ссылкой на анонимные авторитеты М. заяв-

ляет, что переписи никуда не годятся. Но ссылка на авторитетных учёных — очередная неправда М.: ни один серьёзный учёный, и даже ни один казённый фальсификатор, никогда не говорили, что переписями 1916, 1917 и 1920 годов пользоваться нельзя. Наоборот, все говорили, что это единственные возможные («случайные») источники, которые надо корректно обрабатывать.

Дезавуируя три всеобщих переписи, М. одновременно обвиняет меня в присвоении приоритета на обработку переписей. Но если они никуда не годятся, пусть бы себе Б-м барахтался в них, а если они хороши и надо отстаивать приоритет советских учёных в их обработке, отчего же тогда никто до сих пор не произвёл перевода итогов переписей 1916-1917 годов из границ Российской империи в новые границы СССР и никто не сделал сопоставительного анализа итогов переписей на 1917 и на 1920, с тем, чтобы узнать потери населения в границах тогдашней Советской России за три революционных года 1917-1920? Почему-то (может быть, М. объяснит) все советские демографы считают назад, в границах старой России из 1917 в 1914, сравнивают по материалам переписей дореволюционное население с довоенным, — но никто не считает вперёд, в границах Советской России, чтобы сравнить дореволюционное население подсоветской территории с населением после трёх лет коммунистического эксперимента. Я попытался по мере сил выполнить эти задачи и именно потому, что не мог сослаться на какие-либо опубликованные, действительно адекватные переписям, цифры населения в границах СССР на 1917 и на 1920 годы, вывел по переписям показатели сам и принял на себя ответственность за публикуемые цифры. Об этом я и сказал в примечании-сноске, как всегда в таких случаях любой автор просто **обязан** говорить, что исчисления принадлежат ему и не являются общепринятыми. М. назвал это обычное обязательное примечание борьбой за приоритет, но почему пусто «поле борьбы»? почему многоопытные советские демографы, да и сам М., не поработают с переписями и не отобьют опасные цифры у «неэтичного» Б-ма?

М. говорит, что переписи 1916, 1917 и 1920 непригодны, потому что неполны. Но М. не говорит, **в какую сторону** эта неполнота. А надо сказать: перепись 1917 года снижает количество исходного предреволюционного населения в будущих границах СССР, так как не учитывает нескольких миллионов беженцев и переселенцев во внутренней России с оккупированных немцами территорий. И М. в своей предыдущей статье о потерях — не учи-

тывает вообще эту добавку в исходном предреволюционном населении. А из этих людей, по ряду подсчётов, не вернулось на прежние места жительства, осело в будущем СССР и дожило до переписи 1920 года и попало в эту перепись свыше 2,3 миллионов человек. В числе постоянного населения они не учтены в переписи 1917 года и учтены в переписи 1920. Поэтому при сопоставлении исходного населения 1917 и итогового 1920 — надо прибавить к числу потерь 2,3 миллиона человек, ибо в уменьшении на такой минимум — неполнота переписи 1917 года.

Перепись 1920 года, наоборот, завышает количество населения на осень 1920, так как по Сибири, Закавказью, Казахстану, Средней Азии и ряду уездов Европейской России берёт не переписные листы, а специальные исчисления по данным 1916-1917 годов, а последние, понятно, не учитывают гибели населения за 1917-1920 годы. Переписав и дополнив специальными исчислениями население на всей территории СССР, итоги переписи 1920 года содержат, таким образом, преувеличение в 1,0-1,5 миллиона человек.

М., наоборот, сообщает, что перепись 1920 неполна в сторону преуменьшения населения и, «как известно» всем, кроме Б-ма, «по всей стране перепись учла только 70% населения». Казённые справочники и вслед за ними М. в своей прежней статье берут на осень 1920 года 134,2 миллиона человек. И если при этом М. известен коэффициент неполноты переписи 1920 — это прекрасно. Теперь мы можем узнать, что на самом-то деле в границах тогдашнего СССР жило в 1920 году $134 : 0,7 = 191,7$ миллиона человек, то есть столько, сколько было на той же территории примерно в 1962 году!

Надо признать, что в полемическом задоре М. несколько преусердствовал.

Если бы М. был казённым демографом, я бы мог понять причины: нельзя говорить об истреблении народа в 1917-1920, о гибели 12 миллионов по нижней границе исчислений, а по верхней (с учётом осевших беженцев и естественного прироста за 1917-1920 годы) — свыше 15,56 миллиона за три года.

Теперь следует остановиться на факультативном аргументе М. о методах расчёта рождаемости на Дону за 1917-1920 годы. Я называю этот аргумент факультативным, так как итоговый показатель рождаемости на Дону никак не связан с более общими ни общероссийскими, ни донскими показателями, исходными для расчётов потерь, и, кроме того, не вносит никаких колебаний

в итоги общероссийских потерь, а колебание итога донских потерь совершает в пределах нескольких десятков тысяч человек при потерях полуторамиллионных. К сожалению, прежде чем перейти к более подробному разбору вопроса, я должен отметить ещё несколько мелких статистических замечаний М. и сказать о расчёте потерь населения Дона не только в плане рождаемости, но и всех процессов 1917-1920.

а) методы М. при обсуждении статистических вопросов — сходны с его методами при разборе вопросов истории. Они сводятся к искажению моих путей исчислений и содержания приводимых мною цифр. Доходит дело до того, что, начиная статистическую часть статьи, М. говорит, что Б-м идёт нормальным путём и учитывает все факторы движения населения, в том числе рождаемость, смертность, прирост-убыль и эмиграцию, а в конце статьи по тому же поводу М. утверждает, что Б-м «понимает потери только как прямое сокращение численности населения», и этим обусловлен «конфуз» исчислений Б-ма. Пусть М. сам разберется, где он сказал здесь правду, а где солгал.

Выходит, что М. может критиковать мои цифры, только исказив, к чему они относятся. Так было с сельскохозяйственными площадями, так и в демографии. М. приводит мой условный расчёт, по которому только 2,2% взрослого мужского трудоспособного населения сельской местности 33 губерний Средней России приняли добровольное участие в коммунистической революции, а 97,8% взрослого мужского трудоспособного сельского населения — не приняли добровольного участия в революции, либо приняли участие в сопротивлении ей. М. даже цитирует мою фразу, а вслед за цитатой бросает репризу: «дети они молодцы, все против революции». М., повидимому, так увлёкся, что решил, что читатели будут следить только за его репризами и не станут проверять, о чём на самом деле говорит Б-м.

М. несколько раз повторяет, что я, например, отрицаю эмиграцию населения с Дона. В моей статье несколько раз приводится, что эмигрировало с Дона 28 000 человек, которых я исключаяю из числа потерь. М. говорит, что я недоучитываю общую эмиграцию из России, беру данные советской энциклопедии, а не Лиги Наций о российских беженцах. На самом деле, данные Лиги Наций⁷⁷ и советской энциклопедии совпадают, энциклопедия отсюда и взяла. Официальная демография и М. в своей прежней статье берут пропагандную цифру эмиграции, которую употреблял в речах Ленин: 1,5-2,0 миллиона. В моей статье тоже содер-

жится серьёзная ошибка: учтя данные Лиги Наций, я не учёл релатриацию 181 000 эмигрантов в СССР в течение 1921-1931 годов. Не учитывает её и М. По данным Лиги Наций и с учётом релатриантов, эмиграцию 1917-1920 годов надо считать 1,03 миллиона человек. Одновременно следует учитывать противоположную миграцию — оседание в границах будущего СССР к переписи 1920 года свыше 2,3 миллионов беженцев с других территорий бывшей Империи, которые не включаются в исходное постоянное население СССР 1917 года. Следует учесть и то, что я давал в предыдущей статье естественную убыль населения за 1917-1920, тогда как по другим расчётам можно найти за эти годы естественный прирост свыше 2,0 миллионов человек. Тогда по совокупности данных переписей 1916, 1917 и 1920 годов, данных иммиграции на территорию будущего СССР и данных эмиграции из России и, наконец, естественного прироста за 1918-1920, — можно найти не только нижнюю границу потерь населения, как я давал в прежней статье, но и условно-умеренно-верхнюю границу потерь за 1917-1920 годы: свыше 15,56 миллиона человек. Несколько ниже я скажу о главном — о распределении этих потерь по причинам гибели населения.

б) о расчёте потерь населения Донской области с осени 1917 по осень 1920;

М. возражает против всех донских цифр: из переписей 1916 и 1917, из переписи 1920, из данных по эмиграции, из расчётов естественной убыли. Всё, что М. говорит о цифрах переписей, дало приведенный выше абсурд, именно потому что неполнота учёта населения в переписях покрыта в публикациях материалов переписей удовлетворительными коррекциями. Я в своей прежней статье показывал это, учёл все категории отсутствующего донского населения и брал реальные показатели для населения Дона на осень 1917 и на осень 1920: соответственно 3,84 миллиона и 2,32 миллиона человек. Дефицит за годы революции и военного коммунизма 1,52 миллиона. Эмиграция, по разным источникам, от 28 000 до 28 515 человек,⁷⁸ я уже приводил в прошлой статье, и М. пишет очередную неправду, что я игнорировал эмиграцию. М. хочет списать колоссальные потери донского населения на внутренние миграции по России, хотя и общее население России не только не увеличилось ни в одной губернии за счёт донцов, но, как сказано выше, резко уменьшилось и в целом по стране, и в каждой губернии. М. сообщает совершенно абсурдную

вещь: донцы в 1919 при белом наступлении ушли в Советскую Россию. Только в том случае, если им очень понравилась сорванная их восстанием политика рассказывания и террористического истребления, тогда они, конечно, побежали от белых к коммунистам. Никуда не смогли уйти донцы и в 1920, после красной оккупации Дона в третий раз: уйти было некуда, красные захватили весь Кавказ, ринулись в Азербайджан, Грузия не пропустила отступавших белых кубанцев, на всём Кавказе началась регистрация населения, был установлен военно-полицейский террористический режим,⁷⁹ и только кто не знает этого, может говорить о миграциях масс населения в то время. Таким образом, дефицит донского населения за три года 1917-1920 за вычетом эмиграции за границы я считаю 1,49 миллиона человек. Сюда входит естественная убыль (превышение средней нормальной дореволюционной смертности над низкой революционной рождаемостью), насильственная гибель донцов на Дону, в белом и послебелом Крыму, в местах депортации и т. д.

Остаётся разделить найденные потери на условно-естественную убыль и безусловно-насильственную гибель. Как видно, это очень частный вопрос, не влияющий на полученные выше результаты абсолютных безвозвратных потерь Дона за 1917-1920 в количестве 1,49 миллиона человек. И вот этой простой и элементарной вещи М. как раз не говорит, хотя всякий добросовестный исследователь должен прежде всего определить предмет и масштаб своего разбора. Но М., разбирая мои расчёты естественной убыли на Дону, представляет дело так, что от результатов этих расчётов зависит весь объём потерь Дона. И это не ошибка, ошибка в такой простой последовательности для углубившегося в дело исследователя исключается, речь идёт о натяжке, о подмене целого частью, о том, чтобы заслонить главные результаты их частными подразделениями, никак не влияющими на общие итоги. А дело просто: при принятии за основу условно-нормальной средней дореволюционной смертности на Дону 0,0261 в год мы имеем следующие интервалы колебаний: если родилось за 3 года около 0,1 миллиона, тогда естественная убыль около 0,2 миллиона и насильственная гибель 1,29 миллиона человек. Так получалось у меня. Если родилось за три года либо 0,13 млн. либо 0,29 млн. (обе цифры исчисляет М.), тогда естественная убыль либо 0,17 млн., либо 0,01 млн., а насильственная убыль либо 1,32 млн. либо 1,48 млн.

в) смертность и рождаемость на Дону в 1917-1920;

И вот это любой добросовестный оппонент просто обязан был сказать: весь спор идёт в интервале от 0 до 0,2 миллиона при разборе вопроса о 1,3-1,5 миллиона безусловно погибших людей. Главное, обязан был сказать: все остальные расчёты, кроме моего, дают объём насильственной гибели донцов ВЫШЕ, чем дал я. Ничего этого М., конечно, не говорит.

Зато М. рассказывает читателю об опасной ошибке Б-ма, так и пишет: «опасной». Мол, Б-м берёт коэффициент естественной смертности из дефектных данных регистрации ЗАГС'ов времён гражданской войны. Я хочу успокоить читателя: ложная тревога, опасности нет, отбой. К коэффициенту 0,0261 приложена ссылка на статистический справочник, из которого явствует (как, впрочем, и из моей статьи на стр. 304), что цифра отражает среднюю довоенную смертность и восходит к таблицам смертности С. А. Новосельского. Как М. мог придумать при этом, что показатель смертности за 1911-1913 годы получен ЗАГС'ами 1918-1920 годов, — я ума не приложу. Во всяком случае, и это обвинение ложное. А следующее — совсем. Я разъяснил подробно в своей статье, что, чтобы вычесть на осень 1917 все донские потери за I мировую войну, я суммировал их в смертности до 1917 года и включил условно в коэффициент смертности 1916 года, поэтому он выше на величину коэффициента военных потерь, чем коэффициент смертности обычной для 1917 и каждого последующего года вплоть до 1920-го. М. на этом основании пишет, что по Б-му октябрьская революция так оздоровила жизнь, что смертность упала в полтора раза. Если бы М. не был демограф, я бы решил, что он не прочёл мои объяснения и не понял таблицу, но я не могу так думать. Тогда я вынужден думать, что М. ещё раз обманывает читателя, лишь бы навесить на Б-ма лишнее обвинение.

Несколько меньшую опасность, но всё же опасность (для кого?) М. видит в том, что я ищу свой собственный путь расчёта рождаемости на Дону за 1917-1920, вместо того, чтобы применять принятые в СССР расчёты. И М. приводит в противовес более надёжные расчёты, по которым: по одному получается рождаемость за 3 года 126 тысяч, по другому 289 тысяч. Разница более чем в два раза. Если это надёжные расчёты, что же тогда гадание? М. упрекает меня, что все знают, а я не знаю, что с 1917 по 1920 шёл компенсаторский послевоенный прирост населения, и рождаемость год от года росла, тогда как у Б-ма она

падала. В подтверждение М. приводит таблицу, по которой с 1917 по 1920 рождаемость упала в 2-3 раза. Да, действительно, согласно учебнику демографии рождаемость должна была вырасти. Но жизнь опровергла учебник, точнее, его опровергла смерть, ещё точнее — революция.

М. предлагает заменить мой опасный расчёт казёнными коэффициентами А. Я. Боярского. Сам А. Я. Боярский отмечает, что его коэффициенты относятся к нескольким губерниям Европейской России, за исключением Северного Кавказа,⁸⁰ куда как раз входил Дон. Но, может быть, как раз безопаснее использовать для Дона коэффициенты, которые не имеют к нему отношения?

Вот таково положение, и читатель видит, почему я вынужден был изобретать собственный расчёт, а не идти проверенным и разрешённым путём: я рисковал сделать ошибки, но избавлялся от гаданий с колебаниями в 300% и от использования безопасных казённых показателей, не относящихся к делу, зато узаконенных. Выбор передо мной был: лысенковщина, предлагаемая М., или более или менее неудачный собственный опыт. При этом, повторяю, риск был только от 0 до 0,2 миллиона и только в сторону преуменьшения насильственной гибели донского населения.

М. пишет, что я при расчёте рождаемости «прибавил к численности живущих некоторое число покойников», и что он оставляет это на моей совести. Я бы очень удивился, как это работающий в демографии человек отпускает такую репризу по поводу общеизвестного метода расчёта по коэффициентам дожития, но в другом месте М. пишет, что он знает этот метод, и что я поступаю правильно и обычно. Поэтому я оставляю и репризу, и введение читателя в заблуждение на совести М.

Наконец, последняя деталь. При расчёте рождаемости с учётом детской смертности я применил биномиальное распределение. При этом я отметил, что выбор распределения и возможность экстраполяции случайных выборок должны быть свободны от политической тенденции, и, как пример последней, я указал В. С. Немчинова, неправоммерно применявшего распределение Пуассона и экстраполировавшего урожайность опытных полей на весь СССР. М. пишет, что «биномиальное распределение любезно сердцу Б-ма», а вот если бы у Б-ма был учебник, Б-м узнал бы, что распределение Пуассона хорошо работает при анализе распада атомного ядра. Я уже выше убедился в аграрной эрудиции М., но всё-таки он даже после этого удивил меня, если он считает

колебания урожайности в разных почвенных зонах и погодных условиях похожими на ядерный распад. В случае биномиального распределения мое сердце ни при чём, а при чём, — стандартный учебник базовой статистики. Он говорит, что при экстраполяции случайных выборок на генеральные совокупности именно населения, когда имеет место дихотомическая классификация (например, живые и мёртвые, мужчины и женщины и т. п.) применяется биномиальное распределение.

В общем, М. скрыл от читателя, что спор идёт о частном расчёте, не меняющем сути дела и объёма потерь, а всё, что М. предложил взамен моего плохого расчёта, — ещё хуже. Из всего предложенного мой расчёт всё-таки наименее худший. Но это не значит, что он хорош. Он плох и ошибочен, и я приношу свои извинения читателям. Он ошибочен совсем по другим причинам, чем приводит М. Я допустил гораздо более серьёзные промахи в этом расчёте, чем считает мой оппонент, и я пользуюсь случаем сказать об ещё одном неудачном опыте. Этот расчёт берёт из переписи 1920 года только сельское население Дона 1917-1920 годов рождения, я упустил городское население. Есть и ещё большая ошибка.

Я неправомочно перенёс детскую смертность в условиях Дона 1920-1922 годов (а только за эти годы даёт выборочное обследование) на детскую смертность в условиях 1918-1920 годов. Я счёл, что на Дону условия 1918-1920 и 1920-1922 были сходными для детской смертности, но они были разными, детская сверхсмертность в 1918-1920 была больше, чем в последующие годы. Теперь я применил иной метод расчёта — по возрастным когортам мальчиков и девочек (вместе сельского и городского населения Дона) 1917-1920 годов рождения по переписи 1920 года с коррекциями по коэффициентам дожития. По новому расчёту я получил число родившихся в 1917-1920 на Дону на 60 тысяч больше, чем в старом расчёте, соответственно естественная убыль на 60 тысяч меньше, и соответственно объём насильственной гибели населения Дона за 1917-1920 тоже на 60 тысяч человек больше и составляет не 1 290 тысяч, а 1 350 тысяч человек. Это 33,9% исходного дореволюционного населения Дона. Если принять поправки М., то погибло до 1 480 тысяч человек на Дону или до 40% дореволюционного населения. Но сколько ни приписывает мне М. злой антисоветский умысел преувеличивать число потерь, я останавливаюсь на меньшей численности. М. запутывал дело факультативными вопросами, но все его возраже-

ния не могут поколебать главного — масштаба потерь Дона, ТРЕТЬ населения погибла за 3 года.

г) наконец, о «мифическом микробе коммунизма» и тифозной воши:

Частные споры по донской статистике в статье М. создают фон, на котором можно без доказательств, одной лишь сатирой, отвергнуть исчисленный по переписям объём **общероссийских** потерь населения за 1917-1920 годы. М. пишет, что «совершенно очевидно стремясь получить результат как можно **большой**» при определении гибели населения России, Б-м получил цифры гораздо меньшие, чем дают академик С. Г. Струмилин и современный справочник А. Я. Боярского. «Совершенная очевидность» моей кровожадности пусть останется на совести М. Ссылка же на цифры двух расчётов Струмилина и справочника Боярского содержит циничную неправду, если только допустить, что М. читал Струмилина, на которого он ссылается, или хотя бы прочёл цитату из справочника Боярского, которую приводит. Сравним. По Б-му, за ТРИ года, с осени 1917 по осень 1920, **гибель** населения России составила 11,3-15,6 миллиона **человек**. Струмилин в одном случае **человеческие** потери вообще не считает, он считает «**трудовые потери**» в марксистских категориях: сколько миллионов неиспользованного труда недополучил режим из-за гибели работников: находит за ТРИ года гражданской войны — 21,7 миллиона «**человеко-лет**». ⁸¹ Может быть, эту рабовладельческую статистику М. противопоставляет цифрам гибели **людей**?

В другом расчёте Струмилин считает **не гибель** людей, а **абстрактные потери** населения, включающие всех неродившихся за 1914-1920 годы. Этот расчёт не за ТРИ года, а за почти СЕМЬ лет (за 6 лет 8 месяцев), за 1914-1920, то есть включая всю I мировую войну, находит 21,2 миллиона таких абстрактных потерь вместе с неродившимися. ⁸² Может быть, эти исчисления, вобравшие мировую войну и революцию, прямую гибель и военное снижение рождаемости, М. противопоставляет цифрам **гибели** людей?

Ещё интереснее сравнение моих результатов со справочником А. Я. Боярского. М. цитирует оттуда, что за **ДЕВЯТЬ** лет, 1914-1923 (исключительно), включающие I мировую войну, революцию, гражданскую войну, голод 1921-1922 годов, за весь этот девятилетний период население России в новых границах сократилось на 23,1 миллиона человек. А я писал про ТРИ года революции, с осени 1917 по осень 1920. И здесь тот самый пункт, из-за которого вся подтасовка: я хочу выяснить потери населе-

ния не вообще, не за 9 лет, не включая I мировую войну, не включая абстрактные потери от падения рождаемости, а — конкретно гибель людей за годы революции и военного коммунизма, за те розовые годы интернационал-социализма, когда на исторической сцене действовал не столько узурпатор Сталин, сколько те, кого М. называет честными агитаторами-революционерами. М. не к добру вспомнил арифметику, а 3 года замесил в 7 и в 9.

В том-то и весь пафос статьи М.: не коммунизм убил миллионы людей. Мировая война, интервенты, белогвардейцы, погромщики, тиф, холера, грипп-испанка, что угодно, — но **не коммунизм**.

М. никак не оспаривает, что, как я приводил в прошлой статье, по официальным сводкам Наркомздрава, ⁸³ исчисляется, что с осени 1917 по осень 1920 от всей совокупности эпидемических болезней умерло не свыше 2,5 миллиона человек. Не оспаривает М. и того, что от противников коммунизма и от межнациональных конфликтов (включая погромы) вместе погибло за 1917-1920 не свыше 0,7 млн. человек мирного населения. Без потерь повстанцев в боях и при подавлениях, фронтовые потери противников за 1917-1920 годы, не оспаривает М., не превышали 1,3 миллиона человек. Таким образом, если учесть все миграции населения за 1917-1920 годы (в том числе осевших в СССР беженцев с бывших окраин бывшей Империи) и естественный прирост населения в новых границах за 1917-1920 годы, то всего погибло за первые три коммунистических года более 15,56 миллиона человек, а за вычетом эпидемий, белого и зелёного террора, межнациональных конфликтов (включая погромы) и т. д. погибло за 1917-1920 годы свыше 12,3 миллиона человек. Сюда входят потери от развязанной коммунистами гражданской войны, от уничтожения повстанцев, от искусственного голода, вызванного аграрной революцией и продразвёрсткой, от резкого повышения обычной смертности на почве голода и недоедания, от красного террора, а главное от массовых кровавых подавлений мирного населения в повстанческих зонах России.

Не тифозная вошь, а коммунизм убил прямо и непосредственно свыше 12 миллионов человек за первые три года своего эксперимента в России.

Вот тот результат, который не нравится М. Мне он тоже не нравится, и, что бы ни думал М., я хотел бы, чтобы итог потерь был намного меньше, чтобы вообще не было потерь, чтобы вообще не было социалистической революции в России и нигде.

Многочисленные эстрадные репризы М. по поводу России, его глумливые ремарки на её пепелище, проходящие всю статью

М. и составляющие её пафос, совершенно непереносимы. М. считает, что связывать произошедшую катастрофу с социализмом и марксизмом «можно лишь при достаточно расстроенном воображении». Но этот диагноз поставлен не только мне, именно так думают миллионы людей во многих странах мира. М. смеётся над «мифическим микробом коммунизма», а в качестве исторической правды приводит «титанические усилия народов России по созданию тоталитарной системы, а также то, что мировые коммунистические партии только прикрываются коммунистическими лозунгами, на деле являясь русско-советскими агентами. М. пишет: «болезненное историческое развитие привело наш народ в столкновение со всем миром». Да, если отождествлять порабощённый народ с его безумными и преступными правителями, и если объявить наш народ исконным врагом человечества, — можно и поплясать на российском кладбище. Тогда все остальные лжи М. по поводу цифр и исторических фактов — не сознательная неправда, а ослепляющая идеологическая неприязнь к этому народу.

Но я не хочу думать, что можно так раздражённо обвинять страну и народ, быть таким бесчувственным и злословящим в их трагедии.

Задача каждого из нас по мере сил изучать и раскрывать историческую правду. Сам я в работе преодолеваю много трудностей и буду рад всякой честной критике.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Л. Д. Троцкий. Речь 20 октября 1921. — Л. Д. Троцкий. Как вооружалась революция. На военной работе. Том 3, кн. 1. М., 1924, с. 29. (Далее — КВР).
- ² И. П. Уборевич. Значение маневра в гражданской войне. — «Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах». М., 1956, с. 166.
- ³ Директивы Главного командования Красной армии. М., 1969, с. 130-131. Н. Мовчин. Комплектование Красной армии в 1918-1921 гг. — «Гражданская война 1918-1921». Том 2. М., 1928, с. 79, 86-87. (Далее — Гр. в.).
- ⁴ Из истории гражданской войны в СССР. Сборник документов и материалов. Том 2. М., 1961, с. 90-92. (Далее — Из ист. гр. в.).
- ⁵ С. М. Кляцкин. На страже Октября. М., 1965, с. 364.
Л. М. Спирин. Классы и партии в гражданской войне в России. М., 1968, с. 291.
- ⁶ История Сибири. Том 4. Л., 1968, с. 113.
Л. М. Спирин. Ук. соч., с. 290.

- ⁷ Директивы командования фронтов Красной армии. Том 4. М., 1978, с. 447.
Н. Е. Какурин. Как сражалась революция. Том II. М.-Л., 1926, с. 137.
Л. М. Спирин. Ук. соч., с. 291.
- ⁸ Н. Мовчин. Ук. соч., с. 89.
С. С. Каменев. Предисловие. — «Гр. в.». Т. 2, с. 17.
- ⁹ Интернационалисты. М., 1967, с. 211, 577.
- ¹⁰ И. Уповалов. Рабочее восстание против советской власти. — «Заря». Берлин, 1923, кн. 4, с. 116.
70-летие С. М. Шварца. — «Социалистический вестник». Нью Йорк, 1953, № 1, с. 9
The Trotsky Papers. 1916-1922. Ed. J. Meijer. London-Paris, vv. 1-2. 1964-1971, vol. 2, p. 58. (Далее — Архив Троцкого).
- ¹¹ Архив Троцкого, том 1, с. 562-565.
Венгерские интернационалисты в октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов. Том 2. М., 1968, с. 225.
И. Грушин. Борьба с колчаковщиной в Кустанае. — «Пролетарская революция». (Далее — ПР). М., 1926, кн. 9 (56), с. 150 сл.
- ¹² Интернационалисты. М., 1967, с. 274-280, 324-332, 370-371, 581-582, 588, 503-594.
- ¹³ Декреты советской власти. Том 2. М., 1959, с. 40-41.
- ¹⁴ Из ист. гр. в., том 2, с. 824.
- ¹⁵ Архив Троцкого, т. 1, с. 722. См. также: Венгерские интернационалисты, т. 1, с. 220-222.
- ¹⁶ Венгерские интернационалисты, т. 2, с. 87-91.
- ¹⁷ Ф. Никонов. Главнейшие моменты организации Красной армии. — «Гр. в.», том 2, с. 60, 70.
- ¹⁸ ЦСУ СССР. Итоги переписи населения 1920 г. М., 1928, с. 7-8.
Н. Мовчин. Ук. соч., с. 79, 86-87, 89.
Ф. Никонов. Ук. соч., с. 70.
Итоги десятилетия советской власти в цифрах. М., 1927, с. 70, 74.
- ¹⁹ Л. И. Жаров, В. М. Устинов. Интернациональные части Красной армии в боях за власть советов в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны в СССР. М., 1960, с. 51.
- ²⁰ И. И. Вацетис. Гражданская война. 1918 год. — «Память». Том 2. Париж, 1979, с. 43-44.
- ²¹ В. В. Гармиза. Крушение эсеровских правительств. М., 1970, с. 280.
- ²² И. В. Сталин. Наши разногласия. Цит. по: Н. М. Киреев, Ю. И. Кораблёв. КПСС — руководитель и воспитатель Красной армии. — «Вопросы истории КПСС». М., 1962, кн. 4, с. 190.
- ²³ Собрание Узаконений РСФСР. (Далее — СУ). 1918, № 43, статья 529.
- ²⁴ Там же, 1918, № 99, статья 1015.
- ²⁵ В. И. Ленин. Военная переписка. М., 1957, с. 148.
См. также: В. И. Ленин. ПСС, т. 50, с. 343.
- ²⁶ Партийно-политическая работа в Красной армии. Документы. Т. 1. М., 1961, с. 36-37.
- ²⁷ Л. Д. Троцкий. КВР. Том 1. М., 1923, с. 358.
- ²⁸ И. И. Вацетис. Ук. соч., с. 72-74.
- ²⁹ Архив Троцкого, т. 1, с. 424-427.
Красная армия на Южном фронте. По документам и секретным при-

- казам, захваченным в боях 1-м корпусом Добровольческой армии. — "Архив русской революции". Т. XVIII. Берлин, 1926, с. 273.
- ³⁰ П. Б. Гатченко и др. Правда о Ф. Е. Дыбенко. — "ВИ". М., 1965, кн. 3, с. 202-203.
- ³¹ Архив Троцкого, т. 1, с. 716-718. Неполный (с отточием) текст см. В. И. Ленин. Военная переписка, с. 216.
- ³² А. Потяев. Доклад РВС Западного фронта. Смоленск, 1920. Цит. по: Архив Троцкого, т. 1, с. 796.
- ³³ Л. Д. Троцкий. КВР. Том 2, кн. 2. М., 1924, с. 228.
- ³⁴ М. И. Кубанин. Антисоветское крестьянское движение в годы гражданской войны (военного коммунизма). — "На аграрном фронте". М., 1926, кн. 2, с. 43.
- ³⁵ А. Н. Анишев. Очерк истории гражданской войны. 1917-1920. М., 1925, с. 252-253.
- ³⁶ М. И. Кубанин. Ук. соч., с. 43.
- ³⁷ С. С. Каменев. Очерк гражданской войны. — "Ежегодник Коминтерна". Пг.-М., 1923, с. 259, 269.
- ³⁸ Там же, с. 259.
- ³⁹ А. И. Егоров. Разгром Деникина. 1919. М., 1931, с. 145-146. Москвичи на фронтах гражданской войны. М., 1960, с. 69-70.
- ⁴⁰ "Гр. в.". Том 1. М., 1928, с. 316. "Гр. в.". Том 3. М., 1930, с. 491-492. С. С. Каменев. Очерк гр. в., с. 269. История латышских стрелков, с. 614-617. Интернационалисты. М., 1967, с. 364.
- ⁴¹ Интернационалисты. М., 1967, с. 430-433.
- ⁴² В. Р. Копылов. Зарубежные интернационалисты в октябрьской революции. М., 1977, с. 79-83.
- ⁴³ Интернационалисты. М., 1967, с. 249.
- ⁴⁴ Там же, с. 248-249.
- ⁴⁵ Там же, с. 115-116. ИГВ. Т. 3, с. 37. В. Д. Поликарпов. Пролог гражданской войны в России. 1917-1918. М., 1976, с. 287-307.
- ⁴⁶ Интернационалисты. М., 1967, с. 365. Этих дней не смолкнет слава. М., 1958, с. 100-104, 210-211.
- ⁴⁷ К. А. Морзо-Морозов. Интернациональные части Красной армии на Урале в 1918-1919 г. — "На фронте и в тылу". Пермь, 1958, с. 48 сл. Интернационалисты. М., 1971, с. 95-96. И. Уповалов. Ук. соч. — "Заря". Берлин, 1923, кн. 3, с. 78-82, кн. 4, с. 115-120, кн. 5, с. 140-143, кн. 6-7, с. 178-181. Н. Кондратьев. Начдив Железной Азии. М., 1960, с. 32-33. История латышских стрелков, с. 279-280.
- ⁴⁸ Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока. — "Известия ВЦИК". 1917, 22 ноября. Декреты советской власти. Т. 1. М., 1957, с. 113-115.
- ⁴⁹ Декреты советской власти. Т. 2, с. 435-436.
- ⁵⁰ С. М. Киров. Избранные статьи и речи. М., 1957, с. 16-20.

- ⁵¹ В. Елагин. Националистические иллюзии крымских татар в революционные годы. — "Новый Восток". М., 1924, кн. 6, с. 190-216, особенно с. 212. Д. С. Пасманик. Революционные годы в Крыму. Париж, 1926, с. 88-90 сл.
- ⁵² С. Е. Сеф. Бакинский Октябрь. — "ПР". М., 1930, кн. 11, с. 70-78. И. Я. Ратгаузер. Борьба за советский Азербайджан. Баку, 1928, с. 144-148. Б. Исханиян. Великие ужасы в городе Баку. Тифлис, 1920. Е. А. Токаревский. Очерки истории советского Азербайджана. Баку, 1956, с. 14. Д. Л. Голиков. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1975, с. 49. Г. И. Литвинова. Революционные комитеты в годы гражданской войны. М., 1974, с. 94. Очерки истории коммунистических организаций Закавказья. Т. 1. Тбилиси, 1967, с. 414-417.
- ⁵³ Национальный вопрос. Постановление Первого Всеукраинского совещания КПб Украины от 2-4 мая 1921. — "Комм. партия Украины в резолюциях". К., 1958, с. 133-134.
- ⁵⁴ Цит. по: М. Френкин. Русская армия и революция. Мюнхен, 1978, с. 246.
- ⁵⁵ Там же, с. 244. Исчисление М. Френкина.
- ⁵⁶ Цит. по: Там же, с. 245.
- ⁵⁷ Архив Троцкого, т. 1, с. 360-362.
- ⁵⁸ Книга о русском еврействе. 1917-1967. Нью-Йорк, 1968, с. 44, 46, 50.
- ⁵⁹ Там же, с. 137.
- ⁶⁰ А. Марголин. Украина и политика Антанты. Берлин, 1921, с. 310-316. E. Heifetz. Slaughter of the Jews in the Ukraine in 1919. NY, 1921, pp. 8-9, 58-65, 86-89.
- ⁶¹ В. А. Антонов-Овсеенко. Записки о гражданской войне. Том 3. М., 1932, с. 285-289.
- ⁶² Цит. в обратном переводе по: J. Bilinsky. The Communist Take-over of the Ukraine. — «The Ukraine, 1917-1921. A Study in Revolution». Harvard, 1977, p. 123.
- ⁶³ В. И. Ленин. ПСС, т. 39, с. 336.
- ⁶⁴ T. Hunczak. The Ukraine under Hetman. — «The Ukraine», pp. 61-81. M. Bohachevsky-Chomiak. The Directory. — Ibidem, pp. 82-103.
- ⁶⁵ Архив Троцкого, т. 1, с. 122-123.
- ⁶⁶ Н. В. Святицкий. Съезд членов Учредительного Собрания. Очерк событий на Востоке России в сентябре-декабре 1918 г. М., 1921, с. 60-69, 74-90, 116-162, особенно 135-138. Л. М. Спиринов. Ук. соч., с. 297-305. ИГВ, т. 3, с. 606.
- ⁶⁷ С. П. Мельгунов. Трагедия адмирала Колчака. Из истории гр. войны на Волге, Урале и в Сибири. Белград, 1930-1931.
- ⁶⁸ Н. Н. Воронович. (Сост.). Зелёная книга. Сборник материалов и документов. Прага, 1921, с. 123-127, 137-138, 142. Н. Н. Воронович. Меж двух огней. Записки зелёного. — "Архив русской революции". т. VII. Берлин, 1922, с. 171. В. Фаицкий. Зелёная армия в Черноморье. — "ПР". М.-Л., 1924, кн. 8-9, с. 71. С. С. Маслов. Россия после четырёх лет революции. Париж, 1922, с. 106-107.

- 69 С. Орджоникидзе. Статьи и речи. т. 1. М., 1956, с. 86-87.
В. Фаицкий. Ук. соч., с. 48-50.
- 70 "Советская историческая энциклопедия". т. 12. М., 1969, с. 655.
Л. М. Спириг. Классы и партии, с. 382.
С. С. Маслов. Ук. соч., с. 106.
- 71 История Сибири, т. 4, с. 112-113, 131, 134-135, 139.
Л. М. Спириг. Классы и партии, с. 288-291.
- 72 С. П. Мельгунов. Красный террор в России. 1918-1923. Берлин, 1924, с. 96, 98.
- 73 П. Н. Соболев. Упрочение союза рабочих и крестьян в первый год пролетарской диктатуры. М., 1977, с. 239.
- 74 Л. М. Горюшкин. Претворение в жизнь Декрета о земле в Западной Сибири. — "Крестьянство и сельское хозяйство Сибири в 1917-1961 гг." Новосибирск, 1965, с. 8.
- 75 N. Jasny. The Socialized Agriculture of the USSR. Stanford, Ca., 1949, p. 235-236.
- 76 Ю. А. Поляков. Сельское хозяйство советской страны накануне перехода к НЭПу. — "Исторические записки". т. 74. М., 1963, с. 112-113. Редакция газеты "Экономическая жизнь". Орган Совета Труда и Оборонь. Народное хозяйство России за 1921 год. М.-Берлин, 1922, с. 10. Исчисления мои.
- 77 League of Nations. No. A 24. 1932. Nansen International Office for Refugees. Geneva, 1932, pp. 11, 15.
League of Nations. No 26. Refugees. Russian Refugees. Geneva, 1924, p. 2.
- 78 Штаб Донского Корпуса. Казаки в Чатлдже и на Лемносе в 1920-1921 гг. Белград, 1924, с. 4, 12-13.
- 79 Н. Ф. Бугай. Северо-Кавказский Ревком — чрезвычайный орган советской власти в 1920 г. — "Исторические записки". т. 93. М., 1974, с. 273-289.
С. П. Мельгунов. Красный террор, с. 97, 99-105.
- 80 А. Я. Боярский. Население и методы его изучения. М., 1975, с. 226.
- 81 С. Г. Струмилин. Трудовые потери России в войне. — "Народное хозяйство". М., 1920, кн. 12, с. 105.
- 82 С. Г. Струмилин. Наши трудовые ресурсы и перспективы. — С. Г. Струмилин. Проблемы экономики труда. М., 1957, с. 48-49, 43.
- 83 Статистический ежегодник 1918-1920 гг. Вып. 2. — "Труды ЦСУ". том VIII, вып. 2, глава XIV.
Статистический ежегодник 1921 г. Вып. 2. — "Труды ЦСУ". т. VIII, вып. 4, глава XIV, с. 89-101.
Л. И. Лубны-Герцык. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М., 1926, с. 29-30.
Е. З. Волков. Динамика народонаселения СССР за 80 лет. М.-Л., 1930, с. 189-191.

ПРОБЛЕМЫ И ИСТОРИЯ ЭМИГРАЦИИ

К выходу книги о матери Марии

С. ЖАБА

ЗА ДРУГИ СВОЯ...

В своей книге* о. Сергей Гаккель говорит о сподвижниках матери Марии — отце Димитрии Клепинине и Илье Исидоровиче Фондаминском-Бунакове — преимущественно в той мере, в какой их судьбы соединились с ее судьбою. Так и следовало: ведь книга написана о матери Марии.

Цель этой статьи заключается в том, чтобы дать краткое жизнеописание и характеристику о. Димитрия и И. И. Фондаминского. Разумеется, я не буду повторять того, что уже рассказано о. С. Гаккелем.

Скажу также несколько слов и о матери Марии, особенно о ее идейных взаимоотношениях с Н. А. Бердяевым.

**

Книга о. Сергия Гаккеля читается с большим волнением, обогащает душу. Мне она дорога еще потому, что я знал и любил мать Марию и ее сподвижников.

Их судьба, их гибель отмечены светлым знаком жертвенной смерти за Правду Христову. В этом их главная, чудесная особенность. Мать Мария писала из гитлеровского плена Митрополиту Евлогию и своему духовному отцу, о. Сергию Булгакову: «Принимаю страдания всецело, смиренно. Так должно быть. Если придет смерть — я хочу принять ее как благодать».

Тем же светом Христовым проникнуты сын ее Юра и друзья ее, о. Димитрий и И. И. Фондаминский. Здесь уместно вспомнить слова Н. А. Бердяева в его «Самопознании»: «В личности матери Марии были черты, которые так пленяют в русских святых женщинах: обращенность к миру, жажда облегчать страдания, жертвенность, бесстрашие».

Слова ответственные, очень значительные — и очень верные.

* О. Сергей Гаккель. МАТЬ МАРИЯ, Умса-Press, Paris 1980.

Помню Елизавету Юрьевну, говорившую с полной убежденностью и некоторым изумлением: «В нашу эпоху мир, еще недавно твердый и неподатливый, как бы расплавился... Невозможное становится возможным...»

Мать Мария на рю Лурмель

И здесь, быть может, золотой ключ к тайне Елизаветы Юрьевны, вскорости — матери Марии. Говорю о тайне, потому что отдача себя всецело, до последнего вздоха, делу христианского претворения мира, просто и убедительно, на всех путях жизни, любовно и жертвенно, без малейшего пафоса — за все годы творческого труда, радости и великого горя, чудесной любви и правед-

ного гнева — все это, при всей своей наглядности для друзей матери Марии, для знавших ее, для спасаемых ею, не может не заставить призадуматься: да, просто, наглядно ... Но в каждом подвиге, за наглядностью его — тайна души человеческой. Кажется мне, через всю жизнь матери Марии прошла эта уверенность в необъятной силе человеческого духа, при условии всецельной жертвенности, готовности погибнуть за правду, а тем более — за Правду Христову. И гибель эту — «смерть огнепальную» — увидела, как мы знаем, еще юная Елизавета Юрьевна. Но дело это, бывшее возможностью, стало неизбежным делом жизни, раз «мир расплавился» — и наши творческие усилия приобрели большую власть в добре и зле ... А о русском рассеянии мать Мария говорила: «Мы здесь стали страшно свободными, и как обязывает нас эта свобода...»

И вот, самые трудные дела творились ею как будто легко и просто. По крайней мере на первый взгляд — как стихи Пушкина...

Я привел знаменательные слова Н. А. Бердяева о матери Марии (1940 г.). Написал он пять лет спустя и статью о ней. Вернее сказать, это была не статья, а слово, оглашенное мною на собрании памяти матери Марии (если не ошибаюсь, летом 1945 г.). Сам Николай Александрович был нездоров и не мог быть на собрании. Осталось в памяти: огромный зал, переполненный до предела, напряженно-значительное настроение, сочетание торжественности с глубокой взволнованностью.

(Через несколько дней, на рю Лурмель, поминало мать Марию «Православное Дело», ею созданное. Помню сердечное, трогательное слово покойного Митрополита Владимира...)

Вот несколько наиболее характерных мыслей Н. А. Бердяева о матери Марии:

«Мать Мария... одна из самых замечательных и одаренных русских женщин, каких я в жизни встречал. Меня связывали с ней дружеские отношения, которые имели разные периоды. Я очень любил мать Марию, хотя иногда жестоко с ней спорил. Сложность ее личности выражалась в том, что в прошлом она была социалисткой-революционеркой и осталась человеком революционных настроений, она была поэтом, публицистом, общественным и религиозным деятелем. Она представляла собой новое явление в Православии и особенно в монашестве. В молодости она прошла через русский культурный Ренессанс начала века (...) Ее душевная формация была уже иная, чем у традиционной русской интеллигенции. А когда она стала монахиней, то чувствовалось, что она

не принадлежит к традиционному православному типу, и это в православных кругах вызвало к ней вражду у многих (...) Она стремилась к новому типу монашества, не созерцательному, а активному, действующему в мире и отвечающему на мучительные запросы мира, на муку мира. Это совпадало и с моими мыслями: нужно было прокладывать новый религиозный путь.

Должен признаться, что я не сочувствовал принятию монашества матерью Марией. Я думал, что это не ее призвание и что она встретит настолько большие трудности у церковной иерархии, что, может быть, принуждена будет покинуть монашество, что очень тяжело. Благодаря личным отношениям с Митрополитом Евлогием, ей удалось сохранить довольно большую свободу.

Мать Мария была человеком сильного темперамента, постоянно нуждающимся в действии. Социальные мотивы были сильны в ее религиозности... Эмигрантская среда была для этого очень неблагоприятной.

Она производила впечатление оптимистки. В ней был избыток жизни. Но когда вышел сборник ее стихов, в них обнаружилось скорее пессимистическое и горькое чувство жизни (...) Ее религиозность не была спокойной, в ней было что-то трагическое, это была борьба с Богом, порожденная человеческим страданием. Страдание и жалость. Ей не казалось легким разрешение проблемы теодицеи.

Многому в моих идеях она сочувствовала и они действовали на нее оплодотворяюще, особенно в последний момент это чувствовалось. Но одно время она была близка к о. Сергию Булгакову и софианскому направлению. В это время она спорила со мной, противопоставляя идею рождения идее творчества. Это было как бы борьбой мужского и женского начала.

Здесь, за рубежом, она находила мало людей, подходящих для осуществления ее целей. Но одно ей удалось, ей удалось запечатлеть свой оригинальный образ и оставить память о нем. Излучения от человека действуют и тогда, когда это незримо. Никакой творческий порыв не проходит бесследно. Она была уже новой душой в христианстве, была одной из тех, в которых подготавливалась новая эпоха в христианстве.

У нее была одна неизменная любовь-страсть, любовь к России и к русскому народу. В ней была славянофильская закваска, но славянофильство было не консервативным, а революционным.

У меня было впечатление, что она стремилась к жертвам и страданию, хотела умереть за русский народ. Конец ее был героический.»

Таково было отношение Н. А. Бердяева к матери Марии.

Но нет ли здесь противоречия?

В «Самопознании» у матери Марии — «черты, которые так пленяют в русских святых женщинах».

А в статье пять лет спустя — «Новый религиозный путь!»

Противоречие лишь кажущееся: ведь возрождение церковной жизни и совершается через некое возвращение «к истокам».

О «борьбе» матери Марии «с Богом» говорит поэт Георгий Раевский, с несколько другим оттенком: «Стихи матери Марии — отражение ее жизни, этой великой и непрестанной тяжбы с Богом: Не отпущу, пока не благословишь! И мать Мария как бы добавляет: ...пока не благословишь всех тех, за кого я готова отдать свою жизнь».

Однако, кажется мне, не менее знаменательны другие черты в многосложной жизни и творчестве матери Марии. Как бы в ответ на утверждения о ее пессимизме, и «борьбе с Богом», звучат ее слова:

О, Господи, я не отдам врагу
Не только человека, даже камня.
О Имени Твоем я все могу.
О Имени Твоем и смерть легка мне.

Потому что мать Мария чувствовала и знала, что она — «орудие Бога», что она служит замыслу Божию, что Дух, животворящий ее, есть Дух, животворящий Апостола Павла, первохристиан:

Я говорю торжественно: во Имя
Во Имя крестное, во Имя крестных уз,
Во Имя крестной муки, Иисус,
Я делаю все дни мои Твоими.

Действенное, творческое осуществление воли Божией, беззаветная любовь ко Христу. А затем, уже в мире ином:

И ринется Тебе навстречу
Изголодавшийся огонь.

Навстречу Христу — душа матери Марии.

И «трагизм» и «пессимизм» растворены в великой радости. Здесь преодолена духовной силой «борьба с Богом». Как преодолена она в бесконечно волнующем стихотворении на смерть дочери Гаяны.

***

Мать Мария любила русский народ, как редко кому дано от Бога. Но приняла она смерть за Христа. Или же, можно сказать, за русский народ — во имя Христа.

Как мы видели, Н. А. Бердяев кратко упоминает о спорах с ним матери Марии: «рождение» против «творчества». На первый взгляд — неясно. Ведь вся жизнь матери Марии была исполнена многообразного творчества. Здесь нужно вспомнить об одной очень важной идее Н. А. Бердяева:

«Человеческая личность творится Богом в вечности, во времени же человеческое существо рождается от человека. И рождается человек из материнского лона, которое предназначено к рождению, а не творчеству (...) Личность для природного индивидуума есть задание (...) Индивидуум (...) совсем не обладает цельностью и единством (...) и все может в нем быть смертью».

К творчеству призвана личность, потому что она — образ и подобие Божие. Для нее — «совершенно непереносима мысль, что она есть не Божие, а человеческое творение».

Для матери Марии такое противопоставление решительным образом невозможно. Само исконное сотворение человека по образу и подобию Божию освящает и рождение человека. Оно — священо. И душу свою мать Мария полагала не за «природных индивидуумов», а за детей Божиих, часто падших и блудных.

«По образу и Подобию» ... Образ дан, а Подобие задано. Оно — замысел Божий о человеке, конечно, замысел творческий. Ему мать Мария и была верна до конца. То или иное отношение к «софианству» о. Сергия Булгакова здесь ничего не меняло.

Н. А. Бердяев пишет о прекращении спора между ним и матерью Марией. Но так и должно было быть. Наступили грозные годы с иными страшными проблемами, вызывающими полное единение Н. А. Бердяева и матери Марии.

Но ведь и сам Бердяев нашел чудесные слова о рождении, о материнстве:

«Женщина-мать не рождает (..) она также излучает благую теплую энергию, окутывает ею живые существа, выброшенные в страшный, чуждый мир. Это очень чувствуется в культе Божией Матери. Покров Божией Матери — в этом очень большая глубина».

Слова — как будто подсказанные служением и подвигом матери Марии.

Мы знаем, как верила она в высокое призвание русского народа. Но чувствовала опасность для него, для его миссии в том

свойстве, которое было глубоко враждебно ее природе: в духовном мещанстве, когда мелкое обывательское самодовольство и устройство жизни в двух измерениях (даже не в трех) заглушают зов Божий и могут даже стать основными свойствами режима или власти. Помнится статья матери Марии на эту тему, «Герань и Иван Калита» (в газете «Дни»), очень в свое время замеченная. Указывая на эту опасность, мать Мария глубоко верила в преодоление ее.

Несколько воспоминаний. Тысяча девятьсот двадцать девятый год. «Золотой век» русской эмиграции. Чудесные празднования «Дня Русской Культуры» в Трокадеро и в Сорбонне. Многообразие идейно-общественных течений. Религиозно-философская Академия. Русская наука. Русское искусство. «Современные Записки», другие журналы и газеты. Блистательные имена... Конечно, Христианское Студенческое Движение (10, бульвар Монпарнас). И каждый вечер чуть ли не по десятку собраний и докладов ...

Имя Елизаветы Юрьевны Скобцовой уже у многих на устах. Одни ценят и любят, другие — злобствуют. Так и будет до конца...

Я встречался изредка с Елизаветой Юрьевной. Сперва знакомство далекое. Но вот ей вздумалось меня «проверить». «Не правда ли, — говорит она, — какое печальное время? Реакция торжествует, повсюду религиозные искания...» «Вот и хорошо, что религиозные искания!» — отвечаю я очень решительно. Елизавета Юрьевна улыбается: «Ну, значит, приглашаю вас в «Кружок по изучению России» Георгия Петровича Федотова...» Еще бы не согласиться!

Первый год — русские мыслители. Второй год — русские святые. Елизавета Юрьевна — о Хомякове и, знаменательным образом, о св. братьях Борисе и Глебе. Хомякова она особенно любила, написала о нем очень вдумчивую превосходную книжку.

Так началась наша дружба.

Тысяча девятьсот сорок второй год. Столовая матери Марии для бедных эмигрантов. Новости с фронта: под Харьковом погибло полтора тысяча русских солдат. Вдруг, некто: «Жаль, что так мало!» — Мать Мария бледнеет. Неотразимый гнев... И неотразимое презрение:

«Ступайте вон! Адрес Гестапо вам конечно известен...»

«Некто» уходит с таким видом, будто уличен в мелкой краже.

А после ареста матери Марии немецкий военный прокурор сказал Д. Е. Скобцову:

«Вы не можете себе представить, сколько мы получили на нее доносов...»

Тысяча девятьсот сорок третий год, незадолго до ареста матери Марии.

Встреча с представителем «Русского (впоследствии Советского) Патриота», тогда одной из сопротивленческих организаций. Встреча по его просьбе и, конечно, неспроста. Помню, что были А. А. Маклаков, Н. А. Бердяев, М. М. Тер-Погосян (с.р., очень деятельный резистант), К. В. Мочульский, мать Мария.

Слушаем чтение дрянных большевистских листовок (газета еще не выходила). «Представитель» кончил — и смотрит выжидательно. Бердяев вопросительно взглядывает на мать Марию, она понимающе опускает голову, и он обращается к Тер-Погосяну: «Михаил Матвеевич, расскажите, что нового на фронте?..» Так до конца никто и не взглянул на «докладчика».

В том же году, за несколько дней до ареста матери Марии. Встретился с ней у одних друзей — и мне вдруг стало страшно за нее. Тоскливый страх, как бывает во сне. Весь вечер чувство невыносимой тревоги ... Это была наша последняя встреча.

Сын матери Марии Юра, «светлый отрок», как называл его К. В. Мочульский, юноша, не ошибавшийся в том, что справедливо или несправедливо, юноша незлобивый, нестрогие слова которого были наградой или приговором. Юноша, полный радости жизни, готовый отдать душу свою за дело Христово — и отдавший ее. Мечтавший стать священником — и каким чудесным пастырем он бы стал...

Помню, в дни оккупации я упомянул матери Марии об одном моем решении. При следующей встрече она радостно промолвила: «Юра сказал, что вы поступили по правде». И я принял ее слова так же радостно, как они были сказаны.

Мать матери Марии, Софья Борисовна Пиленко, столь многими любимая. Бог дал Бабушке, как все друзья звали ее, долгую жизнь: 100 лет без четырех месяцев... Она потеряла сына (офицера Белой Армии), дочь, внучат. Одна — хотя и среди друзей — твердая духом, ясная сердцем, без горечи, с великой любовью ждала она встречи со своими дорогими. И неустанно разбирала и переписывала многочисленные рукописи матери Марии (стихи, статьи, очерки, которые никто, кроме нее, разобрать не мог бы.

Закончила — и тихо ушла от нас, в Доме отдыха, созданном ее дочерью.

Я еще успел привести к ней мою жену, и она благословила нас. И мне показалось, что в благословении чудесной Бабушки было светлое касание ушедших дорогих друзей.

«Тот самый праведник, без которого ... не стоит село, ни город, ни вся земля наша».

Можно сказать не обинуясь: для тех, кто знал отца Дмитрия Клепинина, встреча с ним была подлинным духовным событием. Те, в чьей памяти он живет (а в особенности многочисленные духовные дети его) помнят и знают: он был подлинным праведником, исполненным Правды Христовой. При строгой взыскательности к себе, не было в нем суровости к ближним. Но кто встречал его взор, слышал его тихую, неторопливую речь, сам становился требовательным к себе. Вот я сказал о «тихой, неторопливой речи» о. Дмитрия, и мне вспомнились слова Герцена о Константине Аксакове: «Он за свою веру пошел бы на площадь, пошел бы на плаху, а когда это чувствуется за словами, они становятся страшно убедительными».

О. Дмитрий был духовным «будителем», бесконечно скромным пастырем, не искавшим ничего для себя, а все лишь для дела Христова. Быть может, потому он и стал настоятелем церкви «Православного Дела», созданного матерью Марией как раз для победы заповедей Христовых в жизни, и за его великую скромность и полное бесстрашие отца Дмитрия можно было бы назвать капитаном Тушиным Воинства Небесного.

О каждом человеке — свой замысел Божий. Так же, как и мать Мария, отец Дмитрий этот замысел выполнил.

Знаменательно сложилась судьба о. Дмитрия. Его духовным отцом был о. Сергей Четвериков — и вера, светлая и непобедимая, привела о. Дмитрия к мученическому венцу. А его крестным отцом был Д. С. Мережковский — и нелегким путем пришел о. Дмитрий ко Христу...

О. Дмитрий родился в 1904 г., в Пятигорске, третьим ребенком в семье архитектора Андрея Николаевича Клепинина и Софьи Александровны, урожденной Степановой. Через несколько лет они переехали в Одессу. Семья была с широкими культурными интересами, музыкальная. Софья Александровна приходилась двоюродной сестрой сестрам Гиппиус и была особенно близка

с Зинаидой Гиппиус, которая в своей книге «Д. С. Мережковский» называет ее «моя любимая кузина Соня».

Семья была верующей (особенно С. А.), но не церковной. Дети были лишены церковной традиции. Мать много занималась своими детьми (Николаем, Татьяной и Димитрием), часто беседовала с ними, читала им Евангелие. Она основала небольшой детский сад, а затем — школу, где преподавание велось по новым методам. Она вела общественную работу, особенно в бедных кварталах Одессы. Она была одна из первых судей-женщин. Когда в 1919 г. она была арестована ЧК, ее спас молодой чекист, знавший ее по работе с бедной.

Димитрий покинул Одессу в разгар большевистского террора, до отъезда его семьи. Он поступил, с согласия родителей, юнгой на торговый пароход и проплавал несколько месяцев. Интересно и показательно: вся команда в нем души не чаяла. Он встретился со своими уже в Константинополе, где семья Клепининых поселилась на первых порах после эвакуации. Димитрий возобновил свое прерванное учение, поступив в американский колледж. Затем Клепинины обосновались в Югославии, в Белграде. Там Андрей Николаевич продолжал с большим успехом свою работу как архитектор.

Следует упомянуть о двух важных эпизодах трудного духовного пути о. Димитрия. Первый случился еще в Одессе, когда Димитрию было 15 лет. Удрученный арестом матери, он пошел в церковь помолиться и стал, заложив руки за спину. И вот, к нему подошла монахиня и сделала замечание, что так в церкви не стоят. Димитрий вышел — и больше в церковь не ходил.

Второй эпизод — уже в Югославии. Очень знаменательно, что одно из важнейших событий духовной жизни о. Димитрия — на этот раз, ко спасению — тоже связано с его матерью. Случилось это через несколько лет после ее смерти (она умерла в 1923 г.). О. Димитрий (тогда еще Димитрий Андреевич) рассказывает в письме к одному своему другу:

«Я в первый раз понял значение страданий, когда осознал, что все, на что я надеялся в жизни, ушло от меня. Об этом моменте я всегда вспоминаю как о самом тяжелом в моей жизни и о самом радостном ... Почти всякий человек переживал в жизни такой острый момент опустошения или кризиса. Но радость посетила меня, когда на память пришли слова Спасителя: «Придите ко Мне все нуждающиеся и обремененные и Аз упокою вы»... Я пришел на могилу моей матери с тяжелым игом житейским, и все

казалось таким запутанным и безысходным — и нашел легкое бремя Христово. После этого я иначе устроил свою жизнь».

Можно сказать со всею убежденностью: это был момент благословенный.

В то же время, очень утвердило его в вере и помогло духовно его участие в Православном студенческом Кружке, основанном в Белграде молодыми Зерновыми, друзьями Димитрия по Кавказу. Кружок был совершенно исключительный по силе религиозного чувства, по духовной взволнованности, по широкой открытости проблемам религиозным, философским, социальным, общекультурным...

Николай Михайлович Зернов вспоминает:*

«Свое единство мы нашли в Церкви. Она была для нас «столпом и утверждением истины», силой, способной возродить каждого человека и преобразить нашу родину (...) Учение Православия о свободе человека, о даре богообщения, данного людям, помогли нам понять себя (...) Мы осознали (...) что старые образцы перестали удовлетворять человечество. Мы знали также, что на крови, насилии и ненависти нельзя построить лучшего будущего. Из Кружка, из старших руководителей его, вышли многие видные деятели Зарубежной Церкви, Экуменического движения, РСХД...»

Димитрий Клепинин глубоко проникся настроенностью Кружка. Его очень полюбил Митрополит Антоний (Храповицкий), посещавший Кружок, а также о. Алексей Нелюбов, духовный отец многих членов Кружка».

О Митрополите Антонии Н. М. Зернов пишет: «У него было необычайное сочетание политического консерватизма с церковным радикализмом. Он был решительным противником того мертвящего бюрократизма в церковном управлении, который лишил духовенство инициативы (...) Больше кого-либо другого он сделал возможным восстановление Патриаршества в России. Он был новатором в богословии (...) У него было полное отсутствие подобострастия перед властью имущими, смелость суждения и независимость характера. Его большим даром было умение привлекать к себе молодежь (...) Он полюбил наш кружок. Его приезды были настоящим праздником для всех».

* «За Рубежом». (Хроника семьи Зерновых) Ymca-Press, Paris, 1973.

А об о. Алексее Нелюбове вспоминаем Софья Михайловна Зернова: ж оноо глндртг, овнн, до оного вкратч оновлнцн, влнцн тнэмом. «...Наш духовник и утешитель (...) и строгий и бесконечно благостный, любил каждого из нас, разделяя наши радости и горести, наставлял нас, утешал, прощал и вымаливал».

Таковы были люди, духовное общение с которыми помогло Дмитрию Клепинину окончательно обрести свой путь. Правда, на это он и был призван.

В 1924 г. он решил поступить в только что основанный в Париже Богословский Институт, в Сергиевском Подворье. Его любимым наставником был о. Сергей Булгаков. Дмитрий кончил Институт в 1929 г. Получив стипендию, провел год в Нью-Йоркской Духовной семинарии. Он занимался там, главным образом, Апостолом Павлом, который, по словам о. Димитрия, стал для него тогда «близким и дорогим».

Вернувшись в Европу, он сперва работал, для заработка, в Югославии, на Борских медных приисках, где был архитектором его отец. Следующий этап — Чехословакия — много дал Дмитрию в духовном отношении. В Братиславе он помогал в церкви о. Сергию Четверикову и стал его духовным сыном.

А затем вернулся в Париж. Жилось ему нелегко. Он занимался тяжелым физическим трудом: мыл стекла витрин в магазинах, натирал полы ... Но не падал духом. Он принимал постоянное участие в РСХД, пел много лет в хоре Введенского храма (храм Движения) на бульваре Монпарнас, неизменно бывал псаломщиком в лагерях молодежи, при о. Сергии Четверикове, по-прежнему его духовном отце.

Дмитрий не чувствовал призвания к монашеству, но всей душой хотел стать священником. И когда, в 1937 г., он женился на Тамаре Федоровне Баймаковой, то, в том же году, был рукоположен Митрополитом Евлогием и Епископом Сергием Пражским, в Александро-Невском соборе. Сперва он служил в родном и близком ему Введенском храме РСХД. А в 1940 г. он стал настоятелем храма при общежитии на рю Лурмель, к большой радости матери Марии, которая предоставила ему и его семье стол и дом. Письмо к другу, на которое я уже ссылался, несколько знакомит нас с душевным миром о. Димитрия и проливает свет на его пастырское служение. Он пишет:

«Характерно, что в будущем веке не будет веры и надежды, останется только освобожденная от всего прикладного — Любовь. Она несомненно есть содержание жизни, т. к. жизнь сотворена

любовью и заключается в возвращении к первооснове — Любви. Все остальное есть испытание воли к этому возвращению. Все положительное вырастает из любви, все отрицательное — неправильное выражение любви, паразит на теле любви. Такова сущность всякого греха, а следствие его — страдание, отделение от любви».

Как не вспомнить: «Любовь, которая движет солнцем и другими звездами»...

Мать Мария расчищает участок в Нуази-ле-Гран (весна, 1936 г.)

Быть может немногие знают, что Митрополит Евлогий советовал своим духовным детям: «Когда я умру — исповедуйтесь у отца Димитрия».

Одна духовная дочь о. Димитрия, не назвавшая себя, свидетельствует о нем, как о пастыре-духовнике, в сообщении, прочитанном на собрании памяти матери Марии и ее сподвижников (в 1968 г.). Это свидетельство особенно дорого потому, что оно помогает понять тайну светлого, исцеляющего влияния отца Димитрия:

«Вот история моего спасения... Отцу Димитрию пришлось извлекать меня из состояния горькой безнадежности. Не дай Бог

человеку увидеть воочию свою черноту, став лицом к лицу со злом, которое он причинил, и с невозможностью его поправить. Это — состояние адское. Отец Димитрий взялся за мое лечение. Это выражалось в неослабной заботе и попечении. Он научил меня молиться, молился за меня, молился со мной, лечил меня Церковью. Он приобщил меня к жизни Церкви. Он всем существом своим — не поучением — дал мне понять, что такое любовь. Он возился со мной, как мать с ребенком, а ведь это был чрезвычайно занятой человек! А потом, когда мне полегчало, он придумал средство отвлечь меня от моих страданий, заставил меня заниматься другими, включил меня в цепь страданий других».

И далее духовная дочь проливает свет на другую сторону служения о. Димитрия:

«В санаториях, убежищах, госпиталях десятки и десятки русских туберкулезных, других больных, хронических больных, стариков томилась брошенные, забытые, в ужасных условиях. Время было тяжелое — оккупация, было не до них. Отец Димитрий взялся за это дело. Для него как бы не было трудностей, он их преодолевал ... Кого только мы не навещали! В убежищах, санаториях, меблированных комнатах, в отелях последнего разряда жили одинокие, больные, беспомощные, старые ... Были и не старые, никому не нужные, в большинстве случаев озлобленные, потерявшие надежду. У отца Димитрия был дар открывать их и находить тех, кого общество именует «подонками».

Так началась новая эпоха моей жизни и меня эти «подонки» спасли.»

И духовная дочь заключает: *тэвшнрэвд янрвМ атМ*

«Отец Димитрий — скромный, даже застенчивый человек, связанный в движениях и словах, простой ... А ведь он был необыкновенно умен, тем умом, который выше того, что обыкновенно называют умом. Он был мудр... Найдя Бога, он ухватился за Него всеми силами. А они у него были немалые. Ему недостаточно было осознавать себя христианином — надо было стать священником. Став священником, надо было стать мучеником... *рвэвг*

Я встречаю его у остановки трамвая. Идет дождь. Он промок. Сообщает мне с радостью, что его переводят на Лурмель, к матери Марии... Он счастлив. Свет, идущий от него, так ощутим»...

Я не знаю духовной дочери о. Димитрия. Не знаю, кто она. Но низко кланяюсь ей за ее свидетельство об о. Димитрии. Потому что всего значительнее свидетельства тех, души которых он

спасал, влагая в это служение всю свою душу, как впоследствии спасая гонимых, отдал жизнь.

Вспоминается, конечно, что мать Мария посвятила такую большую часть своего служения таким же бесконечно несчастным людям, забытым, опустившимся, пьяным, часто душевно-больным. Забытым, конечно, не Богом, потому что Он послал им мать Марию и о. Димитрия. Конечно, мать Мария и о. Димитрий были очень разные люди, но благодать обитала в них одна.

Мы знаем, что о. Димитрий особенно чтит св. Филиппа, Митрополита Московского, исповедника правды, заступника за гонимых, мученика. Но был и другой святитель, на которого о. Димитрий ссылался, особенно в дни оккупации: св. Иоанн Златоуст.

Иоанн укрыв в храме и спас своего ненавистника, евнуха Императрицы, который искал погубить святителя злой клеветой. Но евнух сам впал в немилость, должен быть схвачен и казнен. И Иоанн Златоуст, с большей опасностью для себя, не отказал своему злейшему врагу в священном праве убежища.

Отец Димитрий как бы провидел свой мученический конец. В том же письме к другу мы читаем:

«Особенно ярко идея любви, как самоцели, выражается в мученичестве. Св. Игнатий Богоносец, в своей молитве перед мученьями, просит, чтобы звери «смололи» его тело, дабы оно стало «хлебом Христовым». Показателен тропарь мученицам: *мврвсв*

«Тебе, Женише мой, люблю и ТЕБЕ ИЩУЩИ, страдальческую и сораспинаюся, спогребаюся Крещению Твоему и стражду Тебе ради яко да царствую в Тебе и умираю за Тя, да и живу с Тобою. Но яко жертву непорочную прими мя, с любовью пожертвуюся Тебе...» *рвнрвд рдтвнн рдтвнн рдтвнн*

Об о. Димитрии, на этом последнем пути, рассказывает Федор Тимофеевич Пьянов: *д рвнрвд рдтвнн рдтвнн рдтвнн*

«Люди в жизни крайне небрежны друг к другу. Мы обычно проходим мимо людей не замечая их, потому что они не представляют собой ничего примечательного — ни по внешности, ни по манере говорить: просто обыкновенные люди. Скромные, застенчивые. Таким был о. Димитрий в жизни. А между тем это был замечательный человек и священник. В чем же его замечательность? Я знал Диму Клепинина, а потом отца Димитрия в течение 23-х лет, а узнал и понял его по-настоящему только за год до его смерти. Мы провели вместе около года в лагере Компьянь. Без преувеличения могу сказать, что год, проведенный с ним, для меня был милостью Божией ... *рвнрвд рдтвнн рдтвнн рдтвнн*

Основные, последние вопросы человек решает сам лично и только Бог может в этом помочь — Бог открывается человеку. Но из опыта с о. Дмитрием я могу спокойно утверждать, что Бог может говорить и через человека. Из опыта с ним я понял, какую огромную духовную, душевную, моральную помощь может оказать другим человек, как друг, товарищ и духовник...»

Вспомнив о свидетельстве духовной дочери, мы увидим, что в гитлеровском плену духовная сила о. Дмитрия еще умножилась.

В лагере смерти, в страшной Доре, о. Дмитрий прежде всего отказался от значка, указывавшего, что он — из Франции: с русскими из Советской России обращались еще хуже и он хотел разделять всецело страдания своего народа. Он делился своими пере-

дачами с голодными заключенными. Когда он погибал, теряя последние силы, некоторые друзья-заключенные сказали заведующему работами, что о. Дмитрия следовало бы перевести на самый легкий труд, потому что он — больной старик. Но на вопрос, сколько ему лет, он ответил, — тридцать девять... А выглядел он стариком. О. Дмитрий неспособен был на неправду. Так неизбежен стал его арест. Так неизбежна стала его смерть.

В лагере смерти, в страшной Доре, о. Дмитрий прежде всего отказался от значка, указывавшего, что он — из Франции: с русскими из Советской России обращались еще хуже и он хотел разделять всецело страдания своего народа. Он делился своими пере-

дачами с голодными заключенными. Когда он погибал, теряя последние силы, некоторые друзья-заключенные сказали заведующему работами, что о. Дмитрия следовало бы перевести на самый легкий труд, потому что он — больной старик. Но на вопрос, сколько ему лет, он ответил, — тридцать девять... А выглядел он стариком. О. Дмитрий неспособен был на неправду. Так неизбежен стал его арест. Так неизбежна стала его смерть.

Понятно само собой, какой ответ дал о. Дмитрий.

Ф. Т. Пьянов вспоминает о его любви к жене и маленьким детям — и заключает:

«Как горячо он их ни любил, все же свой путь гибели он избрал по глубокой вере, любовно, добровольно, ибо в этом был его крест, заповеданный Христом».

Слова о. Дмитрия:

«Как может жизнь не быть оправдана и прекрасна, если Христос — Жизнедавец».

И эту жизнь он отдал — «любовно, добровольно».

Да, тот самый праведник, без которого ... не стоит село, ни город, ни вся земля наша.

И. И. Фондаминский: «Отец»

Фондаминский: «Отец»

«Из такого теста святые делаются», сказала мать Мария об Илье Исидоровиче Фондаминском-Бунакове, после гибели его. О нем, о социалисте-революционере, когда-то одном из вождей партии с.-р. О социалисте-народнике, исповедовавшем «русский социализм», во имя «двуединой правды». Теперь сказали бы «социализм с человеческим лицом».

Один из основоположников русского народничества, Н. К. Михайловский, первый дал этой «двуединой правде» знаменательное определение:

«Всякий раз, как мне приходит в голову слово Правда, я не могу не восхищаться его поразительной красотой. Такого слова нет, кажется, ни в одном европейском языке. Кажется, только по-русски истина и справедливость называются одним и тем же словом и как бы сливаются в одно великое целое... Безбоязненно смотреть в глаза действительности и ее отражению, правде-истине... и в то же время охранять правду-справедливость... такова задача...»

Верховная ценность человеческой личности, служение «двуединой правде», служение беззаветно любимому народу, своего рода «соборность» — вот начало пути И. И. Фондаминского.

Мать Мария любила говорить, что наше народничество, а сущности, — славянофильство, без веры в Бога. Сама она была народницей, эту веру сохранившей, как и многие другие с.-р. Духовное преображение народничества — один из путей ко Христу.

Преодоление марксизма привело ко Христу о. Сергия Булгакова, Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, П. Б. Струве, Г. П. Федотова...

Кажется, путь от марксизма к Правде Христовой — преодоление, а от народничества — преображение...

Ленин и пошедшие за ним, исполненные черной злобы, не имели корней ни в духовном прошлом русского народа, ни в русской общественной мысли. Их ненависть к Богу — ненависть «взбесившихся мещан», их презрение к человеку — все это трагическим образом положило конец длительному недоразумению: они не входили в «орден русской интеллигенции» (счастливым определением И. И. Фондаминского). Были они лишь, как выразился бы Г. П. Федотов, его «псевдоморфозой» — и притом прескверной. Вспомним притчу о плевелах...»

О русской интеллигенции писал К. В. Мочульский в сборнике «Православное Дело»:

«Исповедуя Христа или борясь с Ним, признавая Церковь или восставая против нее, — западничество, славянофильство, социализм, анархизм, толстовство были явлениями христианского духа, событиями христианской истории. Конечно, на поверхности было богоборчество и безбожие, и самый крайний материализм, но все эти падения и заблуждения свидетельствовали только о необычайной напряженности религиозного процесса, совершавшегося в глубинах народной души. Если Дух Святой есть любовь к ближнему, милосердие, жажда правды, справедливости, верим мы — русская мысль никогда не была виновна в хуле на Духа. Русская интеллигенция, уйдя от Христа, служила делу Его».

С громадной силой сказал обо всем этом В. А. Тернавцев, чиновник Святейшего Синода и вольной богослов, в своем вступительном слове к Религиозно-философским Собраниям — встречам между выдающимися представителями русской интеллигенции, пришедшими к вере, и представителями Православной Церкви в 1903-м году.

(О Тернавцеве писала Зинаида Гиппиус: «Все, знавшие его, слышавшие его огненные речи, чувствовали в них пафос не ораторский — иной. Человека со столь высокими языками настоящего пророческого пламени нам никогда больше встречать не приходилось».)

Вспомним и слова А. С. Хомякова:

«Тот уже христианин (по крайней мере, до известной степени), кто любит правду и ограждает слабого от притеснений сильного... Не Христа ли любит тот, кто любит правду? Не тот ли Его ученик, сам того не ведая, чье сердце открыто для сострадания и любви? Не единственному ли Учителю, явившему в Себе совершенство любви и самоотвержения, подражает тот, кто готов пожертвовать жизнью и счастьем за братьев?».

Фондаминский пожертвовал своей жизнью за братьев. Жизнью, но не счастьем: он был счастлив умереть за Правду Христову, к которой привело его служение «двуединой правде». На его жизненном пути глубокий духовный опыт сочетался с яркой, смелой общественной деятельностью. Верен ли был самый путь его? Об этом пусть каждый судит по-своему. Одно несомненно: И. И. избрал его по своему разуму и совести...

Мне довелось лишь раз встретиться с ним в России, в сентябре 1917-го года. Он держал слово перед огромным собранием, и

скажу, не обвиняясь: озлобленная толпа постепенно преображалась, затихали темные страсти, люди становились лучше, хотя бы на время... Толпа преображалась в народ...

Я узнал и полюбил И. И. в Париже.

Помимо дарования большого общественного деятеля, его отличала «духовная взволнованность» (одно из любимых его выражений), душевная чуткость, дар легко, просто, внимательно подходить к людям, к каждому человеку. Он делился своим духовным подъемом, своей радостью общественного служения. В общении с ним души людей становились юными, как его душа.

Друг всей его жизни, В. М. Зензинов,* вспоминает о знаменательном и таинственном духовном переживании юного И. И., поистине опыте мистическом, в 1902-м году, когда он впервые сидел в тюрьме. Это был большой духовный перелом, который дал направление всей его будущей жизни. Тюремные стены как бы раздвинулись и перед его духовным сознанием предстала та новая и светлая правда, «ради которой только и можно и должно жить». И. И. понял, что в основе этого преображения лежало религиозное начало. Из тюрьмы он вышел другим человеком, пережившим новый духовный опыт. И. И. стал на путь, ведущий ко Христу.

Духовный опыт ... Опыт мистический ... А после этого — вступление в партию с.-р. ... Понять это можно, помня, что И. И. сохранил в то же время идеал своих отроческих лет, идеал «двуединой правды». В порыве жертвенного идеализма, с беззаветным воодушевлением, шла тогда молодежь в партию с.-р., веря всей душой, что избирает правый путь. Чудесный ораторский дар, сердечное воодушевление, редкая осведомленность... Его прозвали «Непобедимым». И он действительно был таким, в борьбе за «русский социализм» против напористого марксизма, с его научной несостоятельностью и духовными изъянами. В дни первой революции он не знал поражений на громадных собраниях, на многолюдных съездах.

В те дни, в России, представителями различнейших общественных течений, было сказано все главное о марксизме, все уничтожающие аргументы против него. Н. А. Бердяев, осенью 1947 года, на «Rencontres Internationales de Genève» почувствовал себя отброшенным на 50 лет назад.*

* В. М. Зензинов. «Памяти И. И. Фондаминского». Новый Журнал № 18, passim.

* Николай Бердяев. Самопознание, Умса-Press, Paris, 1949.

Чем многочисленнее бывали собрания, тем прекраснее становился ораторский дар И. И. Здесь, с нами, в эмиграции, он читал мастерские, увлекательные доклады. Но нельзя сравнить с тем, как он говорил в России. И все же, как потрясены были слушатели его словом о славянофилах. Как после его доклада о замечательно организованных переселениях крестьян в Сибирь Глинка, организатор их, благодарил И. И. со слезами на глазах...

В далекие годы молодости И. И. знаменательно определялась его судьба. Когда после роспуска первой Государственной Думы (в июле 1905 г.) партия с.-р. призвала к вооруженному восстанию, И. И. был послан центральным комитетом партии на восставший крейсер «Память Азова». И затем ждал в тюрьме военного суда и смертного приговора. Все было подготовлено для его бегства, но возможны были человеческие жертвы. И. И. решительно отказался. Как отказался он от бегства из гитлеровского плена, незадолго до своей гибели.

Военный суд оправдал его. Стража расступилась. Тогда один из членов суда подошел к жене И. И. и тихо сказал ей: «Увозите скорей вашего мужа за границу». В прежней России, даже в жестокие дни ее истории, не умирал дух человечности и милосердия.

Первая эмиграция. Искания новых путей партии с.-р. (журнал «Почин», созданный И. И. и Н. Д. Авксентьевым). Дружба с Д. С. Мережковским и Зинаидой Гиппиус и, под их влиянием, еще более углубленные религиозные искания. А в 1914-м году — стойкая патриотическая позиция.

Февральская революция. И. И. опять в России. Он был одним из лучших знатоков аграрного вопроса и на всероссийском крестьянском съезде в мае 1917 г. его доклад был положен в основу проекта земельной реформы, сорванной октябрьским переворотом.

Еще больший успех имел доклад И. И. о войне. Готовилось наступление. Всеми силами преодолевали преступную большевистскую пропаганду, всяческую разруху, бесконечную усталость от войны. Эта усталость сильно сказалась и на крестьянском съезде. Но то же съезд, после доклада И. И., единодушно послал благословение нашим полкам на наступление, которое, как тогда верили, будет спасительным для России.

И если вспомнить, что в конце сентября 1917 г. Австро-Венгрия и Турция просили мира у Временного Правительства, несмотря на нашу полную неудачу на фронте, и что переговоры должны были начаться с начала ноября (почему Ленин, предупрежденный кем следует, так спешил с большевистским переворо-

том), то можно себе представить, какое решающее значение имел бы успех нашего июньского наступления...

Осенью И. И. был назначен Комиссаром Временного Правительства при Черноморском флоте. И. И. с радостью принял это назначение. Несмотря на страшный напор темной стихии, обаяние И. И. побеждало. Пока он оставался при флоте, большевики не могли взять верх. И. И. был избран в Учредительное Собрание от Черноморского флота громадным большинством. А когда он уехал в конце декабря в Петербург — все рухнуло. Памятные трагические события января 1918 г.

На единственном заседании Учредительного Собрания некий матрос, узнав И. И., навел на него ружье. Один из депутатов Таврической губернии, с.-р. и, несповедимыми путями, — баптист, спас И. И., воскликнув отчаянным голосом: «Брат! что ты делаешь?» ...Это спасло не только И. И.: выстрел матроса был бы сигналом к поголовному истреблению членов Учредительного Собрания...

И. И. перешел на нелегальное положение. После того, как партия с.-р., в мае 1918 г., на своем 7-ом Совете, постановила начать вооруженную борьбу с большевистской властью и открылся Самарский фронт, фронт Учредительного Собрания, И. И. пытался пробраться в Самару. Попытка не удалась. Но непостижимым образом И. И. избежал ареста и расстрела: комиссар, проверявший его документ, «не узнал» его.

Юг России... Вторая эмиграция ...

Здесь, в Париже, продолжалось и закончилось общественное служение И. И. Он отдал все силы многосторонней, неустанной общественной работе, отходя, в то же время, все дальше от партийных интересов.

Первым большим общественным делом было создание журнала «Современные Записки», совершенно исключительного по своей культурной ценности, объединившего цвет русской эмиграции. И. И. был одним из его основоположников, вместе с Н. Д. Авксентьевым, В. В. Рудневым, М. В. Вишняком и рано умершим Гукковским. Пять эсеров ... Но могу засвидетельствовать: многие представители второй эмиграции, чтобы полнее приобщиться к русской культуре, к культуре «Вечной России», читали «Современные Записки» от первой книжки до последней. Среди них покойный М. М. Коряков.

Характерны и ценны свидетельства о Фондаминском В. М. Зензинова, В. С. Варшавского, Г. П. Федотова.

Вот слова В. М. Зензинова:

«С годами круг интересов и практическая работа И. И. становились все шире. Он часто помогал всем духовным исканиям и всем культурным начинаниям ... Но любимым детищем его был журнал «Новый Град», который он создал вместе с Г. П. Федотовым и Ф. А. Степуном.

Очень дороги для него были собрания в его кабинете на религиозно-философские темы с матерью Марией и другими участниками «Православного Дела». И. И. старался убедить в том, что он считал общечеловеческой правдой, старался воздействовать на ближнего. Вот почему, беседы с ним (...) превращались в задушевный разговор о том, что собеседника мучило, на что тот искал ответа для себя. И после многочасовых разговоров из его кабинета выходили люди, если не с просветленной душой, то с просветленным лицом. Вот почему его так и любили те, кто его знал. В натуре И. И. было несомненно что-то проповедническое, апостольская устремленность».

А В. С. Варшавский в своей книге «Незамеченное Поколение» вспоминает:

«Все, кто встречал Фондаминского в последние годы перед войной, чувствовали, что этот апостольский энтузиазм и интеллигентский героизм без малейшего внутреннего противоречия соединялись в его сердце с христианским подвижничеством».

Г. П. Федотов* нашел особенно сердечные слова, вспоминая о И. И.:

«Первое, что поражало и покоряло в Фондаминском, была его сердечная доброта... Она казалась безграничной. Разная бывает доброта. Доброта И. И. проявлялась ярче всего в аспекте кротости. Удивительна была его мягкость и деликатность в отношениях с людьми. Казалось, он готов был принять всякого человека в братское общение, все ему простить и верить в кредит. Совершенно неслыханной в кругу русской идеологической интеллигенции была его терпимость к чужим убеждениям, даже самым далеким, самым враждебным. Он всегда старался понять противника в его основной правде, не переспорить, а переубедить его... К нему шли не только как к другу, а почти как к духовнику или светскому старцу. Он никогда не обличал, не возлагал тяжкого бремени. Он сочувствовал, переживал сам чужое горе и давал надежду... Если считать, что совершенная любовь должна пре-

* Г. П. Федотов. «И. И. Фондаминский в эмиграции». № 18 «Нового Журнала», *passim*.

одолеть и милость, то любовь И. И. не была совершенной. В его любви не хватало и другого (...) Не хватало совершенно личного отношения, того, что можно назвать моментом выбора, избрания».

Но так ли это? Ведь сам Г. П. Федотов писал:

«Имею ли я право называть себя другом И. И. в русском смысле этого слова? По совести, не знаю. Наверно, были люди, которые знали его глубже и ближе, но «иных уж нет, а те далече» ...

Мы знаем о его подлинной, глубокой дружбе с В. М. Зензиновым, о дружбе его с матерью Марией, с К. В. Мочульским, с С. М. Зерновой и, конечно, с о. Дмитрием. Не забудем о старой дружбе его с Д. С. Мережковским и Зинаидой Гиппиус. Что касается великого множества людей, которым И. И. помогал духовно, душевно, материально, то несправедливо было бы ожидать от него «совершенно личного отношения» к ним.

Была помощь ближнему — и была широкая общественная работа (даже создание русского театра, издание произведений молодых русских писателей и поэтов).

Как писал И. И.:

«Эмигрантские политические организации (...) не связаны с народными массами. А эмигрантские массы расплывены и беспризорны. Надо идти в эмигрантский народ. — (Вспомним, что тогда «эмигрантский народ» еще не существовал). — Надо поднять его на большую духовную высоту, которая обязательна для него, если он хочет быть передовым отрядом в борьбе за освобождение России. Тогда духовное влияние обязательно передастся из эмиграции на родину».

Скажут: идеализм, бескрайний оптимизм. Но здесь важна основная духовная установка И. И., чтобы понять его как человека. Как уже было сказано, И. И. принадлежит знаменательное определение: «Орден русской интеллигенции. Основные черты: народолюбие, жертвенность, борьба за правду». (Я уже упоминал о мнениях К. В. Мочульского, В. А. Тернавцева...)

И. И. призывает в «Новом Граде»:

«Надо воскресить Орден, орден воинов-монахов, пламенно верующих в правду учения и готовых на жертвы и подвиги для освобождения России...»

Журнал «Новый Град» был создан во имя подлинного нового града. В сущности, задача его — в государственном, общественном, социальном плане — была очень близка задаче «Православ-

ного Дела»: христианизация жизни, преобразование ее Христовой Правдой.

По словам Г. П. Федотова, И. И. утверждал, что великие идеологии 19-го века должны быть очищены в горниле христианской правды и опыте истории.

В «Новом Граде» с И. И. Фондаминским, Г. П. Федотовым и Ф. А. Степуном участвовали Н. А. Бердяев, о. Сергей Булгаков, К. В. Мочульский, мать Мария...

В то время (в 1932-м году) я жил в Рамбуйе. И. И. приезжал с Г. П. Федотовым и А. Савельевым, талантливым журналистом, близким нам по духу. Помню наши долгие беседы на берегу чудесного озера, раскинувшегося перед историческим замком. Беседы — о создании «Нового Града». Скорбь И. И. о кончине бесконечно любимой жены была в полной силе. Мы это знали, но как было почувствовать ее, затаенную в глубине души И. И., когда мы были свидетелями такой окрыленности, такой радости о любимом деле, об этой творческой мечте, как бы возникавшей в каждой мысли, в каждом слове И. И. Чувствовалось с особенной силой, что жертвенность И. И. — не долг, а призвание.

А вот еще вспомнилось... 1936-ой год — год победы «народного фронта». Совершенно случайно — неправдоподобно случайно — встречаюсь с И. И. на авеню Ваграм, у входа в *salle Wagram*. Надпись: общее собрание С.Ф.И.О. (т. е. социалистической партии).

Переглянулись — и вошли. На эстраде Леон Блюм. Изящный, невероятно интеллектуальный, неизбежно слабый, как будто обреченный. Рядом с ним невероятно старый Александр Брак, который мог свободно говорить по-латыни и по-гречески. Не забудем, что и молодой Жорес написал свою диссертацию по-латыни. Такое когда-то было время...

Александр Брак, сказавший тогда историческую фразу: «Наконец-то! наконец-то начинаются для нас затруднения!».

А также — Поль Фор, генеральный секретарь партии. Скинув пиджак, говорит битый час — самоуверенные, пустые, банальные слова. Очень аплодируют...

И. И. глубоко вздыхает: «Ведь вот, всю жизнь учишься, считаешь, размышляешь — а оказывается, ничего этого не нужно»...

«Кипучая деятельность» — выражение избитое, но как сказать иначе?

И. И. входил в общение с самыми разными общественными группами, с идеологическими течениями, часто очень далекими от него (повторяю это снова), с «пореволуционными» кружками

и клубами молодежи, и всюду нес свое слово правды. Г. П. Федотов замечает, что «Илью Исидоровича слушали очень охотно, но при слове свобода затыкали себе уши». Это не совсем так. «Оппозиция» в «Союзе Младороссов», создавшая журнал «Русский Временник», прониклась началами свободы и демократии. Имело здесь значение и неустанное слово И. И.

Следует упомянуть и о его большом труде, не совсем оконченном. В ряде книжек «Современных Записок» мы находим «Пути России» И. И. На основании изученного им громадного материала, он доказывал сродство России с Востоком, с его великими Царствами. Можно не соглашаться (а по моему крайнему разумению, нельзя согласиться) с основной установкой И. И., но в труде этом — много ценного и нового.

Наряду с «Новым Градом», любимым детищем И. И. был «Круг»: собрания, объединяющие молодых писателей-монпарнасцев с участниками «Православного Дела» и «Нового Града». Обсуждались самые разнообразные темы — религиозные, литературные, историософские — с глубокой искренностью и желанием понять друг друга.

Политика вторгалась неизбежно: коричневые тучи надвигались все ближе. Помню, как примерно за год до войны И. И. поделился с нами замечательной новостью: Гитлер одобрил план немецкого министра земледелия Дарре. В завоеванной России будут возведены бесчисленные фермы-замки для немцев-колонизаторов, а русские крестьяне станут рабами — на «тысячу лет»...

Во время оккупации многие члены Круга ушли в Сопротивление, разумеется, ни один не стал коллаборантом.

Помню, как через несколько месяцев после «четвертого раздела» Польши Круг принимал одного большого польского поэта, друга русской культуры. Это был вечер волнующей скорби, братского горя...

Вас. Яновский, в своих Воспоминаниях, чудесно воссоздал особую, глубоко своеобразную атмосферу собраний Круга. Могу лишь добавить — и это одно из дорогих мне воспоминаний — что в высказываниях каждого участника была та глубокая, ответственная искренность, которая приводит на память слова: «Во правду, ничего кроме правды». Люди были очень разные, но в словах каждого сам собой раскрывался их духовный опыт.

Очень мило вспоминает В. Яновский о котях, любимцах-баловнях Фондаминских. Вношу поправку: не было двух котов, был лишь один — сиамский кот Зензин. Кот этот прославился: когда жена И. И. уехала на восемь дней, не спросив разрешения Зен-

зина, он объявил голодную забастовку и все восемь дней ничего не ел. А прозван он был так потому, что подарил его Фондаминским В. М. Зензинов.

У Г. П. Федотова создалось впечатление, что с крушением Франции И. И. «потерял сердце», перестал верить в победу, был безнадежно подавлен. Для него «поражение в этой войне было окончательным торжеством зла на земле (...) в пределах нашей исторической эпохи».

Это — не так. Могу засвидетельствовать, что И. И. сохранил веру в победу над «злом на земле», сохранил свою неизменную «молодость духа». С каким негодованием требовал он у немецких властей, чтобы они вернули ему забранную ими его библиотеку, которую он с такой любовью собирал столько лет. Их ответ можно было предвидеть: «Скажите спасибо, что еще не забрали вас самих!»

Много слов бодрости и надежды слышали в те дни от И. И. его друзья.

Тамара Федоровна Клепинина напомнила мне один случай. Как-то вечером собрались у матери Марии ее друзья: о. Димитрий с женой, Н. А. Бердяев, К. В. Мочульский, С. В. Медведева (будущая мать Елисавета). И в тот вечер И. И. особенно вдохновенно говорил о своей вере в победу... А ведь тогда Англия держалась из последних сил, Америка отсиживалась за океаном, Сталин дружил с Гитлером...

Как объяснить ошибку Г. П. Федотова? Когда немецкие войска приближались к Парижу, Федотовы приняли участие в «великом исходе». Они оказались на острове Олероне, а И. И. — в Аркашоне, вместе с Н. А. Бердяевым, К. В. Мочульским, Мережковскими. Вскоре все они вернулись в Париж. Но вскоре Федотовы покинули Францию. Борис Вильде-Дикой, «первый резистант» (кстати, придумавший самое название «Resistance») устроил им тайный переход в «свободную зону» и они уехали в Соединенные Штаты. Г. П. Федотов очень недолго видался в Париже с И. И. и сделал слишком поспешные выводы.

Пишу я об этом потому, что когда-нибудь, в свободной России, будут изучать пути и судьбы нашей эмиграции и не обойдут, конечно, и Фондаминского-Бунакова. И тогда свидетельство Г. П. Федотова, исключительно одаренного общественного и церковного деятеля, историософа, историка Церкви, блестящего публициста (кажется мне, у нас, после Герцена, ни у кого не было такого чудесного слога) — свидетельство это могло бы оказаться решающим. Лишь потому я даю здесь свое «показание».

И. И. остался во Франции, несмотря на уговоры друзей, потому что хотел принять свою судьбу как верующий христианин и, в то же время, разделить участь евреев, своих братьев по крови. Крещение он принял уже в гитлеровском плену, как в древней Руси принимали перед смертью схиму.

После ареста двукратный отказ от вполне подготовленного побега приводит на память такой же отказ молодого И. И., ожидавшего в ревельской тюрьме расстрела.

Когда, в Дранси, ему грозила со дня на день отправка в какой-нибудь лагерь смерти, мать Мария со свойственной ей исключительной смелостью вызвала к себе телеграммой старшего врача лагеря. Она приняла его очень торжественно. Восседала в монашеской мантии, а по сторонам ее — еще две монахини, тоже в мантиях. Мать Мария говорила с врачом как «власть имущая», выбирала слова особенно веские. Впечатление было громадное. Потрясенный, старший врач дал слово, что будет задерживать И. И. в лагере Дранси. Но, как раз в эти минуты, Илью Исидоровича увозили, с очередным транспортом увозили в Дахау...

он «Жить с христианами»... С оставшимися в Париже матерью Марией, о. Димитрием, Н. А. Бердяевым, К. В. Мочульским...

Сам И. И. стал христианином, в душе своей, с давних пор. Помню, как он со светлым лицом осенял себя крестным знаменем во время богослужений в церкви Покрова, на Лурмели. По верному определению Г. П. Федотова, И. И. восстановил в своем лице чин оглашенных. Сам И. И. отвечал: «Недостойн»... Но было здесь и другое. Он не решался огорчить, глубоко и болезненно, единокровных ему друзей-евреев в те трагические дни. А у жены его Амалии Осиповны, тоже уверовавшей, было странно и трогательное опасение вечной разлуки со своей покойной матерью...

«После гибели И. И. моральный и творческий уровень эмигрантской жизни трагически понизился», — говорит В. С. Варшавский. А духовный смысл этой гибели прекрасно раскрывает Г. П. Федотов:

«Вольная смерть, внешне бесцельная и неоправданная, отказ защитить свою жизнь от убийц — «Яко агнец непорочен прямо стригущему его безгласен» — есть русское выражение кенотического подражания Христу. В непротивленчестве своем бывший революционер, из льва обратившийся в агнца, стал учеником — думал ли он об этом, — первого русского святого, князя Бориса. Русский религиозный кенотизм с первых дней русского христианства нашел двойной исход своей жажде подвига: в соци-

Стали обсуждать вопрос, кто как отправится в Пюхтицы: кто поедет на автомашине, кто на подводе, кто пойдет пешком.

Монахиня Мария без колебаний присоединилась к наиболее молодым, здоровым, выносливым и веселым, к тем, кто пошел в Пюхтицы пешком.

От Иевве до Пюхтиц двадцать километров.

Большую часть пути мы прошла с веселыми песнями. «Журавель, журавель-пташечка, канареечка жалобно поет... Эх-раз, эх-два, горе не беда, канареечка жалобно поет...»

Монахиня Мария шла с нами, все время улыбалась тихой, ласковой, внутренней улыбкой очень близорукого человека и, нам казалось, почти пела с нами.

Потом, при приближении к монастырю, мы запели молитвы. «Царице моя преблагая, надежда моя Богородице...»

Монахиня Мария продолжала идти с нами и улыбалась нам все той же улыбкой.

По дороге она рассказала нам, что приняла монашество недавно, — шесть месяцев тому назад. (Монахиня Мария приняла монашество в марте месяце 1932-го года). По ее словам, в начале она хотела принять тайный постриг, но как-то невольно получилось так, что она стала монахиней открыто. Она — монахиня без монастыря, живет в миру, по благословению митрополита Евлогия, постригшего ее в монахини. С удовольствием она рассказывала о происхождении своей монашеской одежды, говорила, что эта одежда особенно нуждалась в освящении, что ей дано вернуть в церковь эту поруганную священную одежду.

Она рассказала также, что до принятия монашества она много курила и что после пострига ей еще долго снились большие соблазнительные папиросные окурки.

Некоторые из нас за дорогу приутомились, подсаживались к ехавшим на подводах. Монахиня Мария бодро прошла всю дорогу пешком.

Кроме монахини Марии в Пюхтицы из Парижа приехали председатель Русского Студенческого Христианского Движения проф. В. В. Зеньковский и духовный руководитель Движения прот. о. Сергей Четвериков.

Монахиня Мария после принятия монашества встретила с о. Сергием Четвериковым впервые в Пюхтицах. Ее волновала эта встреча. Она не знала, как отнесется о. Сергей Четвериков к ее монашеству и к ее намерению, став монахиней, остаться в миру.

Своим волнением она поделилась с нами, ее спутниками.

Потому, уже на съезде, она рассказала, что беседа с о. Сергием состоялась и прошла удачно: о. Сергей одобрял и ее монашество, и избранный ею путь прохождения монашества в миру.

К о. Сергию монахиня Мария относилась с большим уважением, и ее очень обрадовала его благожелательность.

На съезде в Пюхтицах монахиня Мария выступила с докладом «Наш путь» (О работе Русского студенческого христианского движения) и провела семинар по вопросам социальной работы.

Состоялась также ее беседа с монахинями Пюхтицкого монастыря. Но эта беседа была проведена вне занятий съезда.

В то время монахиня Мария была местным секретарем Русского студенческого Христианского Движения в провинциях Франции, много разъезжала по местам русского рассеяния во Франции, главным образом по промышленным центрам, где был сосредоточен пролетариат русской эмиграции. Она отлично знала «Европы фабрики и города, Европы фермы, шахты и заводы».¹

Вот места написания стихов монахини Марии 1928-го — 1933-го годов: Страсбург, Гренобль, Марсель, Марсель-Порт, Лион, Тулуза, Ницца, Париж, Нанси, Ним, Мец, Безансон, Лилль, Бордо, Монпелье, Канн, Вилльпрэ, Антиб, Клозон, Тамарис, поезд Ницца-Париж, поезд Париж-Нанси, Невер, Клермон-Ферран.

Монахиня Мария рассказывала о рабочих фабриках и заводов, строящих молитву Иисусову под повороты колес машин (вместо четок). Много рассказывала она о безработных, нищих, пьяницах, наркоманах, отчаявшихся, проводящих ночи под мостами Парижа и других городах, о психических больных.

Это было время экономического кризиса на Западе.

Монахиня Мария говорила и писала: шоферский заработок уменьшился в три раза; в Париже около 400 безработных, нуждающихся в общественной помощи, — из них в ночлежных ночует 70 человек. В провинции безработных еще больше. В Лионе трещит вся шелковая промышленность, в которой занято много русских. В Марселе не хватает ночлежных домов для бездомных. В Эльзасе осенью покончило с собой 11 русских.²

В таком преломлении ее занимал и волновал экономический кризис.

¹ Неопубликованное стихотворение — «И в эту лямку радостно впрягусь» («Тетрадь», раздел «Люди», 6-ое стихотворение).

² «Социальный вопрос и социальная реальность», «Новый град», № 4 — 1932 г., Париж. Стр. 74.

Общее положение в то время она характеризовала словами: «Человек человеку стена».³ «Нам приходится действовать в нашей совместной жизни, навещать больных, кормить безработных, учить детей, общаться со всеми видами человеческого горя и человеческого падения, иметь дело с пьяницами, с преступниками, с сумасшедшими, с унывающими, с неверующими, с опустившимися, — со всей духовной проказой нашей жизни...».⁴

До того мы знали эмиграцию Бунина, Зайцева, Шмелева; Бердяева, Булгакова, Зеньковского, Шестова; Ходасевича, Сирина, Цветаевой, Михаила Чехова, Шаляпина, Павловой, Рахманинова, Стравинского, Гречанинова; Релина, Билибина, Коровина. От монахини Марии мы узнали о другой эмиграции.

Русская эмиграция была по преимуществу мужской, и деятельность монахини Марии протекала по преимуществу в мужской среде. «Братья, братья, разбойники, пьяницы...», «Что Ему я за братьев отвечу?...», «Я брату слуга и опора...», — пишет монахиня Мария в своих стихах. «Подвел ко мне, сказал: усынови Вот этих, — каждого в его заботе. Пусть будут жить они в твоей крови, — Кость от костей твоих и плоть от плоти...».⁵

О своем самочувствии монахиня она позже писала:

«...Чем эгоистичнее, т. е. чем обмирщенное человек, тем более он отрешен от подлинной жизни мира, тем более мир для него — некий неодушевленный комфорт или некая неодушевленная пытка, которым противопоставляется его единственно одушевленная пытка, которым противопоставляется его единственно одушевленное «Я»...

...Чем больше мы входим в мир, чем больше отдаем себя миру, тем менее мы от мира, потому что мирское себя миру не отдает...».⁶

«...Нет, не удаленье,
А приближенность новая ко всем...».

А приближенность новая ко всем...».

³ Там же, стр. 76.

⁴ «Мистика человекообщения», альманах «Круг», изд. «Парабола», Париж, 1937 г., стр. 154.

⁵ Стихотворения «Братья, братья, разбойники, пьяницы», «Что Ему я за братьев отвечу...», «Где, Каин, твой брат...», «Подвел ко мне, сказал: усынови...» в кн. «Стихи», Петрополис, 1937 г. стр. 24, 26, 29, 23.

⁶ «Мистика человекообщения» стр. 155.

⁷ «Духов день», Терцины, поэма, сб. «Мать Мария», Париж, 1947 г. стр. 25.

О. Сергей Четвериков о Пюхтицком съезде написал статью «После съезда», которая была напечатана в «Вестнике Русского Студенческого Христианского Движения».⁸

В статье он с одобрением отозвался об участии «монахини из Парижа» в работе съезда.

Пребывание в Пюхтицах было кратким. Эстонские власти дали разрешение на въезд «парижан» в Эстонию всего лишь на пять дней. Поэтому и съезд продолжался всего пять дней, вместо предполагавшихся семи.

После съезда в Пюхтицах монахиня Мария приезжала в Ригу и здесь прожила около двух недель. В Рижском женском Свято-Троицком монастыре ей была шита настоящая женская монашеская одежда, которая ей очень подошла.

Она часто бывала в нашем Единении на Тургеневской улице, дом № 21-а.

Здесь я узнал, между прочим, о крайней близорукости монахини Марии. Когда она, бывая в Единении, читала письма своей матери, Софьи Борисовны Пиленко, она подносила их близко-близко, почти вплотную, к глазам. Она рассказывала, что ее письма С. Б. Пиленко не всегда может прочесть: почерк монахини Марии был неясный. С. Б. Пиленко, рассказывала монахиня Мария, говорила: «Придет письмо, — значит жива. А как живет — Бог знает».

Русские путешественники всегда отмечали необычайную живость и стремительность парижской интеллектуальной молодежи.

Дочь монахини Марии — Гаяна (Кузьмина-Караваева), с которой я познакомился позже, и в этой среде выделялась необычайной, какой-то огненной живостью.

В одном из своих стихотворений, посвященных памяти дочери, монахиня Мария так и говорит о ней: «пир огня и света».⁹ Не следует понимать эти слова монахини Марии условно и видеть в них нечто фигуральное. И эти слова в стихах монахини Марии нужно понимать буквально.

Но Гаяна — это и сама монахиня Мария в молодости. В стихотворении А. А. Блока о молодости монахини Марии прежде всего и сказано: «такая живая». («Когда Вы стоите на моем пути...»).

⁸ № VIII-IX, 1932 год, стр. 33-36.

⁹ Стихотворение «Вот ты в размеренный планетный круг влета». — кн. «Стихи», Петрополис, 1937 г., стр. 84, дата написания — 7.VIII.1936.

Необычайная живость монахини Марии проявлялась и в ее почерке: она писала так быстро, что не могла писать ясно.

Слушая и наблюдая монахиню Марию вблизи, я обратил внимание на необычайную изящность ее быстрых и порывистых движений.

В своем стихотворении А. А. Блок, отметив живость девушки, будущей монахини Марии, отметил сразу же ее красоту: «Когда Вы стоите на моем пути такая живая и такая красивая...». А в красоте женской А. А. Блок, как известно, толк знал.

Во всем облике монахини Марии была мягкая, изящная красота.

При встрече с группой молодежи на квартире И. П. монахиня Мария впервые в Риге рассказала о своем знакомстве с А. А. Блоком, о стихотворении Блока, написанном о ней.

Выступала с литературными воспоминаниями монахиня Мария и в местном литературном кружке, и в Единении. Запомнились слова А. А. Блока о ранней поэзии А. А. Ахматовой, слышанные монахиней Марией (тогда Лизой Кузьминой-Караваевой) у Вячеслава Иванова в Петербурге. Блок долго колебался и с видимым затруднением и неохотой ответил на вопрос о стихах А. А. Ахматовой: «Она пишет стихи свои как бы перед мужчиной, а их надо писать перед Богом». Об Алексее Толстом монахиня Мария сказала: «Он поехал в Россию за белой булкой».

Запомнилась еще очень острая дискуссия в Единении монахини Марии с Н. Н. Н. по вопросу церковной юрисдикции.

С ней всегда было интересно, она постоянно была окружена молодежью. То она по линиям рук определяла характер человека, то рассказывала о своей подпольной работе в России и как можно сделать гербовую печать из картофеля. В юности она была социалисткой-революционеркой и, вспоминая прошлое, так говорила о терроре и террористах: «Люди, которые погибали, — герои; люди, которые не погибали, — несчастные, потому что единственное оправдание за участие в терроре — смерть; люди, которые организовывали террористические акты — негодяи. Сама тема — участие в терроре — не может быть предметом деклараций, она очень интимна» (по записи 3 июня 1935 года).

С молодежью монахиня Мария готова была бывать всюду. Она даже приняла участие в спортивном вылете группы молодежи на Рижское взморье с ночевкой на сеновале в сарае.

Монахиня Мария испытывала как бы увлечение молодежью Прибалтики, что, естественно, также привлекало нас к ней.

Сравнивая молодежь русского меньшинства в Прибалтике с молодежью эмиграции, она говорила, что молодежь русского меньшинства национально здорова, восприимчива, культурно значительней. Русская молодежь эмиграции формируется под влиянием чувства национального унижения в результате национальной децентрализации и безработицы.

Съезд Совета Р.С.Х.Д. в Буасси
27 мая — 2 июня 1931 г.
(сидят в креслах слева: мать Мария, о. Лев Липеровский, о. Сергей Четвериков, в. Б. Зеньковский).

Очень критически монахиня Мария относилась к наблюдавшемуся в некоторых кругах русской молодежи эмиграции увлечению отдельными политическими системами, считая это только политическим снобизмом. Все это, говорила монахиня Мария, болезненные реакции. На месте раны — абсолютно деформированного национального сознания — возникает национальное самолюбие, бахвальство. Так как настоящего питания национальному чувству нет, то молодежь эмиграции в своем национализме интернациональна и денациональна.

И в этом жизненном море, говорила монахиня Мария дальше, плывет корабль Движения. Движение было сильно абсолютной ориентацией на церковь, на главное. Через образовавшуюся

в корабле брешь проникла гнилая вода эмигрантской злободневности. Брешь заделали, но гнилая вода осталась. Монахиня Мария считала, что в какой-то период молодежь Прибалтики вносила в Движение и его съезды «главное», а «Париж» «придаточное». «Сейчас, как никогда, следует отбросить все придаточное и сосредоточиться на главном: на любви к Богу и любви к человеку, на конкретно богословской теме и теме практической. Придаточное от провокаций жизни, и не следует им поддаваться» (по записи выступления монахини Марии 1 июня 1935 года).¹⁰

Помню, что монахиня Мария в Риге много и охотно вышивала, часто без заранее сделанного рисунка.

В начале 1935-го года монахиня Мария приезжала в Ригу еще раз. РПСЕ к тому времени уже было закрыто. Но монахиня Мария не придавала этому большого значения и встречалась с молодежью на частных квартирах. Иногда она оставалась ночевать в том доме, где проводила вечер.

Запомнился один вечер у сестер Н... Дом Н. отличался атмосферой миролюбия, дружелюбности, доброты. Одна из сестер Н. — Н.Н., тогда пятнадцатилетняя девушка, попросила у монахини Марии ее подрясник и апостольник, чтобы надеть их и посмотреть, какой бы она была монахиней. Худенькая, стройная, она была очень мила в монашеском одеянии. Монахиня Мария

¹⁰ Это выступление монахини Марии на съезде РСХД в Буасси, под Парижем, вызвало у некоторых участников съезда возражения. Но монахиня Мария любила живой обмен мнениями, споры. На этом же съезде она выступила против одного докладчика, обвиняя его в «мудро- и хитро- среднем равнодействующем выступлении». «Ему нельзя возразить, и это плохо», — сказала она о докладчике (по записи выступления 2 июня 1935 года). А докладчиком был сам председатель РСХД, проф. В. В. Зеньковский.

Здесь уместно вспомнить слова одного из лидеров культурно-просветительной работы в Латвии того времени — А. П. Мосаковского, который, говоря о трудностях культурно-просветительной работы среди русского населения Латвии, об отсутствии у русских людей потребности в самостоятельных действиях, отмечал: «Слишком инертна и неорганизована масса русского населения, недостаточно дисциплинирована мысль и недостаточно воспитана воля более образованной ее части» («О праздновании дня русской культуры», газета «Русский день»).

Но увлечение монахини Марии молодежью РСХД Прибалтики станет понятным, если вспомнить громадную социальную работу членов РПСЕ в Риге, работу выдающихся деятелей РСХД — Т. Е. Дезен и Н. Н. Пенкина в Печерах, да и вообще работу всего РСХД в Прибалтике. Безусловно, свою роль здесь играла и «почвенность» молодежи РСХД Прибалтики, к которой монахиня Мария, как эмигрантка, не могла остаться равнодушной.

залюбовалась ею и сказала, что весь облик Н. Н. стал необычайно привлекателен.

Потом в Риге много говорили об этом случае и некоторые осуждали монахиню Марию, считая, что свое монашеское одеяние монахиня не смеет никому отдавать. Но монахиня Мария в ответ только улыбалась.

В этот свой приезд монахиня Мария побывала также в Резекне, в гостях у студентов Педагогического института РСХД.

Сохранилась фотография монахини Марии среди молодежи Резекне.

В начале 1935-го года монахиня Мария приезжала в Ригу еще раз. РПСЕ к тому времени уже было закрыто. Но монахиня Мария не придавала этому большого значения и встречалась с молодежью на частных квартирах. Иногда она оставалась ночевать в том доме, где проводила вечер.

Запомнился один вечер у сестер Н... Дом Н. отличался атмосферой миролюбия, дружелюбности, доброты. Одна из сестер Н. — Н.Н., тогда пятнадцатилетняя девушка, попросила у монахини Марии ее подрясник и апостольник, чтобы надеть их и посмотреть, какой бы она была монахиней. Худенькая, стройная, она была очень мила в монашеском одеянии. Монахиня Мария

Здесь уместно вспомнить слова одного из лидеров культурно-просветительной работы в Латвии того времени — А. П. Мосаковского, который, говоря о трудностях культурно-просветительной работы среди русского населения Латвии, об отсутствии у русских людей потребности в самостоятельных действиях, отмечал: «Слишком инертна и неорганизована масса русского населения, недостаточно дисциплинирована мысль и недостаточно воспитана воля более образованной ее части» («О праздновании дня русской культуры», газета «Русский день»).

Но увлечение монахини Марии молодежью РСХД Прибалтики станет понятным, если вспомнить громадную социальную работу членов РПСЕ в Риге, работу выдающихся деятелей РСХД — Т. Е. Дезен и Н. Н. Пенкина в Печерах, да и вообще работу всего РСХД в Прибалтике. Безусловно, свою роль здесь играла и «почвенность» молодежи РСХД Прибалтики, к которой монахиня Мария, как эмигрантка, не могла остаться равнодушной.

Здесь уместно вспомнить слова одного из лидеров культурно-просветительной работы в Латвии того времени — А. П. Мосаковского, который, говоря о трудностях культурно-просветительной работы среди русского населения Латвии, об отсутствии у русских людей потребности в самостоятельных действиях, отмечал: «Слишком инертна и неорганизована масса русского населения, недостаточно дисциплинирована мысль и недостаточно воспитана воля более образованной ее части» («О праздновании дня русской культуры», газета «Русский день»).

ИЗ ОТЧЕТА СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИИ ЦК КПСС

(ЗА 1970 ГОД)

(за подписью В. Фурова)

3.

Монастыри

Монастыри в досоветский период являлись наиболее крупными идеологическими центрами православия, союзниками в реакционной политике царизма, очагами борьбы против всего нового, передового, против революционной мысли. В свое время они сыграли немалую роль в укреплении феодальных отношений в России, осуществляли колонизацию новых земель и сами являлись крупными землевладельцами.

«Декретом о земле», принятым на второй день Октябрьской революции, все монастырские земли были национализированы, а на основе декрета от 23 января 1918 года все имущество монастырей было передано в народное достояние.

Черной страницей в истории монастырей явилась их деятельность в первые годы существования молодой Советской республики. Они сразу же выступили на стороне контрреволюции. В некоторых из них находились склады оружия для борьбы с органами Советской власти. Монахи вступали в «полки Иисуса» и «полки Богородицы». Монастырские стены были прибежищем для всех враждебных новому строю сил. И, естественно, что антинародная политическая деятельность монастырей встретила всеобщее осуждение трудящихся масс.

Контрреволюционные вылазки монашествующих продолжались и после разгрома иностранных интервентов и внутренних сил белогвардейщины. В этой связи все монастыри в период с 1918 по 1929 г. по требованию народа были ликвидированы.

В связи с воссоединением в 1939 году западных областей Украины, Белоруссии и республик Прибалтики и бывшей Бес-

* В предыдущем номере был напечатан почти целиком конфиденциальный рапорт Совета по делам Религии за 1974 г. До нас дошел еще один отчет, более давний, но ценный подробными сведениями о состоянии оставшихся 16 монастырей.

сарабии на территории СССР оказалось 88 действующих монастырей; в их стенах находилось более 5 тыс. монашествующих. Количество монастырей возросло также в период Великой Отечественной войны. На оккупированной территории было восстановлено 16 монастырей, в том числе: в Киевской области — 6, в Одесской — 3, Винницкой — 2, Хмельницкой — 2, Полтавской — 1, Житомирской — 1 и Черниговской — 1. Таким образом к началу 1946 года в СССР действовало 104 монастыря.

Монастыри в наше время — глубокий пережиток. И хотя они еще продолжают получать материальную поддержку со стороны верующих, но не получают главного — пополнения монашествующих. Монахи — вырождающаяся категория, не имеющая резервов.

Не укрепила положения этих очагов мракобесия и та поддержка, имевшая по существу искусственный характер, которую они получили в первые послевоенные годы. Так например, по просьбе Патриарха Московского и Всея Руси Алексия Правительство специальным распоряжением вернуло в монастыри мощи, изъяв их из музеев. За монастырями были закреплены земельные угодья. Им предоставляли и некоторые другие льготы. Однако волонтаристские решения не помогли их деятельности. Количество монастырей стало постепенно сокращаться.

Руководствуясь указаниями директивных органов, за последние годы на местах проведена значительная работа по сокращению сети монастырей. В этих же целях использовано и возросшее влияние Совета по делам Русской Православной Церкви на патриархию и епископат. Руками церковников было закрыто несколько десятков монастырей. В 1963 году под благовидным предлогом (оползни в пещерах, необходимость исследования грунта и реставрации) была закрыта Киево-Печерская лавра, привлекавшая ежегодно до 500 тыс. паломников. Урезаны и земельные угодья. В конце 50-х и начале 60-х годов у монастырей было изъято более 1 тыс. гектаров земли.

В результате довольно сложной и деликатной работы сеть монастырей резко сократилась, уменьшились их возможности влияния на верующих.*

* Просто, в результате жестоких гонений Хрущевского периода. Прим. Ред.

СОСТАВ МОНАШЕСТВУЮЩИХ И ПОСЛУШНИКОВ

Наименование и местонахождение монастырей	Всего монаше- ствующих	В том числе				
		Архиман- дритов	Монахов	Монахинь	Послуш- ников	Священ- ников
1 Покровский женский монастырь, г. Киев	168	-	-	104	59	5
2 Фроловский Вознесенский женский монастырь, г. Киев	144	-	-	106	34	4
3 Успенский мужской монастырь, г. Одесса	39	5	31	-	3	-
4 Михайловский женский м-рь, с. Александровка, Одесской обл.	50	1	-	29	18	2
5 Корецкий женский м-рь, г. Корец, Ровенская обл.	144	-	-	139	1	4
6 Николаевский женский м-рь, г. Мукачево, Закарпатской обл.	123	1	-	121	-	1
7 Вознесенский женский м-рь, с. Чумалево, Закарпатской обл.	41	-	-	40	-	1
8 Почаевская Свято-Успенская лавра г. Почаев, Тернопольской обл.	45	7	38	-	-	-
9 Красногорский женский м-рь, г. Золотоноша, Черкасской обл.	85	-	-	60	25	-
10 Жировицкий Успенский муж. м-рь, пос. Жировцы, Гродненская обл.	61	4	10	46	1	-
11 Вознесенский женский м-рь, с. Жабка, Молд. ССР	70	-	-	65	3	2
12 Святодуховский мужской м-рь, г. Вильнюс, Лит. ССР	26	1	6	18	1	-
13 Троице-Сергиев женский м-рь, г. Рига, Латв. ССР	55	-	-	51	1	3
14 Пюхтицкий женский м-рь, пос. Кюремяэ, Эст. ССР	105	-	-	49	26	2
15 Псково-Печерский мужской м-рь, г. Печеры, Псковская обл.	66	7	43	5	10	1
16 Троице-Сергиевская Лавра, г. Загорск, Московской обл.	53	10	41	-	2	-
ВСЕГО:	1.275	36	169	833	214	25

МОНАСТЫРЕЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Время поступления в м-рь	Возрастной состав					Образов. светское			Образов. духовное								
	До 1917	С 1917 по 1940	С 1941 по 1945	С 1945 по 1960	С 1961 по на- стоящ. время	До 30 лет	30—40 лет	40—50 лет	50—60 лет	св. 60 лет	Выш. и не- оконч. высш.	Средн. и не- оконч. сред.	Начальное	Выш. ака- демическое	Сред. семи- нарское	Ниже:	Кандидат богословия
70	20	17	56	5	-	7	28	14	119	-	11	157	-	-	-	-	-
81	22	16	25	-	-	5	22	4	113	-	3	141	-	-	-	-	-
3	2	3	15	16	4	12	8	3	12	-	24	15	2	10	27	1	-
14	7	-	11	18	3	10	2	9	26	-	3	47	-	1	1	-	-
28	49	20	47	-	-	9	24	40	71	-	2	142	-	-	-	-	-
-	45	17	61	-	-	23	47	28	25	-	13	110	-	2	-	-	-
-	10	4	25	2	1	14	13	5	5	-	3	33	-	1	40	-	-
-	14	1	3	22	-	11	9	5	20	-	14	31	1	7	34	3	-
32	3	5	41	4	-	10	16	8	51	-	85	-	-	-	-	-	-
11	13	3	30	4	-	-	1	14	46	2	2	61	-	-	-	-	-
-	36	3	31	-	-	-	7	28	35	-	30	40	-	-	-	-	-
-	3	6	4	13	1	5	-	4	13	1	12	13	1	2	5	1	-
10	11	7	24	3	2	-	-	18	35	1	6	48	-	-	-	-	-
16	1	62	18	5	26	24	15	35	3	19	83	-	-	-	-	-	-
1	-	-	52	13	10	9	5	9	33	3	27	36	4	7	20	1	-
-	-	-	30	23	2	13	13	7	13	1	30	22	16	9	-	14	-
258	251	103	522	141	31	159	219	211	655	11	204	1.064	28	42	126	20	-

ПОСТУПЛЕНИЯ СРЕДСТВ И РАСХОДЫ МОНАСТЫРЕЙ

Наименование и местонахождение монастырей	Общий доход (рублей)	В том числе			
		от исполне- ния обрядов	от продажи свечей	от продажи др. пред.	доброволь- ные пожер- твон.
1 Покровский женский монастырь, г. Киев	255.152	42.352	156.093	5.154	39.881
2 Фроловский Вознесенский женский монастырь, г. Киев	160.962	14.596	124.115	—	9.801
3 Успенский мужской монастырь, г. Одесса	72.001	13.386	37.858	1.828	10.907
4 Михайловский женский м-рь, с. Александровка, Одесской обл.	30.648	4.183	19.766	—	6.402
5 Корецкий женский м-рь, г. Корец, Ровенская обл.	93.836	2.421	30.964	4.206	3.813
6 Николаевский женский м-рь, г. Мукачево, Закарпатской обл.	38.995	—	7.189	—	16.003
7 Вознесенский женский м-рь, с. Чумалево, Закарпатской обл.	4.935	—	1.460	—	3.317
8 Почаевская Свято-Успенская лавра г. Почаев, Тернопольской обл.	87.510	—	31.800	—	22.231
9 Красногорский женский м-рь, г. Золотоноша, Черкасской обл.	24.172	3.479	15.728	1.431	3.534
10 Жировицкий Успенский муж. м-рь, пос. Жировцы, Гродненская обл.	122.051	—	111.331	1.183	9.396
11 Вознесенский женский м-рь, с. Жабка, Молд. ССР	36.666	5.419	19.782	—	16.883
12 Святодуховский мужской м-рь, г. Вильнюс, Лит. ССР	98.382	15.244	40.766	—	13.403
13 Троице-Сергиев женский м-рь, г. Рига, Латв. ССР	49.042	4.173	34.576	—	10.292
14 Пюхтицкий женский м-рь, пос. Кюремяз, Эст. ССР	86.912	6.971	38.105	976	8.876
15 Псково-Печерский мужской м-рь, г. Печеры, Псковская обл.	118.972	—	112.270	6.702	—
16 Троице-Сергиевская Лавра, г. Загорск, Московской обл.	1.090.900	195.200	475.700	286.600	133.400
ИТОГО:	2.371.136	304.424	1.242.473	302.671	308.679

РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 1970 ГОДУ

Почтовые переводы, сумма (руб.)	Количество посылок (штук)	их вес (кг.)	Общий расход (рублей)	В том числе					Другие расходы	Остаток на конец года (руб.)	В том числе в Госбанке
				на содержа- ние монаше- ствующих.	на сод- служителей культа	на ремонт и содержание зданий	отчисления в фонд мира и охр. пам.				
10.786	59	295	217.697	39.377	22.150	29.870	13.000	113.299	97.606	92.682	
12.448	65	325	123.010	48.781	11.700	14.000	9.150	38.379	100.724	65.111	
1.500	—	—	97.931	29.944	—	—	1.500	61.256	18.408	—	
295	34	159	30.733	13.550	1.200	3.740	1.100	11.443	1.019	759	
41.661	—	—	92.104	32.528	2.400	28.228	600	28.348	12.503	—	
8.758	112	560	35.661	22.584	—	2.985	500	8.382	3.334	3.246	
158	—	—	4.880	3.750	—	815	—	315	55	—	
33.479	1.175	9.561	91.432	13.454	—	7.247	7.000	61.569	3.816	3.460	
5.570	210	1.610	22.193	5.083	2.000	320	300	14.490	4.504	4.000	
—	—	—	138.859	14.245	—	15.110	2.000	107.504	17.012	15.815	
500	776	3.880	35.121	7.254	—	11.217	701	16.000	6.910	—	
16.507	—	—	67.287	16.572	10.975	6.050	4.000	2.971	31.094	8.451	
—	—	—	51,821	28.785	4.100	4.130	700	14.096	4.936	4.000	
31.992	890	4.450	103.579	22.220	3.480	15.636	8.000	51.748	1.227	1.145	
178.012	2.412	18.708	122.340	29.274	—	37.745	10.000	45.320	6.439	—	
—	—	—	1.090.000	329.100	—	208.900	30.000	864.000	13.400	13.300	
341.666	5.733	39.548	2.324.648	657.501	58.005	385.993	88.551	1.439.120	322.987	211.969	

Об этом говорит следующая таблица:

	1939 год	1949 год	1959 год	1969 год
Количество монастырей	88	75	47	16
Число монашествующих	51 000	4 886	2 836	1 273
Наличие мощей в монастырях	2	120*	4	3
Число паломников, посещающих монастыри в дни больших религиозных праздников	более 100 000	50-60 000	до 30 000	до 20 000
Общий доход монастырей (в рублях)	нет сведений	нет сведений	2 400 000	2 206 000

* Более 100 мощей было в Киево-Печерской лавре.

Из таблицы видно, что за последние 10 лет в стране прекратили свою деятельность более 30 монастырей. Сократилось также и количество монашествующих. Уменьшилось число паломников. Произошло некоторое уменьшение монастырских доходов.

Дислокацию монастырей можно видеть из следующей таблицы:

Наименование республик и областей	количество монастырей		число монашествующих
	женских	мужских	
1. Украинская ССР	8	1	856
2. Молдавская ССР	1	—	74
3. Белорусская ССР	1	—	64
4. Литовская ССР	1	—	30
5. Латвийская ССР	1	—	36
6. Эстонская ССР	1	—	100
7. РСФСР:			
а) г. Загорск	—	1	52
б) г. Печёры	—	1	61
ИТОГО:	13	3	1273

В 1968 году, как видно из таблицы, в СССР действует 16 монастырей. За год число монашествующих в них уменьшилось на 72 человека и ныне осталось 1273 монаха. Характерно, что более половины насельников монастырей — люди имеющие возраст старше 60 лет. Это видно из следующих данных:

Возрастной состав монашествующих (в %)

	1958 г.	1968 г.
— до 40 лет	26,9	17,0
от 40 до 60 лет	27,0	29,0
от 60 лет и старше	46,1	54,0

Изучение показывает, что основная масса монашествующих не отличается высоким уровнем общеобразовательной подготовки. В их среде малограмотных и с низшим образованием более 1 тыс. человек, со средним и неполным средним — 175 человек, с высшим и незаконченным высшим — 14 человек. В то же время замечено, что Московская Патриархия большее внимание уделяет мужским монастырям в г. Загорске и г. Одессе. Здесь из 93 монахов почти половина имеет среднее или неполное среднее образование, происходит их омоложение. Вот таблица, характеризующая возраст монахов по этим монастырям:

	в 1958 г., в том числе					
	Всего монахов	до 40 лет	%	от 40 до 60	%	св. 60 лет
а) в Троице-Сергиевой лавке в г. Загорске	85	35	40,0	16	20,0	34
б) в Успенском монастыре в г. Одессе	59	15	25,4	10	17,0	34

	в 1968 г., в том числе					
	Всего монахов	до 40 лет	%	от 40 до 60	%	св. 60 лет
а) в Троице-Сергиевой лавре в г. Загорске	52	44	84,1	3	6,0	5
б) в Успенском монастыре в г. Одессе	41	13	31,5	13	31,5	15

Омоложение состава монашествующих в этих монастырях вызвано некоторыми внешними потребностями, в частности, необходимостью привлечения их к работе с иностранцами, для чего лучше подходят молодые, более подготовленные и соответствующим образом проверенные кадры.

В то же самое время омоложение состава монашествующих и укрепление их за счет лиц, оканчивающих Загорскую семинарию и академию, несомненно укрепляет монастыри. Так, в Троице-Сергиевой лавре 46 чел. (из общего числа 52 монашествующих) являются служителями культа, из них 17 чел. — кандидаты богословия. Все эти лица совершают службу в шести церквях лавры, где одновременно в большие религиозные праздники бывает до 12 тыс. верующих. Кроме того, 15-20 служителей культа ежедневно проводят индивидуальные исповеди местных богомольцев, паломников и приезжающих из разных концов страны. За год лавру посещает примерно 200 тыс. верующих.

В Успенском монастыре г. Одессы 26 чел. (из 41) активно участвуют в церковных службах монастырских церквей и имеют духовный сан: архимандритов — 6, иеромонахов — 14, иеродиаконов — 6.

Регулирование состава монашествующих — сложное и тонкое дело.

Однако и в этом направлении за последнее время проделана некоторая работа. По рекомендации Совета Московская Патриархия запретила делать постриг в монахи лиц, не достигших 30-летнего возраста. Приняты меры по устранению из монастырей нежелательных элементов. Например, в 1964 году был удален настоятель Почаевской лавры Севастиан и четыре монаха, в том числе демагоги с антисоветским настроением Онук, Алепий и др. Принимаются меры по устранению от руководства Псково-Печерским монастырем его наместника Алипия. Этот монах когда-то окончил художественную студию ВЦСПС, пишет иконы, своими «творениями» он украсил монастырские церкви. По характеру — властная натура. Проживающих на покое в монастыре трех епископов Алипий сумел заставить, обуздать, подчинить себе и поставить их в один ряд с остальной монашеской братией, не позволяет им общаться с иностранными туристами и внешним миром вообще. В свое время Патриарх направил в этот монастырь и находящегося на покое епископа Феодосия Коверницкого. Однако этот иерарх, относящийся к числу ермогенцев, зная властность наместника, отказался ехать в Печёры.

Вместе с тем Алипий имеет ряд отрицательных сторон. Были отдельные случаи, когда он высказывал политически вредные взгляды. Так, говоря об агрессии Израиля, Алипий в беседе с советскими экскурсантами сказал:

«По моему мнению, агрессия Израиля делается по благословению Бога и направлена на ликвидацию исторической несправедливости», т. е. Иерусалим «как святой город должен принадлежать Израилю».

За последние три года местные власти неоднократно предупреждали Алипия за то, что он привлекал в монастырь денежными подарками молодежь и подростков. В письме, адресованном в местные органы Советской власти, объясняя свое отношение к подросткам, посещающим монастырь, Алипий между прочим писал: «Долг человека, христианина и гражданина, а главным образом наш закон: просящему у тебя дай, хотящему у тебя занять в долг дай и обратно не требуй, разутого обуи, голодного накорми, жаждущего напой, сироту призри, вдову и сироту защити, хотящему отнять у тебя верхнюю одежду отдай и нижнюю, ударяющему в правую подставу и левую щеку, люби ближнего своего, как самого себя, кто хочет быть богатым, раздавай и не спрашивай, кому даешь, творите больше добра и сынами света будете, обретете высшую радость и счастье».

Во-первых, количество монашествующих постепенно уменьшается; в 1969 г. их было 1303, а теперь осталось 1273 человек, при этом женщин в их составе — 75%;

во-вторых, половина всех монашествующих вступила в монастыри до 1945 года;

в-третьих, более 50% монашествующих имеют возраст 60 и более лет, многие из них больные; в то же время в стенах монастырей 31 насельник (послушники и послушницы) в возрасте до 30 лет;

в-четвертых, подавляющее большинство монашествующих (1063 чел.) имеют начальное образование, хотя в их среде имеется и 111 человек с высшим светским образованием;

в-пятых, в числе монашествующих — 20 кандидатов богословия, находящихся в основном в Троице-Сергиевой лавре (г. Загорск), а также окончивших духовные академии — 28 монахов и семинарии — 42.

Монастыри посещает довольно большое количество верующих. Так, в Троице-Сергиевой лавре (в г. Загорске) в дни больших религиозных праздников собирается до 15 тыс. богомольцев, многие из которых приезжают за сотни километров.

От 2 до 5 тыс. молящихся собирается в Почаевской лавре, Тернопольской области, Покровском женском монастыре г. Киева, Псково-Печерском монастыре Псковской области и др. Сюда поступают значительные денежные приношения верующих.

Все это видно из нижеприведенных таблиц: [см. стр. 364-365].

Сравнение данных за 1970 год с минувшим временем показывает, что денежные поступления в монастыри постепенно уменьшаются. Так, в 1969 году они получили 2.455.191 руб., а в 1970 году — 2.371.136 руб. В 1969 году монастыри получили денежных переводов на 382.342 руб., а в 1970 году — на 341.666 руб. В то же время количество посылок возросло. В 1969 году в монастыри поступила 2621 посылка, а в 1970 году — 5251. Рост почти вдвое.

Совет по делам религии в настоящее время изучает деятельность монастырей. По итогам этой работы готовится совещание группы уполномоченных, на котором будут предложены новые мероприятия по усилению контроля за деятельностью монастырей и дальнейшего ограничения их, сокращения влияния на население.

Вопросы деятельности монастырей в настоящее время изучаются Советом по делам религии. По итогам этой работы готовится совещание группы уполномоченных, на котором будут предложены новые мероприятия по усилению контроля за деятельностью монастырей и дальнейшего ограничения их, сокращения влияния на население.

Вопросы деятельности монастырей в настоящее время изучаются Советом по делам религии. По итогам этой работы готовится совещание группы уполномоченных, на котором будут предложены новые мероприятия по усилению контроля за деятельностью монастырей и дальнейшего ограничения их, сокращения влияния на население.

Вопросы деятельности монастырей в настоящее время изучаются Советом по делам религии. По итогам этой работы готовится совещание группы уполномоченных, на котором будут предложены новые мероприятия по усилению контроля за деятельностью монастырей и дальнейшего ограничения их, сокращения влияния на население.

Вопросы деятельности монастырей в настоящее время изучаются Советом по делам религии. По итогам этой работы готовится совещание группы уполномоченных, на котором будут предложены новые мероприятия по усилению контроля за деятельностью монастырей и дальнейшего ограничения их, сокращения влияния на население.

Вопросы деятельности монастырей в настоящее время изучаются Советом по делам религии. По итогам этой работы готовится совещание группы уполномоченных, на котором будут предложены новые мероприятия по усилению контроля за деятельностью монастырей и дальнейшего ограничения их, сокращения влияния на население.

Е. ВАГИН много эжу шеро... (мгутагетни н эжиз отожелувсифи аннедто) тэт мшиад эамо ПИСЬМО ВЛАДИМИРА ПОРЕША Пожодстиннэл

Владимир Пореш, арестованный 1 августа 1979 года и обвинённый по статье 70 УК РСФСР («антисоветская пропаганда и агитация»), после трёхдневного судебного процесса был приговорён Ленинградским городским судом к 5 годам лагерей строгого режима и 3 годам ссылки.

Из Питера пишут: «Володя отказался от защиты в полном смысле слова, не только от адвоката, и защитником ему стал Сам Христос и Его Пресвятая Матерь. И то, что внешне видится печальными глазами, духовно зрится глазами, исполненными пасхальной радости. Воистину воскрес Христос посреди нас, и многие ко Христу приблизились за то короткое время ближе, чем когда-либо».

Зарубежному читателю особенно может показаться странной такая религиозная экзальтация, и, однако, она вполне естественна для того, сравнительно нового явления, которое называется — религиозно-философские семинары — и у истоков которого стоял В. Ю. Пореш.

С основателем московского религиозно-философского семинара Александром Огородниковым я познакомился буквально в день освобождения из мордовского политического лагеря, в феврале 1975 года, в одном подмосковном доме. Меня тоже поразили тогда эта восторженность, этот неподдельный энтузиазм, с которым Саша говорил о Христе, о судьбе России, о роли Православия в русской истории. При этом он без устали сыпал именами: Бердяев, о. С. Булгаков, Франк, Л. Шестов, Вяч. Иванов, и — Г. Марсель, К. Ранер, папа Иоанн XXIII. Выяснилось немедленно, что он регулярно читает «Вестник РХД», и что я — не знаю, что такое издающийся в Брюсселе «Логос»; что он прекрасно знаком с содержанием Программы ВСХСОН (тут же — ряд уточняющих вопросов), и что для меня — совершенно нова идея «религиозно-философского семинара», которая вот уже чуть ли не год обсуждается «в Москве и Ленинграде». Тут же было сообщено имя его ленинградского друга, с которым я «непременно должен познакомиться — замечательный парень, недавно принял св. крещение».

Скоро состоялось знакомство с Владимиром Порешем, который, в отличие от Огородникова, в тот первый вечер говорил мало, больше молчал и слушал, и показался мне, говоря откровенно, более серьёзным, чем Саша.

К тому времени, кажется, В. Пореш уже окончил Университет (отделение французского языка и литературы) и работал в ленинградской Библиотеке Академии Наук — рядом с бывшим «моим» Пушкинским домом. Работал он серьёзно и увлечённо, как свидетельствует в обращении «В защиту Владимира Пореша» близко знавший его по работе литературовед И. Ф. Мартынов (см. НРС, 9 мая 1980) — да это можно было понять и по разговорам с Володей. И, однако, главным его делом, его страстью и жизнью — **была** идея христианского семинара «Проблемы религиозного возрождения России».

Сейчас, когда уже достаточно написано об этом и опубликована (в журнале «Русское Возрождение» № 2, 1979) Декларация принципов семинара, в которой я узнаю и взволнованную интонацию Саши Огородникова, и рассудительную аргументацию Володи Пореша, — можно представить себе достаточно ясно, чего хотели, к чему стремились эти молодые христиане, для которых мало было только называться христианами.

«Пришло время взять на себя «сладостное бремя свободы и ответственности» — этот величайший дар Божественной любви к человеку, — читаем мы в Принципах семинара. — Чтобы понять Россию, нужно её любить, а любить — значит взять на себя её крест. Святая Русь — вот святая святых нашего национального самосознания».

И здесь же: «Наше отношение к инославным должно определяться в зависимости от их активности в отношении к Церкви, к единству во Христе».

Ничего «политического» не было в их несколько хаотических, беспорядочных собраниях; скорее было — сознательное отталкивание от этой сферы...

Вот свидетельство одного из участников Семинара, уже после суда над Порешом: «Никакой такой «политики» мы за собой не знаем и не запомним, а то, что нам её пришили, так дело, как говорится, советское. Шили нам и монархизм, и какую-то бесовскую «перепланировку» государства, и всё как следует быть, по-стукачески, т. е. бездоказательно».

Действительно, достаточно ознакомиться с опубликованными на Западе документами Семинара (помимо названной Декларации — ряд Обращений), чтобы убедиться: речь шла исключительно о проблемах возрождения христианской России.

Об этом свидетельствует и публикуемое ниже письмо В. Пореша — одно из тех, которые я получил от него уже в Риме, после

отъезда из СССР. Я знаю, что некоторые мои письма были у него изъяты во время ареста, — хотя шли они обычной почтой, как и его письма мне. Не думаю, что публикация этого письма может повредить Володе; напротив, она должна показать, за что судят сегодня в Советском Союзе молодых людей, которые хотят верить и жить той верой, которая без дел мертва.

Предварительно — ещё несколько слов об атмосфере суда над Порешем, — из уже цитированного письма нашего общего друга:

«...А дети моего друга Володи! Ты бы слышал, как они плакали в зале суда после приговора отцу их, если ещё не святому, то надо всю жизнь нашей праведному человеку, которым я горжусь как другом после всего, что я теперь знаю о нем. Старшенькая, Оля, не видевшая отца с прошлого лета, которой говорят, что папа ушёл на работу, потому что она каждый день спрашивает — «А где папа?» — плакала и кричала: «Папа! папа! пустите меня к папе!»

А сам отец при этих-то криках и после всего, что он только что испытал, впервые видит и слышит своего второго единокровного младенца — ещё свёрточек, орущую Ксению, которая плачет, потому что сестра её плачет, потому что сердце матери её плачет, потому что и сердце отца её плачет, и она слышит и плач детский, и плач мужской, и плач женский... А родителям и показать слёз сих родительских нельзя в такую минуту...

Не знаю, право, в каком виде дойдёт до вас то, чем жили мы эти пасхальные дни, как жизнь нашу исказит кривое зеркало чернил и отразит вторичным переискажённым отражением кривое зеркало эмиграции, — нас это мало волнует. Но если дойдёт до вас правильный свет, вы хоть отчасти приобщитесь нашей христианской жизни, как её дал нам во дни эти Сам Воскресший Христос».

***
«...для меня писать письмо вообще — это целое духовное событие, тем более — ответ на такое письмо, как Ваше: необходимо не просто ответить, а высказать что-то по существу».

Все мы думаем об одном: о возможности и необходимости нашего Возрождения. Вы, как помнится, в нём не то, чтобы сомневались, но очень уж отодвигали, совсем за пределы обозримого. И я был очень рад, что теперь Вы, в сознании и на

деле, приближаете то Новое Время, грядущее и желанное, рождение которого отвергает всякий, кто не переживает его опытно. Приметы его настолько явственно ярки для нас и так быстро набирают силу, личности, его творящие, настолько самобытны в совершенно определённом направлении — что для многих из нас уже очевидно приближение новой религиозно-исторической эпохи, Нового Средневековья. Можно сказать даже более того — только то религиозно-культурное явление будет по-настоящему значительно и глубоко, которое будет на уровне новых религиозных идей. Мы будем измерять ценность явления по его близости к этому Новому Времени. Конечно же, глубоко и честно живущая душа, если и не будет знать некоторых из этих идей, то воспримет их опытно, из самой жизни (переживая самоё онтологию времени): в своём творчестве она неизбежно будет нести их семена.

То, что я называю Новым Временем, уже имеет совершенно определённые черты: оно имеет уже своих мучеников (кого именно, я думаю, Вам понятно), своих Отцов (преподобный Серафим Саровский, А. С. Хомяков, славянофилы и вся эта традиция), свой мистический опыт (В. С. Соловьёв, А. Белый, Вяч. Иванов, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков и др.), свою философию (целая плеяда имён), свою литературу, отчасти — свою науку (идеи Чижевского, Н. А. Козырева, Вернадского и, наверное, есть и другие), имеет даже свою общественность (только, правда, зарождающуюся). Не имеет только своей государственности. Последняя будет, должна быть лишь объективацией складывающейся новой религиозно-социальной реальности. И так радостно, Женя, отыскивать следы новой жизни, узнавать их, вообще — быть свидетелем сотворения нового мира!

Не всё, что существует, — достойно существования, хотя всегда — закономерно, всегда — результат предшествующего духовного шага, праведного или падшего. Тут — антиномии общественной жизни. Новое Время, Царство Духа не «наступит», а «уже наступило», т. е. в таинственной жизни Духа уже что-то произошло решительное, об этом мы имеем много свидетельств. И это Время всей своей мощью стремится к воплощению, и от нас зависит — насколько мы вместим, насколько не исказим своей косностью творческий Дух. Такое низкое место среди ценностей наличного мира занимает духовная свобода — но только она спасительна, в ней —

разрешение и путь! Хватит ли нашей, именно нашей, человеческой силы вместить и воплотить посылаемые нам ныне духовные дары? Как никогда громко стучится Христос в наши сердца, а мы — дома ли, в труде ли, отворим ли? Будем ли праведны — и Христос будет ли посреди нас вечерять с нами.

Я не могу пока более точно определить этот дух Нового Времени. Он всё время меняется, и в то же время постоянен. Меняясь, он всегда только углубляется и уточняется. Вернее говоря — углубляется и уточняется его переживание нами. Наступает время Синтеза, нового религиозного универсализма (и в этом смысле Нового Средневековья), который может быть воссоздан только **соборным творчеством** народа Божия, Церкви. Это творчество должно создавать новый мир, преобразуя наличную жизнь и воцерковляя весь духовный опыт всей мировой культуры. Творчество апостольских времён имело целью благовестие по преимуществу. Задача соборного творчества Нового Времени — Преображение. Может быть сказано и сильно, но как же иначе? Ведь так постыл уже нам этот мир! Мы хотим жить другим измерением, а от этого — поскорее отойти и, если возможно, не касаться его. Но как бы цепко ни держал нас ветхий мир, наше решение твёрдо. Кто однажды не то чтобы испил чаши Истины, но хотя бы увидел, в какой это стороне — для того уже нет другого пути, как только всем сердцем туда стремиться. Один наш друг часто вспоминает слова В. В. Розанова: «Так сладок был Иисус, что весь мир прогорк для меня».

Я, наверное, написал очень туманно и не очень понятно, и языком убогим. Что ж делать, ведь мы живём в такое время, когда нам приходится разрабатывать даже новый язык. Вы, как филолог, должны это особенно понимать. Сейчас из-за отсутствия Стиля мы переживаем какую-то языковую Смуту.

Посмотрите, как рождался новый стиль (стиль в большем смысле — как преобладающий религиозно-культурный метод) от языка Хомякова и Киреевского к Аполлону Григорьеву и К. Леонтьеву (у последних двоих — самый воплощённый и интересный язык из плеяды), к Н. Бердяеву и о. П. Флоренскому — до языка последних Editorials в «Вестнике». Несмотря на разнообразие, можно отчётливо видеть единство: это единство стиля, обусловленное единством времени. Ка-

жется, в последние годы этот стиль стал задыхаться и чахнуть. Нужны свежие силы, чтобы оживить его и поднять на новую высоту. Стиль языка культуры рождается из стиля жизни личности. Поэтому очищающее творчество жизни и породит новый язык, и мы снова сможем писать, как писали наши Отцы: красиво, точно и глубоко. Чем удивительны и свежи стихи Олега (Охалкина), так это именно тем, что он из языковой Смуты создал новую гармонию. Но о его языке — особый разговор, я к нему не готов.

Извините меня, Женя, что у меня вместо человеческого письма — эпистолярное наследие, как заметили мои друзья. Мы давно уже утратили культуру общения через письма. Поэтому будем считать, что это тоже в своём роде творчество. Мне очень хотелось точно описать Вам, чем мы здесь живём, и потому я взвешивал каждое слово.

Замечательно верная у Вас была высказана мысль, что Россия станет духовной столицей мира. Вот над этим мы и должны работать. Точнее — это есть уже онтологический факт, а наша задача — духовный дар воплотить в шедевры, во всей полноте жизни. «Красота спасет мир!»...

О П Е Ч А Т К И

№ 126, стр. 230, строка 7
вместо «Сусловым» читай «Сурковым»

№ 130, стр. 4, строка 4
вместо «1880» читай «1980»
строка 5

вместо «1881» читай «1981»
стр. 246, строка 20 (сверху) читай:

«какие-то глубокие, требующие особого рассмотрения счёты...
Что» . . . . .

стр. 346, строка 24
вместо Вольно нашим деятелям
читай Вольно вашим деятелям

12 марта 1980 года, продолжая наступление на верующих в СССР, органы КГБ арестовали члена Христианского Комитета защиты прав верующих Виктора КАПИТАНЧУКА. Его арест с особенной ясностью показал, что власти обеспокоены ростом религиозного возрождения в стране. Чтобы помешать этому росту, власти прибегли к арестам наиболее активных верующих мирян и служителей разных церквей.

Вся деятельность Виктора Капитанчука, направленная на защиту прав верующих в условиях атеистической страны, может быть образцом подвижнического христианского служения.

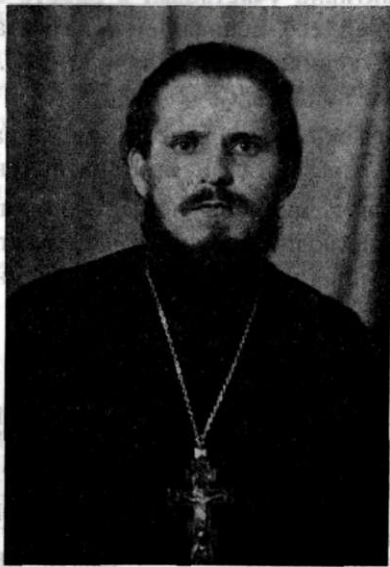
Жертвуй своим благополучием, силами, здоровьем, В. Капитанчук постоянно активно участвовал в работе Христианского Комитета с первых дней его основания до ареста. Сотня, а может быть, и тысячи верующих СССР получили у В. Капитанчука живую помощь, совет, поддержку.

Мы обращаемся ко всем христианам мира с просьбой молиться о мученике веры в СССР В. Капитанчуке.

Мы обращаемся к мировой общественности, правительствам всех стран, ко всем людям, которым дороги принципы свободы и справедливости, провозглашённые во Всемирной Декларации Прав Человека, — поднимите свой голос в защиту Виктора Капитанчука.

Татьяна КАПИТАНЧУК	Валентина МИГАШКИНА
Вадим ШЕГЛОВ	Татьяна ИВАНОВА
Николай ГАЙНОВ	Василий ЧЕКОТА
Владимир ГЕРШУНИ	Максим ЧЕКОТА
Владислав КУВАКИН	Василий ШИЛЮК
Зарина ДЗЕБОВА	Борис ПЕРЧАТКИН
Станислав ЖЕРДЕВ	Зинаида ПЕРЧАТКИНА
Надежда ЖЕРДЕВА	Сергей АНИЩЕНКО
Анатолий ВЛАСОВ	Лев АНИЩЕНКО
Галина УХТОМСКАЯ	Пётр ЧЕРНЫШОВ
Вениамин ПУЗАНКОВ	Николай РУТКЕВИЧ
Тамара ПУЗАНКОВА	Виктор РУТКЕВИЧ
Илья СТАСКЕВИЧ	Евгений МАТВЕЮК
Лидия СТАСКЕВИЧ	Ольга БОЛТУНОВА
Нина ТИМОНИНА	Михаил РОМАНЧИК
Александр ЗАЙЦЕВ	Пётр ЛИТВИН
Иван МАЛАМУРА	Андрей ЗУБКОВ
Дина МАЛАМУРА	Иван ФЕДОТОВ
Михаил ЧЕРТОВСКОЙ	Пётр РАЗУМОВСКИЙ
Ольга ЧЕРТОВСКАЯ	Сергей РАЗУМОВСКИЙ
Пётр МИГАШКИН	Василий РЯХОВСКИЙ

В результате грубого и упорного противодействия как со стороны епархиальной власти, так и со стороны уполномоченных по делам религий в вопросе предоставления мне места работы по специальности, я обращаюсь с настоятельной просьбой к религиозным организациям, церковным деятелям и верующим Православной Церкви в Америке и другим организациям, активно выступающим в защиту прав верующих в Советском Союзе, а также Эмиграционному комитету, чтобы они прислали мне и моей семье официальное приглашение для беспрепятственного въезда на постоянное местожительства в США или Канаду. О себе сообщаю вкратце следующее.

Священник

Евгений Семенович

Солодкий

АННКИ

АННКИ
30 ОНН

Я, священник Евгений Семенович Солодкий, родился 1 апреля 1937 года в поселке Подгородное Днепропетровской области в рабочей семье.

Окончил среднюю общеобразовательную школу. В 1958 г. окончил Киевскую духовную семинарию, а в 1962 г. — Московскую духовную академию. После окончания духовной академии

до посвящения в священнический сан я исполнял обязанности иподиакона и чтеца в Богоявленском патриаршем соборе.

12 марта 1967 г. митрополитом Крутицким и Коломенским Пименом (ныне здравствующим патриархом) был посвящен в сан диакона, а 18 марта — во иерея. С 1967 г. по 1971 г. мое пастырское служение проходило в приходах г. Москвы и Московской области. В 1971 г. под давлением уполномоченного по делам религий по Московской области Трушина А. А. был уволен в заштат, в котором находился до 1977 года.

Уполномоченный Трушин был ужасно раздражен на меня за то, что я по настоятельной просьбе верующих прихода оказал им содействие в устранении от занимаемой должности окончательно скомпрометированного в глазах всех прихожан церковного старосты — ставленника безбожных властей. За это я по настоянию уполномоченного был незамедлительно отстранен от исполнения моих пастырских обязанностей. Как выяснилось позже, митрополиту и патриарху было дано указание под разными предлогами в завуалированной форме отказывать мне в предоставлении прихода.

С 1973 г. я работал токарем, а с 1974 г. по 1977 г. — мусоросборщиком.

Все мои усилия получить приход оказались тщетными. Постоянные и неотступные мои обращения в различные высшие партийные и государственные органы власти по поводу моего дела каждый раз вызвали у уполномоченных приступы дикой ярости и злобы, так как все эти письменные обращения неизменно пересылались в Совет по делам религий. Таким образом образовался заколдованный замкнутый круг. В результате этого я окончательно решил подать заявление властям на выезд из Советского Союза. В мае 1976 г. я поставил об этом в известность уполномоченного по делам религий по Советскому Союзу Куроедова, который дал указание митрополиту Серафиму (ныне покойному) назначить меня на приход.

В немалой степени этому я обязан известным священникам Дмитрию Дудко, Глебу Якунину, Николаю Гайнову, которые побратски оказали мне большую поддержку своими полезными советами.

В июне 1977 года, уже при митрополите Ювеналии, я получил приход. Назначая меня на приход, митрополит Ювеналий прямо заявил мне, что за мной будет установлена слежка. Эту роль выполнял и продолжает выполнять ловкий и изворотливый

осведомитель и аморального поведения протоиерей Сидорычев Евгений, по проискам которого в течение семи лет его священнослужения на одном приходе было уволено около пятнадцати священнослужителей, в том числе и священник Николай Гайнов.

Спустя два года после моего назначения на приход по доносу Сидорычева за короткий отрезок времени были уволены с прихода три священнослужителя, в том числе и я. Двое из уволенных моих собратьев сейчас служат в разных приходах. А я пока безуспешно пытаюсь получить приход. На мои многочисленные письменные обращения митрополит не отвечает, молчит. Без всякой вины с моей стороны митрополит Ювеналий отказывает мне в предоставлении прихода по принципиальным соображениям. И это несмотря даже на то, что во многих приходах Московской епархии ощущается весьма острая нужда в священниках.

Грубость, жестокость, попрание элементарных прав и норм общения со стороны отдельных представителей церковной власти в отношении неугодных им священнослужителей вызывают среди верующих справедливое чувство возмущения, недовольства. Вот почему верующие в подавляющем своем большинстве проявляют такой необычайно огромный интерес к правозащитному движению в СССР. Представители этого движения выглядят в глазах всех честных людей подлинными героями, подвижниками, исповедниками, которые, словно яркие звезды, блещут на небосводе великой России.

Я женат. Моя жена, Солодкая Анна Сергеевна, 1938 года рождения, родилась в подмосковном поселке Салтыковка, работает билетным кассиром.

У меня трое дочерей: Вера, 1967 года рождения, школьница, Анна, 1968 года рождения, школьница, и Мария, 1970 года рождения, школьница.

Я еще раз обращаюсь с просьбой к руководителям и рядовым верующим Американской Православной Церкви оказать мне посильное содействие в выезде из СССР.

Священник Евгений Солодкий

Мой адрес: 28 марта 1980 года.

СССР, 143900, г. Балашиха, 8

Московской области,

ул. Кооперативная, 31, кв. 49.

Солодкий Евгений.

телефон 521-76-85

ОБРАЩЕНИЕ

Несколько месяцев тому назад был арестован дорогой наш батюшка о. Димитрий Дудко только за то, что доблестный пастырь, послушно следуя зову Христа и своей совести, нёс жаждущей пастве и всем, ищущим утешение и отраду, благую весть о Христе, добре, мире, любви, братстве, честности и справедливости. С подлинно апостольской ревностью он безбоязненно обличал всякую ложь, с кротостью и смирением осуждал пьянство, разврат, воровство и другие пороки неверия, терпеливо обращаясь с призывом к нравственному обновлению, утверждению среди людей справедливости, крепких семейных устоев, радости и счастья, прочного мира и взаимопонимания. Во имя этих благороднейших идеалов о. Димитрий трудился, не страшась усталости, не жалея сил и энергии, проявляя вместе с тем и изумительное мужество, и отвагу, и самопожертвование, и благородство. В его поступках, словах при всегдашнем общении как с верующими, так и неверующими проявлялась необычайная простота, нежная отцовская ласка и искренность. В лице о. Димитрия мы, верующие, видели живое воплощение образа настоящего пастыря, каким он должен быть по апостольскому учению.

Теперь над этим из лучших священников и пламенном проповеднике евангельской истины нависла угроза жестокой расправы. Злобные противники Христа в лице «сильных мира сего» замышляют оклеветать о. Димитрия и по ложному обвинению приговорить его к тюремному заключению.

Ко всем без исключения проповедникам истины и справедливости, ко всем тем, кто в силу своих нравственных потребностей, своей совести и убеждения, своего священного человеческого долга выступает в защиту гуманных принципов уважения человеческой личности и соблюдения демократических свобод в нашей стране применяют давно испытанное средство — обвинение в клевете в качестве оружия противодействия темных сил зла против добра. Это гнусное средство заведомой дьявольской лжи, применявшееся к мужественным борцам за правое дело на протяжении всей советской истории, будет применено и к лучшим представителям нашего общества — о. Димитрию Дудко, о. Глебу Якунину, В. Капитанчуку, Л. Регельсону и другим верующим правозащитникам.

Все люди доброй воли не только в нашей стране, но и во многих странах мира глубоко обеспокоены надвигающейся угро-

зой над судьбами этих славных глашатаев истины. Христиане всего мира, люди разных исповеданий, все частные люди не должны быть безучастными и равнодушными в час грозной опасности, нависшей над преследуемыми священниками и верующими в СССР. Для каждого честного человека не может быть сомнений в выборе решений в вопросе защиты доброй чести священнослужителя от посягательств со стороны власти имущих на его исключительно пастырскую деятельность, — заставить с помощью применения грубой силы молчать, не говорить о воскресшем Христе.

Движимые чувством всеобщей любви, объединенными усилиями и действием человеческой солидарности все, все милые и добрые люди, братья по вере, выступим в защиту гонимых священников и верующих в нашей стране и скажем свое решительное: прекратите преследование верующих! Отпустите наших пастырей на свободу! Все прогрессивное общество Советского Союза заверят другие народы, что позиция, какая единодушно будет занята в данном вопросе, не может не оказать своего положительного влияния на то, что грубая сила приостановит враждебную акцию преследования священников и верующих.

Мы, верующие, обращаемся и к Вашему Высокопреосвященству, Владыка Ювеналий, выступить в защиту о. Димитрия Дудко.

По установившейся традиции во всех храмах христианского мира за пасхальным богослужением будут зачитаны послания епископов к верующим. В пасхальных посланиях будут излагаться призывы к миру и посылаются добрые пожелания пасхальной радости всем христианам. В связи с этим желательно, чтобы пасхальные пожелания этих посланий дошли и до слуха тех, кто ради Воскресшего Христа томится в тюремных стенах.

Христос Воскресе, дорогой наш батюшка о. Димитрий и все томящиеся узники за веру Христову.

Всех вас приветствует и благославляет о. Димитрий Дудко. Мы, верующие, обращаемся к Вам, Владыка Ювеналий, выступить в защиту о. Димитрия Дудко. По установившейся традиции во всех храмах христианского мира за пасхальным богослужением будут зачитаны послания епископов к верующим. В пасхальных посланиях будут излагаться призывы к миру и посылаются добрые пожелания пасхальной радости всем христианам. В связи с этим желательно, чтобы пасхальные пожелания этих посланий дошли и до слуха тех, кто ради Воскресшего Христа томится в тюремных стенах. Христос Воскресе, дорогой наш батюшка о. Димитрий и все томящиеся узники за веру Христову.

Всех вас приветствует и благославляет о. Димитрий Дудко. Мы, верующие, обращаемся к Вам, Владыка Ювеналий, выступить в защиту о. Димитрия Дудко. По установившейся традиции во всех храмах христианского мира за пасхальным богослужением будут зачитаны послания епископов к верующим. В пасхальных посланиях будут излагаться призывы к миру и посылаются добрые пожелания пасхальной радости всем христианам. В связи с этим желательно, чтобы пасхальные пожелания этих посланий дошли и до слуха тех, кто ради Воскресшего Христа томится в тюремных стенах. Христос Воскресе, дорогой наш батюшка о. Димитрий и все томящиеся узники за веру Христову.

Светейшему Патриарху Московскому и всея Руси ПИМЕНУ

Ваше Светейшество Вы наверно знаете об аресте отца Димитрия Дудко. Он был хорошим священником и проповедником и часто ласкал нас детей. Он был мне духовным отцом. Я очень сожалею об его аресте и прошу Вас Ваше Светейшество освободите его от тюрьмы, и еще прошу хотя и недостойн просить Вас об этом помолитесь за него пожалуйста.

12 февр. 80 г.

Православный мирянин
отрок Игнатий

P.S. Сохранена орфография подлинника.

Архиепископу Волоколамскому ПИТИРИМУ

Ваше Высокопреосвященство!

До слуха церковного народа дошли Ваши слова об о. Димитрии Дудко, сказанные в интервью, за пределами Родины.

«О. Димитрия я знаю давно, мы учились с ним в Академии, то, что с ним произошло — трагично, мы молимся за него. Но он человек нервный, неуравновешенный и поэтому неудивительно, если он нарушил закон.»

Я бы не стал Вам писать, если бы в Ваших словах не было тонкой клеветы, рассчитанной на тех людей, которые никогда не встречались с о. Димитрием. Вы и говорите, что молитесь за него, и клеветаете, говоря, что он был «невыдержанным человеком, и поэтому неудивительно, что он нарушил закон», и придаете этой Вашей лжи некое подобие убедительности, ссылаясь на то, что учились с ним в Академии. О. Димитрию, конечно, не будет хуже от Вашей клеветы, он может Вас только пожалеть: он давно уже со смирением принимает свою чашу страдания и гонений за Христа. Но Вы становитесь клеветником и согонителем тех, кто уже давно гонит Русскую Православную Церковь, и кто рад был бы ее уничтожить, — да Бог того не дает. Вы, Ваше Высокопреосвященство, сеете семя клеветы, соблазняя тех, которых нетрудно соблазнять уже потому, что они не знают, о чем говорится, опытом Ваших слов не проверишь, а ясное духовное видение в наше

время — дар редкий, чтобы стало понятно, что такой проповедник, как о. Димитрий, если бы он действительно был неуравновешенным, и Бог не пребывал с ним, то он и года бы не продержался в храме, но его собственная уравновешенность, мудрость и Божья защита не давали возможности с ним расправиться. Ваше Высокопреосвященство, не праведника ли Вы гоните, не на верного ли раба Божьего клеветаете. И не хула ли Ваши слова, что Вы молитесь о нем, ибо как можете одновременно клеветать и молиться.

Но если все, сказанное Вами — всего лишь плод заблуждения, то это еще не поздно исправить. Помогите отцу Димитрию.

Православный мирянин Павел Проценко.

Неделя о Страшном суде.

В СВЯЗИ С ЗАЯВЛЕНИЕМ СВЯЩЕННИКА Д. ДУДКО

(«Известия» 21 июня 1980)

«Вестник» уже был в наборе, когда пришла весть о самоотречении и последовавшем за ним освобождении из-под стражи о. Димитрия Дудко.

Случившееся обличает прежде всего жестокость и порочность советского режима, стремящегося отнять самое сокровенное, истинное право человека: быть до конца самим собой.

Еще в 1923 г. патриарх Тихон, ради высшего блага Церкви, вышел из тюрьмы, осудив свою якобы антибольшевистскую деятельность.

Продиктованное тюремными властями «самоотречение» не очерчивает попытку, сделанную о. Димитрием, расширить границы церковной свободы. Будем надеяться, что она найдет последователей.

То, что он надломился в неравной и одинокой борьбе, не должно ни смущать, ни тем более приводить в отчаяние. Всё: и подвиг о. Димитрия, которым слишком легковесно мы заслонялись, и его нынешнее унижение, мы должны вручить милосердию Бога.

Редакция «Вестника»

ПАМЯТИ АРХИМАНДРИТА ЛЬВА ЖИЛЛЭ

29 марта 1980 года в Субботу Лазарева Воскрешения скончался в Лондоне архимандрит Лев Жиллэ, своеобразный и значительный участник Русского Религиозного Возрождения в эмиграции. Отец Лев родился в 1893 году в традиционной французской семье. Свое высшее образование он получил как в Гренобле, так и в Женеве, где он изучал психологию. Тогда же произошла его духовная встреча с Достоевским, которая впоследствии направила его жизнь по необычному руслу. Во время Первой мировой войны его интерес к России возрос благодаря знакомству с русскими в немецком плену. Война перевернула мировоззрение отца Льва. В 1924 году этот бывший агностик стал послушником в Бенедиктинском монастыре. Знаменитый Львовский униатский Митрополит Андрей Шептитский, заметив интерес о. Льва к Славянскому Востоку, предложил ему стать его секретарем. О. Лев переехал в Галицию и принял восточный обряд, что дало ему возможность близко познакомиться с теми весьма сложными междуцерковными отношениями, которые существовали в послевоенной Польше. Там сталкивались интересы Ватикана, поляков католиков и украинцев как униатов, так и православных.

В 1927 году приехав в Париж, о. Лев выразил Митрополиту Евлогию свое желание войти в общение с Православной Церковью. Митрополит пригласил его сослужить ему в следующее же воскресенье. И так о. Лев стал православным и вошел в состав клира Западно-Европейской Митрополии. В «Пути моей жизни» Митрополит Евлогий так говорит о нем: «о. Лев — религиозный мыслитель, молитвенник, вдохновенный проповедник и духовный руководитель отдельных душ... По натуре свободолюбивый, он почувствовал тесноту узких рамок католицизма и повлекся душою к Православию». С Русским Студенческим Христианским Движением о. Лев встретился летом 1928 года на съезде в Клермоне. Он сразу произвел глубокое впечатление на всех участников конференции не только своим редким даром проповедника и оригинального истолкователя Св. Писания, но в особенности духом православной свободы, которым вдохновлялось Движение. Отец Лев принял горячее участие в церковной жизни Парижа. Он возглавил первый православный приход, совершавший службы на французском языке, был преподавателем в Богословском Институте на Сергиевском Подворье, руководил библейскими кружками Движения. Кроме того он взял на себя посещение русских заключенных в тюрьмах, особенно смертников, которые по словам

Митр. Евлогия: «в последний час видели в нем друга. Он напутствовал их и сопровождал до самой гильотины». В 1934 году вышла его книга на русском языке «Иисус Назарянин». Его статья, напечатанная в тот же период в «Пути» (1932 № 36) под заглавием: «В поисках первоначального евангельского предания» свидетельствует о его блестящем даре библейского историка.

Незадолго до начала Второй Мировой Войны отец Лев получил стипендию колледжа Квакеров в Бирмингеме и с тех пор жил преимущественно в Англии. В конце войны он переехал в Лондон, где сблизился с группой евреев-христиан, служивших на еврейском языке. Они возглавлялись англиканским священником Левертовым и стремились сохранить связь с своим еврейским прошлым. К тому времени относится появление его книги «Communion in the Messian». В 1948 году о. Лев стал настоятелем церкви Св. Василия Великого в доме Содружества Св. Мученика Албания и Преподобного Сергия Радонежского. Так начался последний самый творческий период его жизни — расцвет его пастырской и миссионерской работы. Он стал духовным руководителем все расширяющегося круга лиц. Кроме Англии он регулярно посещал Бейрут, где пользовался большой любовью православной ливанской молодежи. Окармливал он также группы православных в Греции, Женеве и Париже. Особенно ценно было его неукоснительное участие в работе Содружества. Многим памяты его духовные беседы на съездах и руководство retreat'ов Содружества. Это было также время его большого литературного творчества. Он писал как по-французски, так и по-английски под именем «Монаха Восточной Церкви». Его книги были переведены на множество языков: немецкий, голландский, датский, греческий, итальянский, испанский, португальский, японский и др. Наиболее известны его книги: «Le visage de Lumière», «L'an de grace du Seigneur» (2 v.), «Orthodoxe Spirituality» и «In Thy presence». Кроме своей литературной и пастырской работы отец Лев составлял регулярные обзоры литературы на религиозно-философские темы, которые рассылались Сполдинским Фондом по библиотекам разных стран.

В газете «The Times» от 11 апреля автор некролога охарактеризовал о. Льва как одного из наиболее выдающихся представителей Православия на Западе, духовного руководства которого искали не только члены его Церкви, но и инославные, и как исключительного знатока не только Христианства, но и других религий.

Отец Лев был подлинным сыном Франции, владевшим в совершенстве родным языком, но в то же время он был истинным

голосом Вселенского Православия. Путь к нему он нашел в Русской православной Церкви в эмиграции; той Церкви, которая имела такое решающее влияние на рост Православия на Западе.

Кончина о. Льва была благословенной. Утром он отслужил литургию, день провел в семье секретаря Содружества Rev. G. Evans'a, был радостный и спокойный, а вечером его нашли в его комнате, в кресле — мирно почившим. Отпевание было совершено в Греческом Соборе в Лондоне, надгробное слово произнес Митрополит Антоний Сурожский.

Николай Зернов

Оксфорд

Русское Студенческое Христианское Движение за Рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения Православной Церкви и привлечение к вере во Христа равнодушных к вере и неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей подготовить защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом.

Р.С.Х.Д. утверждает свою неразрывную связь с Россией. Наша принадлежность к русскому народу и к Русской Православной Церкви налагает на нас духовные обязательства, независимо от того, мыслим ли мы себя временными изгнанниками-эмигрантами или решили связать свою жизнь с другой страной. Подлинная русская культура неотделима от Православия: поэтому в хранении и продолжении ее мы видим наш долг. Мы видим наш долг также в свидетельстве перед миром о подлинном лике России, в напоминании о страданиях русского народа.

СОДЕРЖАНИЕ

SOMMAIRE

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От Редакции: Солженицынский комплекс — Н. Струве	3
БОГОСЛОВИЕ	
Практическое руководство к молитве	5
Богословие Евангелия Иоанна Богослова — прот. С. Булгаков ..	10
Преподобный Максим Святогорец — Н. В. Первушин (Канада) ..	34
■ Христианство на Западе	
Смешение языков (Идеологический кризис Западной Церкви) — А. Безансон (Париж)	55
ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ	
Стихи — Н. П.	81
Глава из Узла II "Октябрь Шестнадцатого" А. Солженицын	85
■ Из "Литературного архива"	
Стихи счастливого лета — В. Швейцер (США)	109
О музыке и смерти — Д. Зелинский (Москва)	117
СУДЬБЫ РОССИИ	
■ Истоки духовного возрождения	
Православные братства — Н. Шеметов (Москва)	147
■ Вопросы общественности	
Чем грозит Западу плохое понимание России — А. Солженицын	182
Письмо Борису Суварину — А. Солженицын	217
В порядке дискуссии	
Интернационалисты и русская революция — Максудов (Москва)	221
Микроб коммунизма или тифозная вошь — М. Бернштам (США)	263
■ Проблемы и история эмиграции	
За други своя.. — С. Жаба (Париж)	325
Мать Мария и Русское Студенческое Христианское Движение — Л. Макаров	353
■ Русская Церковь сегодня	
Из отчета Совета по делам религии ЦК КПСС	362
Письмо Владимира Пореша — Е. Вагин (Рим)	373
В защиту Виктора Капитанчука	379
Свидетельство свящ. Е. Солодкого	380
Обращение	383
Письма верующих	385
Памяти архимандрита Льва Жиллэ	387

SOMMAIRE

	Pages
THEOLOGIE, RELIGION	
A nos lecteurs : « Le complexe anti-Soljénitsyne » — Nikita Struve	3
Manuel pratique de prière — (Samizdat, U.R.S.S.)	5
La théologie de l'Evangile selon Saint Jean — † Serge Boulgakov	10
Saint Maxime le Grec — N. Pervouchine (Canada)	34
■ Le christianisme en Occident	
La confusion des langues (traduit du français) — A. Besançon	55
LITTERATURE ET VIE	
Poésies — N. P. (U.R.S.S.)	81
Un chapitre d' « Octobre 16 » — A. Soljénitsyne	85
Vers inédits de M. Volochine — présentés par V. Schweizer (U.S.A.)	109
Musique et mort (pour le centième anniversaire de la naissance d'A. Block) — D. Zelinski (Moscou)	117
LES DESTINEES DE LA RUSSIE	
■ Aux sources de la renaissance religieuse	
Les confréries orthodoxes au XX ^e siècle — N. Chemetov (Moscou)	147
■ Problèmes sociaux	
L'erreur de l'Occident — A. Soljénitsyne	182
Lettre à Boris Souvarine — A. Soljénitsyne	217
Les internationalistes et la Révolution russe — Maksoudov (U.R.S.S.)	221
Le microbe du communisme — M. Bernstam (U.S.A.)	263
■ Histoire et problèmes de l'émigration russe	
Mourir pour son prochain (souvenirs sur Mère Marie) — S. Jaba (Paris)	325
Mère Marie et l'A.C.E.R. — L. Makarov	353
■ L'Eglise russe aujourd'hui	
Les monastères (Rapport du Conseil aux affaires religieuses, 1970)	362
Vladimir Porech — E. Vaguine (Rome)	373
Pour la défense de V. Kapitanchouk	379
Le témoignage du père Eu. Solodki	380
Appel aux chrétiens	383
Lettres de croyants aux évêques	385
In memoriam archimandrite Lev Gillet — N. Zernov (Oxford) ..	387

вышли из печати

- Архиеп. ВАСИЛИЙ (Кривошеин)
СИМЕОН НОВЫЙ БОГОСЛОВ. 1980. 360 стр. .... 78,—
Первый капитальный труд об одном из величайших мистиков Православной Церкви X века.
- ГАККЕЛЬ, о. С.
МАТЬ МАРИЯ. 1980. 208 стр. .... 59,—
Облик матери Марии, в юности поэтессы, члена «Цеха поэтов», в эмиграции ставшей монахиней и другом всех обездоленных и погибшей мученической смертью в Равенсбрюке, обрисован в этой книге с большой тщательностью и любовью. Книга богато иллюстрирована.
- СРЕДИ ИЗДАНИЙ ПОЭТОВ XX ВЕКА*
- ГУМИЛЕВ Н.
НЕИЗДАННЫЕ СТИХИ И ПИСЬМА. (Прим. и комментарии Г. П. Струве) 1980. 238 стр. .... 58,—
Гумилев в России до сих пор под запретом. Это первая широкая публикация его писем, включающих множество неизданных стихотворений поэта, в основном раннего периода (письма к Брюсову). Переписка с Ларисой Рейснер дает богатейший материал для биографии Гумилева в революционное время. Книга снабжена обширным историческим и литературным комментарием.
- ГУМИЛЕВ Н.
МИК. Африканская поэма. Репринт. 1980. 48 стр. 18,—
- АГУРСКИЙ М.
ИДЕОЛОГИЯ НАЦИОНАЛ-БОЛЬШЕВИЗМА.
1980. 330 стр. .... 65,—
На основании богатого документального материала, как опубликованного, так и архивного, автор прослеживает историю зарождения и развития национал-большевизма в СССР и в эмиграции. Исследование обнимает период с 20-х до конца 30-х годов.

НОВЫЕ КНИГИ:

- АНТОНОВИЧ А.
МНОГОСЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА. 1980. 136 стр. .... 36,—
Повесть неизвестного московского автора о бесхитростном быте московской коммунальной квартиры в предвоенные годы, во время и после войны. Тема, казалось бы обыкновенная, но исполнена прекрасным русским языком и в очень своеобразном ключе: от рассказа о зачатии Никиты Фомича, о светящейся старушке Луизе и ее подселенце Заслонове веет неподражаемым юмором «сквозь слёзы».
- К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО*
- МОЧУЛЬСКИЙ К.
Ф. ДОСТОЕВСКИЙ. ПУТЬ И ТВОРЧЕСТВО.
1980. Репринт. 564 стр. .... 78,—
Книга тонкого и оригинального критика и историка русской литературы К. Мочульского стала давно уже библиографической редкостью. Между тем по богатству и широте материала (черновые тетради и переписка, неизвестные произведения и наброски Достоевского) и доступности изложения она остается одним из ценнейших исследований творчества писателя.
- ШТЕЙНБЕРГ А.
СИСТЕМА СВОБОДЫ ДОСТОЕВСКОГО.
Репринт. 146 стр. .... 42,—
Книга, основанная на лекциях, прочитанных в Вольфиле (Вольная философская ассоциация) в Москве, вышла в 1923 году в Берлине. По непонятной причине она прошла незамеченной и мало учтена в исследованиях о Достоевском. А вместе с тем это вполне оригинальный и самостоятельный труд, в котором дан проникновенный анализ философии свободы Достоевского в свете революционных событий.

"РУССКАЯ МЫСЛЬ" « LA PENSÉE RUSSE »

РУССКАЯ МЫСЛЬ - самая большая русская еженедельная газета на Западе. Она выходит в Париже, каждый четверг на 16-ти страницах.

Адрес РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ:

«La Pensée Russe», 217, rue du Fg Saint-Honoré - 75008 Paris
Tél. 824-96-47, 766-21-83, 227-05-79

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: (во франц. франках)

	3 мес.	6 мес.	12 мес.
ФРАНЦИЯ	40	75	135
ЗАГРАНИЦА	47	84	150

Почтовый счет: С.С.Р. 5883-44 К Paris

Цена отдельного номера 4 фр.

Новое Русское Слово

ЕДИНСТВЕННАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА ЗА РУБЕЖОМ

67-й год издания. Выходит 6 раз в неделю в Нью-Йорке

Главный редактор: **АНДРЕЙ СЕДЫХ**

Свыше 200 сотрудников во всех странах мира. В Новом Русском Слове печатают свои произведения виднейшие эмигрантские писатели, поэты и публицисты.

Полная информация о жизни эмиграции.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: Воскресное и ежедневное издание:

один год — 70 амер. долларов
6 месяцев — 38 амер. долларов

Воскресное издание только:

один год — 30 амер. долларов

Подписку и объявления направлять по адресу:

NOVOE RUSSKOYE SLOVO

243 West 56 Street — New York 10019, N.Y., USA.

или по адресу парижского представ. газеты, с уплатой во франках:

Mr. Perepelovsky, 108, rue Michel Ange, 75016 Paris

КОНТИНЕНТ

Литературный,
общественно-
политический
и религиозный
журнал

№ 24

Главный редактор: Владимир МАКСИМОВ

Станислав Баранчак — Свой угол. Жилищные стихи. Пер. с польского Н. Горбаневской

■ КРУГ РАССКАЗЧИКОВ: Семен Глузман — Ангел на карнизе. Александр Суконик — Встреча. Герман Плисецкий — Стихотворения Евгений Любин — "Арифметика". Юрий Милославский — Любовь. Вадим Нечаев — Летний отпуск художника. Милован Джилас — Первое причастие

■ СТИХИ: Алексей Лосев, Алексей Цветков, Игорь Померанцев, Борис Календарев, Иван Елагин

■ РОССИЯ И ДЕЙВИТЕЛЬНОСТЬ: Эдуард Кузнецов — Две ксивы
■ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЙ ДИАЛОГ: Ян Тесарж — Как народились ГРАЖДАНЕ на Святой Руси

■ ЗАПАД — ВОСТОК:

Гейтар Стюарт — Иран: Маркс, муллы и Пехлеви

■ ФАКТЫ И СВИДЕТЕЛЬСТВА. Югославская трагедия:

Михайло Михайлов — Предисловие. Боро Карапанджич — Выдача словенцев. Райко Катунцац — Рождество. Мирко Видович — Добровольно-принудительные

■ ИСТОРИЯ: Александр Некрич — Сталин и нацистская Германия

■ ИСТОКИ: Виктор Каган — В двух зонах

■ ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ:

Даниил Хармс — Проза. Публикация и предисловие Ильи Левина

■ ЛИТЕРАТУРА И ВРЕМЯ: Марк Поповский — Идеальный советский писатель. Константин Симонов — итоги жизни (1915-1979)

■ ИСКУССТВО:

Пьер Литез — Олег Гудков, или Схватка плоти с сердцем

■ НАША ПОЧТА ⇨ КОЛОНКА РЕДАКТОРА ⇨ КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ: Ирина Иловайская — Жизнь и Житие • Виолетта Иверни — "Когда двигаетесь, старайтесь никого не толкнуть..."

• Ирина Лясота-Заблудовска — "Малый Апокалипсис Тадеуша Конвицкого • Кира Сапфир — История о преданном и переданном слуге • Василий Бетаки — В противоречии с предисловием • Михаил Агурский — ГУЛаг или утопия • В. Волков — Очерк здравого смысла

■ КОРОТКО О КНИГАХ ⇨ ПО СТРАНИЦАМ ЖУРНАЛОВ ⇨ НАША АНКЕТА: Петр Вайль и Александр Генис — Заговор против чувств. Беседы с Зиновьевым

■ СПЕЦИАЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

Цена отдельного номера: 35 фр. фр.

С заказами обращаться в русский книжный магазин

LES EDITEURS REUNIS

11, rue de la Montagne Ste-Geneviève 75005 PARIS

ВЕСТНИК

Издание Русского Студенческого Христианского Движения

55-ый год издания

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВЕСТНИКА

В Австралии:

M. Solovey, « Our word ». P.O. Box 178, Potts point, N.S.W. 2011
Sydney, Australie.

В Америке:

Mrs Ludmila Toman, 85, Tobey Road, Belmont, Mass. 02178, USA.

San Francisco:

Mrs Olga Raevsky-Hughes, P.O. Box 1207, Berkeley, Ca 94701, USA

В Канаде:

« Parish News », 1175 Champlain St. Montreal P.Q. H2L 2R7,
Canada.

В Англии:

Aid to the Russian church (Miss Ellis) Schoolhouse, Heathfield Rd,
Keston, Kent.

В Израиле:

Michel Agoursky, ROB 7433, Jérusalem.

Directeur responsable : Nikita STRUVE.

Tous droits de traduction réservés.